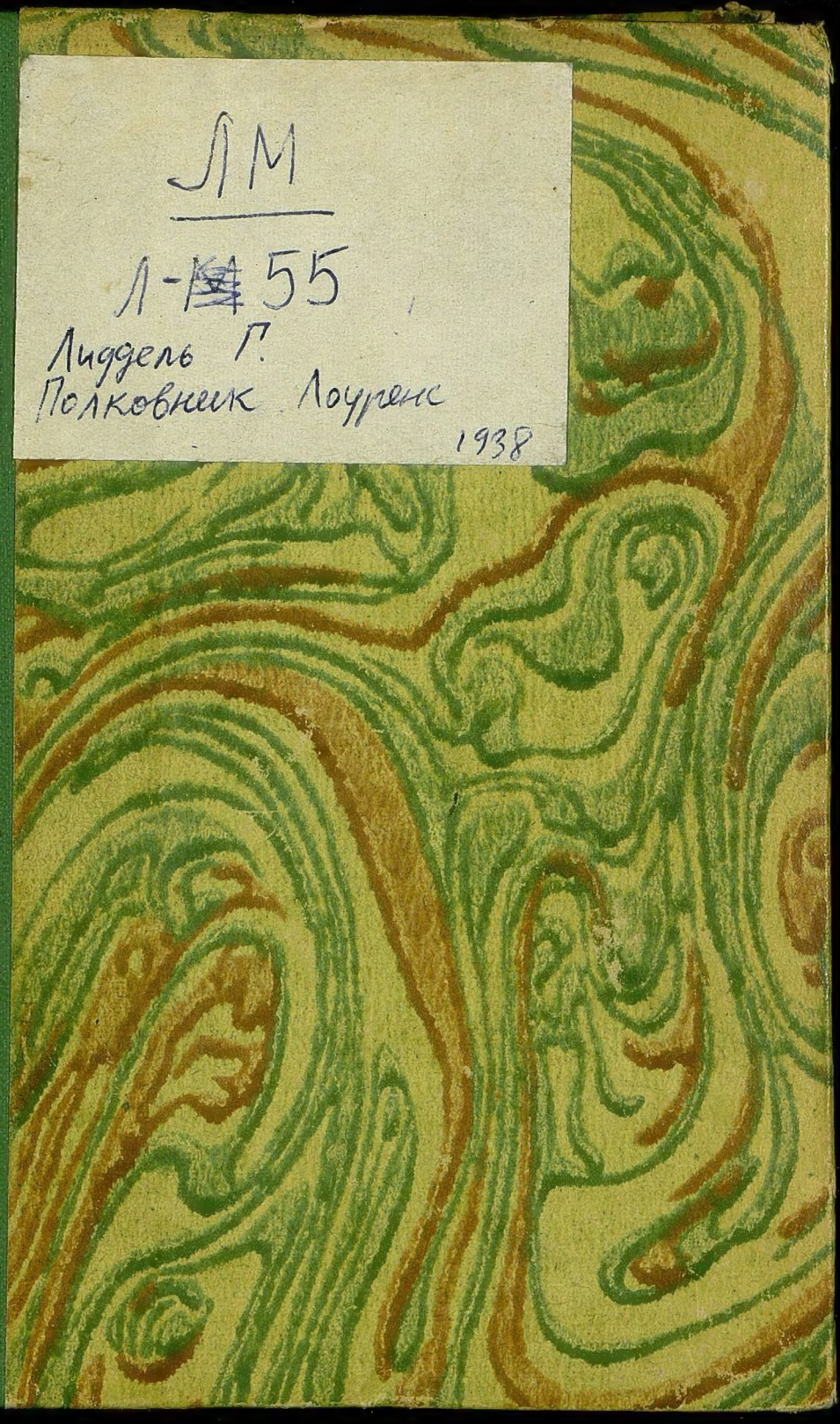
ЛМ

Л-55

Лиддель Г.
Полковник Лоуренс

1938



1М
Л55

ЛИДДЕЛЬ ГАРТ

ПОЛКОВНИК ЛОУРЕНС

•

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД
С АНГЛИЙСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1939

ЛИДДЕЛЬ ГАРТ. „ПОЛКОВНИК ЛОУРЕНС".

Сокращенный перевод с английского

Полковник Лоуренс (он же „Т. Е.", он же „Шоу") — „некоронованный король арабов"—английский военный разведчик, получивший широкую известность во время мировой войны как вдохновитель и руководитель „восстания" арабов против турок, а еще более известный своей негласной политической деятельностью на Среднем Востоке по окончании мировой войны.

Книга безусловно интересна не только для военных, но и для гражданских читателей, и не только как биография выдающегося военного разведчика и закулисного деятеля, но и как характеристика методов работы британского империализма на Среднем Востоке.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
586954

ЛМ
Л55

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию читателей книга небезызвестного английского военного писателя Лиддель Гарта достаточно подробно описывает деятельность прожженного британского разведчика полковника Лоуренса — организатора «восстания арабов».

Однако интерес книги не исчерпывается только этим. Лиддель Гарт, помимо своей воли, раскрывает существовавшие во время мировой войны глубокие противоречия между французским и британским империализмом из-за дележа колоний. Автор также невольно раскрывает, правда, в завуалированном виде, захватнические стремления английских империалистов на Востоке.

Описывая боевые действия регулярных и иррегулярных войск арабов, автор знакомит читателя с особенностями аравийского театра войны и с условиями происходивших там боевых действий. Это значительно повышает ценность настоящей книги.

Аравийский театр войны имел свои исключительные особенности и трудности. Они заключались в отсутствии хороших шоссейных и грунтовых дорог, в сыпучих песках, жарком климате, недостатке в источниках воды. Огромные размеры малонаселенной пустыни вынуждали заготовлять продовольствие и фураж только в оазисах. Все это и заставляло командование английских вооруженных сил почти топтаться на месте в первый период войны. Англичане вынуждены были строить железные дороги и артезианские колодцы, для того чтобы обеспечить снабжение действующих войск водой, продфуражом и боеприпасами. Этими же особенностями театра войны объясняются огромные усилия британского империализма по организации восстания арабов в тылу турок с целью общего ослабления сил противника.

Важнейшей стратегической задачей английского империализма в Аравии во время мировой войны 1914—1918 гг. было нарушение нормального функционирования Геджасской и Дамасской железных дорог. Эти дороги служили основной артерией снабжения турецкой армии в районе Суэцкого канала. Такую важную стратегическую задачу могли выполнить с успехом только повстанческие отряд

арабов, снабженные английским динамитом и вооружением и посаженные на верблюдов. Верблюды, способные переносить 100-километровые переходы в суровой и безводной пустыне, позволяли отрядам арабов совершать продолжительные переходы независимо от водных источников и баз. Подвижность и независимость повстанческих отрядов арабов от баз снабжения объяснялись еще и тем, что верблюды находились на подножном корму и, кроме того, везли на себе для всадника 40 фунтов муки. Это был почти десятидневный паек араба.

Нет никакого сомнения в том, что регулярные британские войска, привязанные к своим базам, находившимся очень далеко от Геджасской и Дамасской железных дорог, не могли разрушить эти дороги. Они также не могли отвлечь и рассредоточить неприятельские силы. С этим могли справиться только мелкие, но подвижные и способные везде и всюду передвигаться отряды. В выполнении этих основных стратегических задач английских империалистов и заключалось огромное значение восстания арабов. Кроме того, восстание арабов, на которое англичане переложили в основном всю тяжесть борьбы с турками, позволило Британской империи не отвлекать значительные свои силы с Западного театра войны.

Руководящую роль как в организации, так и в дальнейшем руководстве восстанием арабов играл ставленник британского империализма Лоуренс. Не удивительно поэтому стремление определенных кругов Англии возвеличить личность полковника Лоуренса и сделать его чуть ли не национальным героем. Буржуазный военный писатель Лиддель Гарт в своей книге также отражает эти стремления, идеализирует Лоуренса и далеко не объективен в оценке его способностей и личных качеств.

По Лиддель Гарту выходит, что Лоуренс являлся единственным способным и талантливым полководцем, который оказался в состоянии справиться с задачами, стоявшими перед британским империализмом на Аравийском Востоке. Он сумел превратить «силу турок в их слабость и слабость арабов в их силу». Если бы не было налицо тех глубоких социальных противоречий внутри Турецкой империи, которые ослабляли Турцию и составляли силу арабов, то никому бы не удалось обмануть арабов и направить их восстание против турецкой армии. Почва для восстания была в самой системе Турецкой империи. Огромные расходы по содержанию расточительного двора турецкого султана покрывались в значительной степени за счет налоговых обложений трудящихся. Размеры этих налогов с каждым годом увеличивались. Оттоманская империя, не успев оправиться от финансового и экономического истощения после Балканской войны 1912 г., присоединилась к империалистической группе центральных держав и в октябре 1914 г. снова вступила в войну.

Вся тяжесть дополнительных налогов ложилась на плечи трудя-

щихся Турции и в первую очередь на арабов. Непосильные тяготы войны делали положение трудящихся арабов невыносимым и повсеместно вызывали возмущение. Стихийные выступления арабов против Оттоманской империи сдерживались только реакционными шейхами и шерифами. Дальновидные политики британского империализма, учитывая озлобление масс и большое влияние на них шейхов, в особенности шерифа Гуссейна, вступили с последним в переговоры о поднятии восстания арабов, которое ослабило бы силы турецкой армии на аравийском фронте. Продажные и алчные вожди арабских племен — Гуссейн и шейхи, щедро оплачиваемые британским золотом, обманным путем подняли восстание арабов и тем самым превратили их в пушечное мясо английского империализма. Непосредственным проводником этой гнусной политики лжи и лицемерия являлся ловкий разведчик полковник Лоуренс. За короткое время Лоуренсу удалось использовать существовавшие противоречия внутри Турецкой империи и методами обмана и всяких ухищрений направить восстание арабов по нужному для британского империализма руслу. Именно в этом состоит «достоинство и гениальность» полковника Лоуренса, получившего громадную известность в мировой печати и кличку «некоронованного короля Аравии».

Поскольку почва для восстания была достаточно накалена, то, не будь Лоуренса, какой-нибудь другой представитель английской буржуазии выполнил бы эту задачу. Нужно, конечно, отдать должное Лоуренсу в том, что он глубоко и больше чем кто-либо другой изучил быт, нравы, религию арабов и прекрасно знал их язык. Он изъездил почти всю Аравию до начала войны, тщательно изучил состояние арабских племен и имел ряд индивидуальных качеств, нужных разведчику. Все это и позволило Лоуренсу выдвинуться в первые ряды организаторов восстания арабов и получить большую известность, чем кто-либо другой.

Лиддель Гарт, подробно описывая военную деятельность Лоуренса в Аравии, старается на конкретных примерах доказать наличие у него военного гения. Автор объявляет Лоуренса творцом новой теории войны и непревзойденным мастером в действии малыми силами на огромном пространстве. Тактические успехи Лоуренса во время боя при Тафила Лиддель Гарт называет Каннами. При внимательном чтении книги читатель сможет убедиться в том, что при Тафила вторые Канны не получились. Турки сумели преспокойно ускользнуть, несмотря на тактический успех Лоуренса.

Лиддель Гарт считает, что оперативная доктрина Лоуренса была построена на принципе использования наименьших сил в кратчайший срок и на обширной территории. Автор утверждает, что это — более глубокий принцип, чем принцип сосредоточения наибольших сил на решающем направлении. «Операции Лоуренса, — пишет автор, — отлича-

лись подвижностью, повсеместностью, независимостью от баз и коммуникаций, отсутствием особенностей сухопутных войн, стратегических районов, определенных направлений, определенных пунктов».

Тактика Лоуренса исходила из принципа «опрокинуть и бежать.... Нет нужды в удержании или в развитии превосходства. Нужно отступать и вновь наносить удар где-нибудь в другом месте».

Лоуренс утверждал, что гибель моста или железной дороги, пулемета, орудия и снарядов для него была выгоднее, чем уничтожение живой силы противника. Автор далее пишет:

«Ни одна страна не может долго продержаться без железных дорог или вести войну без снарядов. То, что вчера делали арабы, завтра сможет таким же образом, но гораздо быстрее, сделать авиация... Разоружить — значит проявить большее могущество, чем убивать. Именно в этом процессе материального и морального разоружения старый принцип сосредоточения сил «повидимому» и окажется замененным, неуловимым, вездесущим распределением сил, нажимающих повсюду и все же нигде не наступающих. В этом заключается основное значение кампании Лоуренса».

Если внимательно присмотреться ко всем приведенным выше цитатам, то становится ясным, что Лоуренс не внес ничего нового и особенного в теорию военного искусства.

Предположение замены принципа сосредоточения основных сил на решающем направлении «неуловимым, вездесущим распределением сил» является глубоко ошибочным. Те же примеры использования арабских повстанческих сил, действия которых на аравийском театре носили вспомогательный характер, а решающую роль в нанесении сокрушительного удара на турецкую армию все же сыграли регулярные войска Алленби, — доказывают невозможность замены первого принципа вторым. Разрушительные действия «неуловимых масс» Лоуренса наносили материальный ущерб турецкой армии. Они заставили турок усилить охрану железных дорог, способствовали рассредоточению их сил и, понятно, ослабляли силы турок на решающем направлении. Однако «неуловимые массы» не могли нанести сокрушительный удар регулярным войскам турок и закрепить достигнутый успех.

Партизанская война в сочетании с действиями регулярных войск имеет, безусловно, огромное значение. Это доказано русскими партизанами еще при отступлении Наполеона из России в 1812 г. Они своими короткими ударами и налетами наносили огромные потери войскам Наполеона, деморализовали войска захватчиков и причиняли им материальный ущерб.

То же самое делали сибирские красные партизаны в тылу Колчака. Партизаны в то время и понятия не имели о Лоуренсе и его теории, однако совершали великие дела.

Такие же образцы показывают китайские партизаны, действующие в тылу японской армии. Их тактика заключается в том, чтобы рассеять внимание противника, прервать его коммуникационные линии, захватить отставших и отбившихся от главных сил. Китайские партизаны разрушают железные дороги и тем самым затрудняют снабжение японцев. Своими короткими и молниеносными ударами они деморализуют японский тыл в Китае, что не может не отразиться на боеспособности действующих японских войск против китайской регулярной армии.

Но все эти действия не могут являться решающим фактором и носят только вспомогательный характер. Из вышеизложенного становится ясно, что принцип применения «неуловимых масс» без определенных операционных направлений не может заменить испытанный принцип сосредоточения главных сил на решающем направлении. Первый принцип является только необходимым дополнением последнего там, где это позволяет обстановка. Партизанская война мыслима только при определенных конкретных условиях. Она не была применена в 1914—1918 гг. в условиях Западного театра войны. Партизанская война не могла принять широкие размеры в тылу Франко на полях в Испании и, наоборот, получила развитие на аравийском театре войны и еще больше — в Китае, в его борьбе с японским империализмом.

Таким образом, полковник Лоуренс никакой новой теории в оперативном искусстве не создал. Идея партизанской войны родилась в недрах народных масс еще задолго до Лоуренса и его идеализации партизанской войны.

Заслуживает внимания подробный разбор автором оперативного искусства командования британских войск на аравийском театре войны при штурме укрепленных позиций турок у Газа и Бершеба. Эти позиции, как известно, являлись воротами для продвижения британских войск в Палестину. Наибольший интерес в этой операции представляет активный и хорошо продуманный план дезинформации, выработанный британским офицером разведки Майнертцхагеном. Благодаря осуществлению его плана, командование турецкой армии было введено в заблуждение и вынуждено рассредоточить свои силы, тем самым облегчив достижение успеха английскими войсками. Значительную роль в отвлечении сил противника сыграл небольшой, но хорошо вооруженный отряд арабов на верблюдах под командованием Ньюкомба. Этот отряд своим неожиданным появлением в Эс-Сэмуа, в 35 *км* к северо-востоку от Бершеба, и активными действиями по Хевронской дороге создал стратегический мираж. В воображении турецкого командования рисовалась картина наступления главных сил британских войск по Хевронской дороге прямо на Иерусалим. Появление отряда Ньюкомба и небольшого отряда британской конницы в тылу и на фланге турок

заставило командование турецкой армии направить из своего общего резерва одну дивизию на фланг у Хеброна. Туда же были переброшены резервы из сектора Шерна, где как раз и наносился британским командованием главный удар. Поучительной стороной этой операции является хорошо разработанный оперативный план, важнейшими элементами которого были: соблюдение скрытности сосредоточения и сочетание мощного удара с внезапностью.

С точки зрения оперативного искусства исключительный интерес представляют XIV, XV и XVI главы книги. В них автор подробно описывает знаменитую операцию британских войск в Палестине. Эта операция по своей величине и размаху, по использованию арабских регулярных и иррегулярных войск для нанесения вспомогательного удара в Трансиордании и по своим результатам была самой решающей в этой войне. После нее турецкая армия уже перестала быть серьезной силой и, вынужденная непрерывно отступать, несла большие потери от арабских повстанцев.

Не менее интересным является хорошо задуманный и разработанный до мельчайших подробностей оперативный план главнокомандующего британскими силами в Палестине Алленби. Оперативный план Алленби предусматривал:

1. Отвлечение внимания и сил турецкого командования путем демонстративного передвижения незначительных британских сил на восток к р. Иордан и вспомогательным ударом арабских регулярных войск и партизан с востока в направлении Дераа, наряду с общей активизацией сил арабов для нажима с юга.

2. Внезапный мощный удар с целью прорыва фронта с последующим вводом конницы для глубокого обхода противника, с тем чтобы преградить ему пути отступления на север, тем самым вынудив его отходить на восток через р. Иордан.

Методы дезинформации противника, примененные в этой операции Лоуренсом и Алленби, являются наиболее поучительными. Так, они вели заготовку большого количества продфуражного запаса при марше верблюжьего корпуса от Азрака на Амман. Одновременно с этим распространялись ложные слухи о том, что верблюжий корпус является только авангардом войск Фейсала, что заготовка продфуража производится для его главных сил, которые скоро начнут наступление на Амман.

Заготовляя продфураж в районах к востоку от р. Иордан, англичане одновременно распространяли ложные слухи о предстоящем приходе с запада британской конницы в районы заготовок. Установив связи с офицерами-арабами в турецком штабе, Лоуренс предупреждал о якобы предстоящем ударе англичан с запада через р. Иордан на Амман. Составляя ложный план атаки Мадеба, Лоуренс и Алленби привлекли к этому вождя племени Зеби, учитывая его заигрывание с турками и рассчитывая на его болтливость. Организовав демонстра-

тивный прорыв на Амман небольшими, но хорошими силами, Лоуренс и Алленби проводили ложные дневные передвижения войск в сторону р. Иордан.

Все эти методы дезинформации являлись необходимыми элементами в обеспечении внезапности главного удара Алленби в Палестине и вспомогательного удара арабов на Дераа.

Турецкая армия настолько была введена в заблуждение, что когда к ней поступило от перебежчика правдивое сообщение о действительном намерении Алленби, оно показалось ей преднамеренной дезинформацией англичан. Таким образом, хорошо продуманная и умело организованная дезинформация явилась одним из решающих факторов сокрушительного удара, нанесенного британскими войсками.

Описанные Лиддель Гартом тактические приемы Лоуренса при сражениях у Абу-Эль-Лиссал и Тафила также представляют значительный интерес. Однако при описании боевых действий автором допущена тенденциозность в отношении преуменьшения действительных размеров потерь со стороны арабов. Нельзя верить, что в бою в районе Абу-Эль-Лиссал потери со стороны арабов исчисляются двумя убитыми, тогда как турки потеряли 300 человек убитыми и 160 ранеными.

Автор объясняет огромные потери турок идеальной организацией внезапной атаки Лоуренса. Однако при внимательном анализе хода боя становится ясно, что потери [illegible] умышленно преуменьшены или Лоуренс просто не заинтересовался [illegible] потерь арабов.

Основной задачей автора является, [illegible] не раскрытие замыслов Англии в Аравии, а замазывание и оправдание империалистических захватов на Востоке.

Большое значение Аравийского полуострова в системе Британской империи для читателя вполне очевидно. После постройки в 1869 г. Суэцкого канала и оккупации англичанами Египта стратегическое значение Красного моря и Аравийского полуострова для британского империализма еще больше возросло. Аравийский полуостров стал тем звеном, которое через Красное и Средиземное моря и Суэцкий канал соединяет бассейны Атлантического и Индийского океанов — главные морские пути сообщения Британской империи со своими колониями. Постройка Суэцкого канала и последующая оккупация Египта, создание мощной военно-морской базы в Гибралтаре и на островах Мальта и Кипр укрепили позиции Англии и в бассейне Средиземного моря.

Основной имперский морской путь с базами в Гибралтаре, на Мальте, Кипре, Суэцком канале, Периме и Адене наиболее уязвим в том пункте, где соприкасаются африканский и азиатский материки Старого света. Здесь же проходит главный имперский кабель, соединяющий Англию с Индией, Австралией и Южной Африкой. Постройка железнодорожной магистрали Капштадт — Каир — Калькутта была заветной мечтой Англии; это упрочило бы ее господство на Востоке.

Через Аравийский полуостров и Месопотамию проходит основная воздушная магистраль Лондон — Каир — Багдад — Басра — Карачи — Калькутта, которая имеет исключительное стратегическое значение в системе колониального господства Британской империи на Востоке. Здесь же проходит знаменитый британский нефтепровод Керкук — Хайфа, по которому перегоняется огромное количество нефти. Порт Хайфа в Палестине является основной нефтяной и важнейшей военно-морской базой Англии в бассейне Средиземного моря, создание которой стало возможным только в результате вооруженного захвата Палестины.

Все вышеперечисленные факты являются ярким доказательством лживости той лицемерной, так называемой «цивилизаторской», политики, которую проводил британский империализм до и во время мировой войны и которую проводит и по сей день. «Длившиеся в течение нескольких месяцев переговоры с шерифом Мекки Гуссейном закончились соглашением, которым предусматривалось, что в подходящий момент арабы Геджаса выступят против турок, Англия же гарантирует, с некоторыми оговорками, независимость земель арабов, являвшихся в то время частью Турецкой империи. Тем временем, однако, другой представитель министерства иностранных дел, Марк Сайкс, независимо от этого, совместно с французами намечал раздел Турции, исходя из другого плана. Это соглашение, известное под названием договора Сайкс — Пико, содержало в себе зародыш будущих неприятностей с арабами». Таким образом, английская дипломатия правой рукой подписывала договор с французским партнером о разделе арабских земель, а левой рукой — договор с Гуссейном о восстании арабов и о гарантии независимости арабских племен. Восстание арабов не было средством осуществления «великой задачи создания арабского государства», как это пытается представить полковник Лоуренс. Оно являлось орудием завоевательной политики британского империализма, стремившегося поработить арабов и превратить их земли в свою колонию.

Характерно, что полковник Лоуренс, втиравший очки своим «друзьям», прекрасно отдавал себе отчет в том, что английские обещания арабской независимости имеют временное значение. Такого рода самопризнания имеются в ряде мест книги «Восстание в пустыне», автором которой является сам Лоуренс.

В своих воспоминаниях о неудачах английских войск в районе Эс-Сальт Лоуренс пишет: «Этот поворот дела, застав нас врасплох, удручал меня особенно сильно. План Алленби оказался весьма скромным, и то обстоятельство, что мы так низко пали в глазах арабов, было особенно неприятным. Они никогда не верили тому, что мы сможем осуществить те великие дела, о которых я им говорил, и теперь они особенно высказали свои мысли» (стр. 187). Напрасно Лиддель Гарт

пытается смягчить гнусность британской политики «освобождения арабов» и оправдать послевоенную политику Англии мандатами Лиги наций, являющимися замаскированными методами закабаления арабского народа. Восхваляя мандатную систему, Лиддель Гарт пишет: «Таким образом, Британия была в состоянии искупить свою честь и дать блестящее подтверждение того, что идея, лежащая в основе мандата, может быть проведена в жизнь и по духу и по букве. Честь Лоуренса также была восстановлена, и его чувство неудачи сменилось чувством удовлетворения. Для арабов он приобрел больше того, на что первоначально рассчитывал. Кроме того, он почти не ожидал, что англичане согласятся расстаться с Багдадом. Он приобрел для арабов возможность стать на свои собственные ноги и воспользоваться этой возможностью соответственно их желаниям и талантам. Большего он сделать не мог. Создание арабского государства в Ираке, связанного симпатией с Британией, было главной целью Лоуренса, но не единственным его достоинством».

Выходит, что и арабы добились того, что им было нужно, и британский империализм остался довольным, и Лоуренс получил духовное удовлетворение и вышел из воды сухим. Так ли это? Британский империализм безусловно остался удовлетворенным, потому что он получил новые колонии — Ирак, Палестину, Геджас и т. д., создал новую нефтяную и важнейшую военно-морскую базу в Хайфе и закрепил свое господство надо всем Аравийским полуостровом. Лоуренс остался духовно удовлетворенным потому, что он получил мировую известность и кличку «некоронованного короля Аравии». А что получили арабы? Фейсал получил трон короля Ирака — колонии Британии, второй сын Гуссейна — Абдулла получил трон короля британской колонии Трансиордании. Они оба были посажены англичанами для проведения политики британского империализма по подавлению национального движения арабов и для закрепления английского господства. Трудящиеся Аравии из рабов Оттоманской империи превратились в рабов британского империализма.

Результаты арабского восстания хорошо известны. Обещания Лоуренса и письма Мак-Магона Гуссейну не оказали никакого влияния на исход послевоенных конференций, определявших судьбу Оттоманской империи и ее арабских областей. На совещании союзников в Сан-Ремо в апреле 1920 г. было произведено окончательное распределение мандатов. Чтобы перестраховать себя на случай борьбы с арабами, британский империализм превратил Палестину в еврейский очаг и в центр сионистской политики.

Зона Суэцкого канала охраняется от ставшего опасным арабского национального движения буферными государствами, находящимися под мандатом Англии. Летом 1925 г. Англия, воспользовавшись междоусобной войной Геджаса и Неджды, включила Геджасскую область

с портом Акаба и железнодорожным узлом Ма'ан в подмандатную территорию Трансиордании, имея в виду превратить Акаба в главный участок Трансаравийской железной дороги, чтобы связать британские мандатные владения с Египтом в одно целое. Однако послевоенное укрепление Англии на Арабском Востоке не оказалось прочным. Не говоря уже о восстаниях в мандатных территориях, происходивших в прошлом (в Ираке — в особенности в 1920 г., в Палестине и Сирии — в 1925 г., которые были жестоко подавлены французским и британским империализмом), за последнее время арабское национальное движение принимает широкие размеры. Летом 1938 г. арабы Палестины восстали против британского господства с лозунгом: «Выгнать британский империализм из Палестины».

Непосредственным поводом к этому восстанию послужил британский проект расчленения Палестины на арабскую и еврейскую области, который за арабами оставлял часть Палестины, представляющую пустыню. Основной же причиной восстания явилась ненависть арабов к политике англичан в Палестине, направленной на закабаление арабов, которая ставит их в неравное положение в отношении евреев и обрекает на невыносимую жизнь. Английскому империализму еще раз удалось жестоко подавить восстание в Палестине. Проект «умиротворения», выдвинутый британским империализмом в 1939 г., не может удовлетворить ни арабов, ни евреев, проживающих в Палестине. Поэтому британская политика в аравийских странах стоит перед новыми осложнениями и накануне новых вспышек арабских восстаний.

Такова, вкратце, сущность британской лицемерной политики в аравийских странах, которую пытается оправдать в своей книге Лиддель Гарт.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА

Я начал писать эту книгу с намерением дать исторический обзор того восстания арабов, в котором Т. Е. Лоуренсу, естественно, пришлось бы отвести большое место. Я ставил себе целью снять покров «легенды», которым был окутан этот особенно интересный эпизод мировой войны, и выявить его роль в основных военных событиях и в истории ведения иррегулярных военных действий. Мне хотелось также установить действительные размеры личного участия Лоуренса, которое, как я полагал, менее, чем приписывает ему легенда.

По мере того как я углублялся в изучение вопроса, картина менялась. Крупные события являлись результатом деятельности Лоуренса, прочие становились незначительными. Я увидел, что правда оказалась больше той, которая содержалась в сделанном Лоуренсом разъяснении, что якобы его роль была только координирующей, что он лишь «раздул искры в пламя, превратив ряд не связанных друг с другом выступлений в сознательную военную операцию».

По мере уточнения событий личность Лоуренса выявлялась все более и более отчетливо. Наконец, я убедился, что восстание арабов было делом его рук. Это и послужило поводом к переработке мною книги заново и к освещению в ней прежде всего роли Т. Е. Лоуренса. Мне повезло в том отношении, что Т. Е. Шоу (Лоуренс) снабжал меня многими заметками и комментариями, которые помогали мне вскрывать как его замыслы и действия, так и весь ход событий. Однако я должен прямо заявить, что на высказываемые мною мнения или суждения Лоуренс не оказывал никакого влияния.

В поисках фактов при изучении различных источников я встретился с двумя прямо противоположными оценками достигнутых Лоуренсом

результатов, а также его характера и качеств его руководства. В то время как одни оценивали Лоуренса очень высоко, другие относились к нему весьма скептически. Это объясняется просто. Высоко оценивали его те, которые в течение длительного периода были в тесном контакте с Лоуренсом; скептически же относились к нему люди, сталкивавшиеся с Лоуренсом случайно или же знакомые с его работой понаслышке.

Отсюда ясно, какая из двух оценок заслуживает большего внимания.

ГЛАВА I

«КРЕСТОНОСЕЦ»

Лоуренс родился 15 августа 1888 г. в Северном Уэльсе. Отец его располагал средствами, не превышающими по размеру доходов ремесленника, увеличить же их трудом мешала ему кастовая гордость землевладельца.

Первые восемь лет жизни Лоуренса прошли в скитаниях по Шотландии и Британии. Странствования семьи случайно привели ее в Оксфорд. Здесь Лоуренс поступил в школу со знанием французского языка, которое он приобрел, еще будучи ребенком, и с большим запасом сведений, почерпнутых из книг. У него были хорошие способности, и уже в возрасте шести лет он читал газеты и книги.

«Школа, — говорил он впоследствии, — была бесполезным и отнимавшим много времени занятием, которое я ненавидел от всей души». Школьные уроки были пустяком в сравнении с чтением на трех языках, которыми он уже овладел, и археологией, которая в то время была его детской страстью. Он выискивал обломки римской и средневековой посуды и один совершал далекие поездки на велосипеде, чтобы собрать остатки старинной церковной утвари или же сфотографировать замки. Изучение им средневекового искусства было связано с изучением оружия и привело к новой страсти — изучению военного искусства.

Еще будучи школьником, Лоуренс проводил каникулы в поездках по Франции, где усердно посещал соборы и замки, путешествуя налегке и почти без денег. На протяжении ряда лет он осмотрел во Франции, Англии и Уэльсе все замки XII столетия. Изучение военной архитектуры пробудило в нем интерес к изучению осадных операций, а затем и военных походов, частью которых эти операции являлись.

Воображение Лоуренса захватила тема крестовых походов, но его симпатии были на стороне противников крестоносцев. Самая идея крестовых походов, или, вернее, идея, лежавшая в их основе, произвела на Лоуренса сильное впечатление, породив мечту о крестовом походе, во главе которого он представлял самого себя. Естественно, что ему мечталось о крестовом походе в его новой форме, т. е. для освобождения нации от рабства. При этом нацией, нуждавшейся в освобождении и взывавшей о помощи, ему казались арабы, к которым он проявлял большой интерес.

Таким образом уже очень рано у Лоуренса появилось предчувствие своей миссии, хотя и в смутной форме. Это усилило его интерес к военной стороне истории и археологии. Он начал изучать историю войн и в особенности войн, которые порождались восстаниями. Он углубился в изучение этого вопроса, читая все, что только мог достать.

Когда ему было около 20 лет, Лоуренс в силу личных обстоятельств внезапно решил приобрести военный опыт и некоторое время служил в войсках. Это дало ему возможность заметить впоследствии разницу между довоенной и послевоенной армиями, особенно в отношении пьянства, грубого поведения и обращения. Однако стеснения военной службы являлись для него обременительными и усилили его замкнутость.

В школе он попытался добиться права на получение стипендии по математике, но последующее пресыщение этим предметом заставило его незадолго до того, как ему исполнилось 20 лет, переключиться на изучение истории. Через шесть месяцев он держал экзамен на право получения стипендии по историческим наукам, но «срезался». В следующий раз он все же получил стипендию в Оксфорде. В колледже он прожил один учебный год, все же остальное время своей десятилетней учебы жил дома.

В своих занятиях Лоуренс проявил полную самостоятельность. Он решил сдать зачет по историческому факультету, но как на рекомендуемые пособия, так и на необходимость аккуратного посещения установленных занятий мало обращал внимания. Чтение непрерывно расширяло его кругозор и пробудило в нем интерес к ряду не имевших отношения к его курсу вопросов, начиная от средневековой поэзии и кончая современной стратегией. Иногда он забирал из Оксфордской библиотеки сразу по шесть книг, записывая их и на себя и на своего отца.

Однако подобный метод изучения не совпадал с требованиями университетского курса. Но Лоуренсу повезло в том отношении, что он выбрал Оксфорд, а не более современный университет. Ввиду его пренебрежения к изучению обычного курса, Лоуренсу было предложено защитить диссертацию по какому-либо специальному вопросу. Он выбрал «Влияние крестовых походов на средневековую военную архитектуру Европы».

По этой теме Лоуренс уже имел богатый запас знаний, приобретенный им во время посещений замков Франции и Англии. Теперь, прежде чем представить свою дипломную работу, он решил использовать каникулы для осмотра замков крестоносцев в Сирии, а также для исследования остатков древнего племени хиттитов, культуру которых он изучал вместе с д-ром Хоггартом. Лоуренс был знаком с Хоггартом еще до того, как задумал совершить свое путешествие в Сирию. «Я [1] обратил на себя его внимание тем, что организовал залы средневековой утвари в Ашмолин». Когда Лоуренс вынашивал идею использования своих каникул в Сирии, Хоггарт предостерегал его, указывая, что лето является плохим временем для подобного путешествия и что потребуются значительные расходы на носильщиков и на лагерное оборудование. Лоуренс на это возразил, что он собирается итти пешком и один, а это обеспечит ему гостеприимство в тех деревнях, через которые он будет проходить. «Возможно также, — допускал он в дальнейшем, — что это приведет к моему немедленному аресту недоверчивыми турецкими властями, но лорд Керзон выхлопотал для меня у турецкого правительства открытое письмо к своим губернаторам в Сирии с просьбой оказывать мне всяческое содействие. Это, несомненно, будет довольно пикантным паспортом для бродяги, странствующего по Сирии».

Но даже и при таких условиях это путешествие было рискованным. Тем не менее оно закончилось успешно. Лоуренс прошел пешком по той стране, по которой 10 лет спустя пронеслась кавалерия Алленби, а он сам находился у нее на фланге. После посещения и фотографирования в деталях более 50 развалин замков Сирии он направился в Литнаб, где собрал коллекцию печатей хиттитов, а затем свернул на восток через долину Евфрата.

Первые навыки разговорного арабского языка Лоуренс

[1] Здесь и дальше автор цитирует записки самого Лоуренса.

приобрел, будучи еще в Оксфорде, и расширил их практикой разговоров в сирийских деревнях, где он обычно останавливался на ночлег. Для человека, более избалованного комфортом, гостеприимство, которое он встречал в этих бедных жилищах, было бы в тягость, но для Лоуренса оно являлось лишь интересным. Он не просил ни европейских напитков, ни мяса, а также не имел никаких свойственных европейцам предвзятых мнений о невозможности пользоваться рукой вместо ложки и вилки. Хотя Лоуренс и выглядел мальчиком, однако в его манере было что-то такое, что привлекало внимание арабов и более наблюдательных европейцев, с которыми он встречался.

В конце путешествия Лоуренса близ Евфрата какой-то турок, приняв его дешевые медные часы за золотые, пошел за ним следом. Выбрав удобный момент, он бросился на Лоуренса и повалил на землю, пытаясь выстрелить в него из его же револьвера. Однако турок просчитался, так как Лоуренс успел спустить предохранительную чеку, прежде чем турок вступил с ним в борьбу. Лишь случайное вмешательство пастуха не позволило нападавшему размозжить голову Лоуренсу. Спасшийся от смерти Лоуренс с сильной головной болью пошел в ближайший город и не успокоился до тех пор, пока не добился помощи турецкого полицейского, который и привел обратно в деревню нападавшего. После продолжительных переговоров бандит сдался, и его «добыча» была отобрана.

Однако этот случай не отбил у Лоуренса охоты к странствованиям в одиночестве. Он был захвачен образом жизни бедуинов. Пустыня «проникла» в его кровь, так же как и малярия.

Возвратясь в Оксфорд после четырехмесячного путешествия, он засел за составление своей диссертации.

На последнем экзамене при получении ученой степени диссертация Лоуренса получила первую награду. Теперь он стал думать о получении звания бакалавра литературы по средневековой утвари.

Но еще бо́льшим удовольствием, чем получение первой награды, были для Лоуренса восторженные отзывы о его работе Хоггарта. Хоггарт с того момента сделался его покровителем и «добрым духом». «Я обязан ему всем, — говорит Лоуренс, — за исключением моего поступления в авиацию».

Хоггарт настоял на том, чтобы Лоуренсу предоставили стипендию, предусматривающую отпуск средств на научные

поездки, и пригласил его принять участие в экспедиции Британского музея в долину Верхнего Евфрата, где находилось предполагаемое место древнего города хиттитов. Во время этого путешествия Лоуренс проявил себя человеком самых разносторонних способностей. Особенно ценным он оказался благодаря своему умению поддерживать бодрое настроение у туземных рабочих.

Когда наступившие ноябрьские дожди прервали работу, Хоггарт отправил Лоуренса в Египет, для того чтобы он мог несколько овладеть научными методами производства раскопок под руководством сэра Флиндерса Пэтри, лагерь которого находился близ Фэйоун. Рассказывают, что когда Лоуренс спросил на станции, как можно найти Пэтри, ему ответили: «Идите в направлении пустыни до того места, где увидите тучи мух, а затем сверните туда, где мух будет больше всего; там вы и найдете Флиндерса Пэтри». Однако последний, повидимому, безразлично относившийся к окружающему, неожиданно проявил строгие требования приличия. Появление Лоуренса в трусиках и спортивном пиджаке, который он привык носить, вызвало замечание со стороны великого египтолога: «Молодой человек, мы здесь в крикет не играем». Однако вскоре Флиндерс Пэтри изменил свое первое впечатление о новом пришельце, а сам Лоуренс пришел к выводу, что раскопки в Египте с точки зрения прояснения неизвестности, окружавшей культуру хиттитов, представляют мало интереса.

Работа Лоуренса в то время была чрезвычайно разнообразной, так как он занимался фотографией, изучением скульптуры и утвари и перепиской древних надписей. Двадцать лет спустя он говорил: «Это было лучшее время моей жизни», очевидно, даже лучшее, чем пребывание в авиации. Во время продолжительных зимних наводнений или в периоды летней жары он возвращался в Англию, да и то на короткий срок, а остальное время проводил в путешествиях по Среднему и Ближнему Востоку или же оставался один на раскопках. Во время сезона раскопок Лоуренс получал 15 шиллингов [1] в день; остальное время года, путешествуя, он жил на стипендию в 100 фунтов стерлингов в год [2], которые дополнялись случайными и притом чрезвычайно разнообразными заработками. Например, однажды он поступил работать контролером на «угольщиках» в Порт-Саиде.

[1] Около 7 р. 50 к. золотом по довоенному курсу. — *Ред.*
[2] Около 950 руб. золотом по довоенному курсу. — *Ред.*

За пять лет он досконально изучил Сирию, большую часть Северной Месопотамии, Малую Азию, Египет и Грецию. Он постоянно странствовал, но только там, где это не вызывало больших затрат.

То, что Лоуренс путешествовал в одиночестве, не только сберегало ему деньги, но и давало возможность установить более тесную связь с местными арабами и курдами и таким образом лучше понять их образ жизни. Он хорошо изучил разговорный язык, а недостатки знания компенсировались живостью речи и глубоким пониманием туземной жизни.

«Моя бедность,— говорит Лоуренс,— позволила мне изучить те массы, от которых богатый путешественник отрезан своими деньгами и спутниками. Я окунулся в самую гущу масс, воспользовавшись проявлением ко мне их симпатий». Благодаря этому Лоуренс усвоил то, что в дальнейшем являлось «секретом» его силы. «Среди арабов,— говорит он,— не было ни традиционных, ни природных различий, за исключением неограниченной власти, предоставляемой знаменитому шейху. Арабы говорили мне, что ни один человек, несмотря на его достоинства, не смог бы быть их вождем, если бы он не ел такой же пищи, как и они, не носил бы их одежды и не жил бы одинаковой с ними жизнью».

Именно благодаря полному отказу от условностей культурной жизни, который другие европейцы рассматривали бы как унижение, Лоуренс сделался «натурализованным» арабом, вместо того чтобы оставаться просто европейским туристом в Аравии. Ему помогло его безразличие к окружающей обстановке, так несвойственное европейцам и в особенности англичанам. Дело облегчалось также его страстью к бродяжничеству.

В своих случайных скитаниях Лоуренс носил туземное платье. Небольшого роста, сухой, гладко выбритый, блондин, Лоуренс, конечно, весьма мало походил на араба. Все же последние принимали его за одного из своих. Он говорил, что в Северной Сирии, где в результате расовых смешений имеется много светловолосых туземцев, говорящих лишь на ломаном арабском языке, это не было особенно трудно: «Я никогда не мог сойти за араба, но меня легко принимали за одного из туземцев, говорящих по-арабски».

Затем Лоуренс переходит к более глубокому объяснению своей способности «влезать в шкуру араба», переодевшись в его одежду. Для него это было тем легче, что он уже

разделял глубоко вкоренившееся у арабов стремление к неограниченной свободе. Так же как и они, он нашел в пустыне ту простоту, которая была ему по душе, и хотя Лоуренс никогда не терял способности ценить более изысканные удовольствия культурного общества, но именно в пустыне он нашел то одиночество, которое его удовлетворяло.

Однако представлять его себе всегда занятым только размышлениями было бы неверно. Он не был отшельником. Гораздо правильнее сказать, что Лоуренс был человеком, который всегда все «схватывал», и что отражение схваченных им впечатлений было скорее процессом быстрой умственной оценки, чем длительных размышлений. Все, кто встречался с Лоуренсом, улавливали эту его черту, понимание которой в значительной степени зависело от их собственного образа мышления и, таким образом, часто бывало различным. Это привело к тому, что некоторые из его друзей окрестили его «человеком-хамелеоном».

Во внешности Лоуренса имеется странная двойственность. При случайном взгляде на него, благодаря малому росту, обветренному лицу и скучающему виду, который часто служит ему весьма удобной маской, когда он хочет отойти на задний план, его легко можно не заметить. Однако при более пристальном рассмотрении он поражает размерами своей головы с белокурыми волосами над высоким лбом и странно проницательными голубыми глазами. Общее выражение, когда лицо спокойно, является скорее суровым, но суровость исчезает, когда Лоуренс говорит или улыбается: у него удивительно приятный голос и обворожительная улыбка.

Пища его не интересует, и когда Лоуренс один, он довольствуется одним блюдом в день и притом самым простым. Он не пьет и не курит.

«Во время моих экскурсий,— говорил он мне,— я всегда путешествовал с кем-либо из нашей партии, производившей раскопки. Мы получали громадное удовольствие, когда, наняв несколько верблюдов, ехали к сирийскому побережью, где купались, помогали уборке урожая и осматривали города».

Соблазнившись сведениями о существовании статуи женщины, сидящей на спинах двух львов, которая могла оказаться произведением хиттитов, он, переодевшись в туземную одежду, отправился на розыски в сопровождении одного из своих рабочих. Поскольку район был расположен

слишком далеко на севере, чтобы можно было предполагать наличие в нем странствующих арабов, он и его спутник были арестованы по подозрению в дезертирстве из турецкой армии. Они были брошены в шумную и полную насекомых темницу. При падении Лоуренс разбил себе бок, а у его спутника произошло сильное растяжение связок. Всю ночь они пробыли в заключении, обдумывая перспективы принудительной военной службы. Все же утром Лоуренсу удалось подкупить стражу и выйти на свободу.

Занятия, которые находил себе Лоуренс, были весьма характерны. Его время не было разделено просто на работы по раскопкам у могильного холма и на скитания среди туземцев. Он часто совершал прогулки по Евфрату, пользуясь, несмотря на опасные течения, челноком, снабженным небольшим мотором, который он привез с собой, с трудом собрав средства на его приобретение. Он тренировался в стрельбе из автоматического пистолета по мелкой мишени, пока не сделался исключительно хорошим стрелком. В плохую погоду он занимался фотографией, которая была его специальностью, но находил также время и для чтения. Хижина, в которой он жил, содержала библиотеку, представлявшую собой нечто вроде «Оксфорда на Евфрате».

С туземными рабочими, главным образом с курдами и арабами, у него были наилучшие отношения. Этим он был обязан в значительной степени умению разговаривать с ними, а преданность, которую он к себе внушал, являлась результатом силы его характера и в особенности его спокойного, бесстрашного вида.

Юнг, один из тех людей, которые посетили его в это время, рассказывает, что «Лоуренс одним лишь своим пребыванием превратил раскопки в британское консульство в миниатюре». Юнг приводил следующие подробности о «его методах утверждения своего положения как неофициального консула или представителя великобританского правительства». Совершая прогулку на лодке, они встретились с несколькими рослыми курдами, которые глушили рыбу динамитом. Лоуренс направился прямо к самому рослому из них и заявил ему, что с точки зрения турецкого закона недопустимо это «постыдное занятие». Тут же приказал курду отправиться вместе с ним в полицейский участок. Курд, презрительно посмотрев на него, категорически отклонил это предложение. Тогда Лоуренс схватил его за руку и потащил за собой. Остальные курды, бросившись

выручать своего товарища, стали кидать в Лоуренса камни и выхватили ножи. Создавалось угрожающее положение, и по настоянию Юнга Лоуренс освободил своего пленника. Однако, не желая остаться побежденным, Лоуренс отправился на ближайший полицейский пост и, когда увидел, что полицейский инспектор проявляет признаки типичной турецкой инертности, заставил его принять соответствующие меры, пригрозив, что иначе он будет снят с должности, так же как его предшественник.

Случай, характеризующий Лоуренса, произошел с германскими инженерами, которые работали в то время над постройкой моста через Евфрат для прокладки знаменитой Багдадской железной дороги. Когда Лоуренс был в Ливане, немцы попытались использовать некоторые холмы, имевшие археологическое значение, для постройки на них своей железнодорожной насыпи. После бесплодного протеста надсмотрщик-араб, поставив у холмов конного часового с винтовкой, стал угрожать расстрелом каждому, кто приблизится. Тем временем Лоуренс, который был извещен об этом, протелеграфировал в Константинополь и, захватив с собой ответственных турецких чиновников, появился вместе с ними на постройке к неудовольствию немцев, которым вследствие этого пришлось отказаться от своих планов.

Несколько позднее немецкий инженер из-за какого-то пустяка побил одного из личных слуг англичан. Лоуренс отправился к немцам в лагерь и потребовал, чтобы оскорбивший принес публичное извинение перед потерпевшим. Главный инженер, оказавшийся угрюмым и изрядно выпившим человеком, в ответ на это заявил, что, по его мнению, порка является единственным способом обращения с туземцем, и предложил прекратить разговор на эту тему. Однако это не удовлетворило Лоуренса, который зловеще спокойным голосом заметил, что в таком случае он вынужден будет забрать инженера силой и заставить его извиниться. Немец оказался вынужденным уступить.

В дальнейшем немцам пришлось быть благодарными Лоуренсу за его силу. Дело в том, что недовольство рабочих условиями работы вызвало беспорядки в лагере немцев. Лоуренс и его товарищ по работе Вуллей бросились к лагерю и увидели несколько сот разъяренных курдов, осаждавших горсточку немцев. Только благодаря усилиям и хладнокровию англичан, рисковавших получить пули от людей, которых они пытались спасти, убийство

удалось предотвратить. Но даже и после этого соседние курды задерживали продвижение работы. Для того чтобы решить их спор, были приглашены англичане, которые убедили курдов принять вознаграждение за убитого во время перестрелки человека. В благодарность за прекращение беспорядков турецкие власти хотели представить англичан к награде, но предложение это было отклонено.

Однако некоторыми немцами это чувство благодарности не разделялось. В глубине души они считали, что источником неприятностей, которые они испытали со своими туземными рабочими, был Лоуренс. Подобное мнение являлось естественным для тех, кто видел довольство, существовавшее в другом лагере, но не был в состоянии установить его причины. Кроме того, хорошо зная мотивы, вызвавшие постройку Багдадской железной дороги, немцы чрезвычайно скоро стали подозревать Лоуренса в подготовке саботажа или во всяком случае в шпионаже. Юнг рассказывает: узнав о подозрениях немцев, Лоуренс весело заявил, что он вовсе и не собирается менять метод действий для устранения этого впечатления. Наоборот, он испытывал особое наслаждение, усиливая подозрение немцев и не обращая на них никакого внимания. Он даже зашел настолько далеко, что в один прекрасный день перетащил на верх холма несколько больших труб. В связи с этим немцы послали «дикую» телеграмму домой, которая каким-то образом попала к нему в руки. В телеграмме говорилось, что «сумасшедший англичанин устанавливает орудия, чтобы занять командные высоты над железнодорожным мостом через Евфрат».

По возвращении в Сирию на долю Лоуренса выпала более серьезная миссия. Во время отдыха Лоуренс и Вуллей вдруг получили телеграмму из Лондона с приглашением принять участие в экспедиции в Синай. Выехав в связи с этим на юг, они были встречены в Бершеба саперным офицером капитаном Ньюкомбом, который должен был их сопровождать. К своему удивлению, они узнали от него, что их участие в экспедиции должно послужить маскировкой для производства Ньюкомбом и его помощниками военной разведки в Синае, у границы Египта, под видом археологических раскопок. Для Ньюкомба, предполагавшего, что археологи будут так же почтенны, как и их предмет, явилось полной неожиданностью увидеть двух юнцов, из которых одному по виду нельзя было дать и 18 лет.

Оказалось, что Ньюкомб, который уже производил разведку пограничной зоны, сообщил военному министерству о желательности расширения района разведки. Военное министерство дало согласие, тем более что это совпадало с желанием археологов заполнить некоторые пробелы научных знаний, но признало необходимым, чтобы в целях маскировки экспедиция проводилась под покровительством палестинского исследовательского фонда. На проведение этой экспедиции от турок было получено необходимое разрешение.

Экспедиционная партия направилась зигзагообразным путем через пустыни в Аин Кадэис, который оказался просто небольшим источником, расположенным в каменистой и бесплодной долине. Экспедиция эта имела не только агентурное значение. Спустя несколько лет Лоуренс прошел этим путем к Геджасской железной дороге, соединявшей Медину с Дамаском и имевшей большое стратегическое значение. Таким образом, сам того не подозревая, Лоуренс произвел предварительную разведку района своих будущих операций во второй половине 1917 г. Интерес «к истории» заставил его использовать часть своих путешествий для изучения подходов к Сирии со стороны пустыни.

Подобное изучение в дальнейшем помогло разработке его собственной стратегии.

Во время этой же синайской съемки Лоуренс исследовал местность для своей первой крупной военной разведки в Акаба. Рассказывали, что, когда турки отказали исследовательской партии в разрешении посетить этот небольшой порт восточной части Красного моря, Лоуренс вызвался отправиться туда на собственный риск и обследовать те направления, которые нужны были Ньюкомбу. В действительности дело обстояло не так. У турок разрешения не спрашивали. Чтобы произвести съемку этого чрезвычайно важного стратегического пункта, Ньюкомб отправился в Акаба один, в то время как Вуллей и Лоуренс продолжали свои исследования в северном направлении. Прибыв туда, несмотря на резкие возражения властей, настойчивый Ньюкомб добился успеха и был, наконец, оставлен в покое. Однако еще до того, как он приступил к работе, Лоуренс приехал к нему в лагерь, находившийся примерно в 3 *км* от Акаба.

Невдалеке отсюда на небольшом островке в $^1/_2$ *км* от берега стоял полуразрушенный замок, который сыграл свою роль в истории крестовых походов, переходя попеременно

от мусульман к христианам. Лоуренс очень хотел осмотреть эти сооружения. Интерес к отдаленным военным укреплениям вызвал у турок подозрения, и они установили охрану лодки, которой Лоуренс хотел воспользоваться. Тогда Лоуренс достал баки для воды, употреблявшиеся при переходах на верблюдах, связал их вместе в виде плота и с одним из своих спутников переправился на остров. Они достигли цели незамеченными и нашли замок интересным, но совершенно разрушенным. Обратное путешествие оказалось более трудным, так как ветер был встречный, а наличие в воде акул заставляло сомневаться в довольно хрупкой защите, какой являлся плот. Добравшись, наконец, до берега, они облегченно вздохнули.

Во время своего пребывания в Акаба Лоуренс совершил экскурсию в глубь страны. Он прошел несколько миль вверх к ущелью Вади-Итм, через которое пролегал прямой путь к весьма важной станции Ма'ан Геджасской железной дороги. Виденного им было достаточно для того, чтобы убедиться, что для наступления со стороны побережья она была неприступна — обстоятельство, которое три года спустя сыграло весьма важную роль.

Для турок Лоуренс был, конечно, весьма опасным посетителем, хотя они и не могли предвидеть последствий его любознательности. Однако его склонность к странствованию вызвала подозрения турок. После того как он покинул лагерь Ньюкомба, чтобы вернуться на север, турки командировали к нему для сопровождения полицейского офицера. Не терпя контроля своей любознательности, Лоуренс дал полицейскому взятку и отправился один.

Эта экспедиция с ее замаскированной военной целью укрепила мысли, которые уже шевелились в голове Лоуренса. Его главная цель при исследовании Сирии заключалась в том, чтобы написать труд по стратегическому изучению крестовых походов, однако попутно он увидел и много других интересных вещей. Он сам наблюдал за строительством Багдадской железной дороги и таким образом остро почувствовал ее потенциальную угрозу передовым постам Британии. Оппозиционная партия курдов-реакционеров, выступавшая против младотурок, подтолкнула его к организации интриг против Турции и Германии. От арабов, среди которых он вращался, Лоуренс слышал об их мечтаниях освободиться от турецкого ига. Лоуренс даже сблизился с отделами тайного общества, которые внутри турецкой армии активно работали для достижения этой цели.

Приобретенные им знания придали новое значение его прежним мечтам и сделали их более реальными. Экспедиция в Синай была, как он это сам чувствовал, определенным шагом к их осуществлению. Фактически название известной книги о шпионской работе на германском побережье «Загадка песков» подошло бы скорее к характеристике именно этого этапа деятельности Лоуренса, так как он уже давно представлял собой для турок «новую загадку песков» пустыни, разгадать которую им так и не удалось.

ГЛАВА II

ВОССТАНИЕ АРАБОВ

ИЮНЬ 1916 г.

Когда в августе 1914 г. началась война, Лоуренс находился в Оксфорде, работая над частью материалов, собранных им во время экспедиции в Синай. Не будучи потревожен общим расстройством жизни в Англии, вызванным войной, Лоуренс продолжал заниматься, как и большинство молодых людей, выжидая, когда им представится случай принять участие в войне. Однако он вынужден был вскоре прекратить работу над своей книгой. Турция весьма болезненно относилась к разведке в Синае, которая, как она чувствовала, производилась в военных целях. Китчинер (единственный инициатор ее осуществления) настаивал, чтобы палестинский исследовательский фонд опубликовал данные наших археологических изысканий «белыми, как снег», и Лоуренс получил инструкции сделать это немедленно.

Выполнение этой задачи не заняло много времени, после чего Лоуренс принялся за подыскание себе такого места на военной службе, где его специальные знания могли бы найти широкое применение. Говорят, что он пытался поступить добровольцем в армию, но его ходатайство было отклонено из-за несоответствия физических данных: дело в том, что вследствие наплыва добровольцев норма роста была увеличена и превышала рост Лоуренса. В августе 1914 г. Наполеон, вероятно, также был бы забракован британской армией.

То, что произошло в дальнейшем, лучше всего видно из слов самого Лоуренса: «Когда книга была окончена, я написал письмо Ньюкомбу, в котором просил его совета в от-

ношении получения работы на военной службе. Получить ее было трудно. Ньюкомб сказал об этом разведывательному управлению, и я был включен в списки кандидатов. Я обратился к Хоггарту, имевшему большой вес в королевском географическом обществе, с просьбой посодействовать мне». Хоггарт подтвердил, что географический отдел генерального штаба был самым подходящим местом, и, повидимому, переговорил о Лоуренсе окольным путем. Как бы то ни было, но Лоуренс получил от Хоггарта предложение зайти в военное министерство к полковнику Хэдлей.

Кут Хэдлей уверял впоследствии, что он не помнит, чтобы кто-либо говорил с ним предварительно о Лоуренсе, и был очень удивлен, когда в один прекрасный день в сентябре курьер военного министерства ввел к нему в кабинет молодого человека, которому на вид было около 18 лет, без шляпы, в сером спортивном костюме. Однако фамилия его рассеяла всякие сомнения, так как Хэдлей хорошо знал о его работе в Синае и слышал о нем интересные подробности от Ньюкомба. Хэдлей охотно принял Лоуренса к себе на работу. Появился Лоуренс в удачный момент, когда офицеры географического отдела с наступлением военных действий были отправлены на фронт. Единственный оставшийся капитан Наджэнт в течение недели должен был выехать во Францию. «Наджэнт поспешно проинструктировал меня о моих обязанностях, и вскоре Хэдлей и я остались в отделе одни». Среди других важных работ, оставшихся незаконченными, были карты Синайского полуострова, которые нужно было присоединить к картам Палестины, проверенным и опубликованным палестинским исследовательским фондом вместе с картами Синайского полуострова, подготовленными географическим отделом.

Лоуренс начал работу, будучи штатским, и переход к ношению военной формы был ускорен тем впечатлением, которое его внешний вид произвел на Генри Роулинсона, только что назначенного командующим новыми экспедиционными силами, намеченными для отправки в помощь бельгийской армии. Лоуренс пришел показать Роулинсону вновь отпечатанные карты Бельгии. «Увидев меня,— рассказывает Лоуренс,— он чуть не упал в обморок и воскликнул: «Я хочу разговаривать с офицером!» Тогда Хэдлей сказал Лоуренсу: «Нам придется зачислить вас в кадры». И это было сделано без формальности медицинского осмотра, что, конечно, являлось излишним после тех практических испытаний на выносливость, которые Лоуренс с таким успехом

прошел в Сирии и Синае. Лоуренс отправился в военный магазин и приобрел себе форму младшего лейтенанта, не ожидая проведения своего назначения приказом.

Хэдлей вскоре убедился, что его новый помощник являлся более квалифицированным работником, чем он ожидал. Рассказывают, что когда несколько недель спустя спросили Хэдлея, как обстоит дело с его новым работником, Хэдлей не без юмора ответил: «Теперь он руководит вместо меня всем моим отделом». С пониманием общественного дела, которое не часто встречается в ведомственном аппарате, Хэдлей заявил начальнику оперативно-разведывательного управления, что у него в отделе имеется «идеальный офицер» для разведывательной работы в Египте. Зная, что он вскоре лишится помощи Лоуренса, Хэдлей добивался скорейшего окончания карт Синая. Однако Лоуренс не нуждался в том, чтобы его подгоняли. Если бы его не удерживали, он работал бы всю ночь, так как почти не считался со временем.

После того как Турция вступила в войну, было решено усилить разведывательную службу в Каире. Ньюкомб был отозван из Франции и направлен в Египет в качестве помощника Клейтону. Среди офицеров, которые должны были отправиться вместе с ним, были Ллойд-Джордж, Обри Хэрберт, Леонард Вулли и Лоуренс, ставшие известными в Египте под названием «пяти мушкетеров». Ньюкомб и Лоуренс выехали из Лондона ранее других, 9 декабря, и поехали по железной дороге до Марселя, где сели на французский пароход, посмеиваясь над остальными, которым пришлось ехать без всяких удобств на военном транспорте.

В Каире главным источником информации о турецкой армии был другой штатский, также пока не зачисленный на военную службу,—Грэйвс, работавший перед войной в Константинополе в качестве корреспондента газеты «Таймс». Предвидя неизбежность конфликта, он сделался военным экспертом, наблюдая за реорганизацией турецкой армии, начавшейся после балканской войны, и изучая методы и людей с такой тщательностью, с какой официальному разведчику английской армии это, конечно, не представилось бы возможным.

Отправившись после вступления Турции в войну в Каир, Грэйвс встретил в Клейтоне человека, который был готов воспользоваться его исключительным знанием армии противника. Последнее было тем более ценным, что оно за-

ключалось в знании не только личного состава, но и характера неприятельских командиров, их достоинств и недостатков. Благодаря этому Клейтон оказался в состоянии получать весьма полезные характеристики командного состава турецкой армии, которые иногда представлялись в следующем виде: «Довольно молодой льстивый турок... совершенно ненадежный и неразборчивый в средствах. Говорят, нажил себе состояние на содержателях публичных домов, хотя его друзья и утверждают, что он делал это в целях увеличения денежных средств партии. Посещал дипломатические круги, в особенности французские. Имеет репутацию человека, ведущего широкий образ жизни».

Знание низших слоев Турции, которым обладал Лоуренс, а также тайных обществ арабов делало его весьма подходящим дополнением к Грэйвсу. Поэтому способности Лоуренса были использованы не только для подготовки карт, но и для помощи Грэйвсу в составлении неприятельского «боевого расположения» — документа о расположении турецких дивизий и различных частей, выявлявшемся из донесений агентов разведки и опроса пленных. В этой работе Лоуренсу помогли прошлый опыт, приобретенный в силу привычки собирать необычайные сведения, и его исключительная способность выяснять и устанавливать то значение деталей, которое другие обычно упускали. Если бы Конан-Дойль родился на одно поколение позже, он нашел бы в Лоуренсе готовый тип для своего Шерлока Холмса.

Это чутье Лоуренса привело к дальнейшему расширению круга его обязанностей, а именно — к опросу пленных. Он часто поражал их и ошарашивал своими умозаключениями, выводимыми на основании одежды, поведения и разговора. Друзьям успех Лоуренса в получении от пленных нужных показаний казался чем-то таинственным. Он сам объяснял это так: «Я всегда знал их районы и расспрашивал о проживавших там моих приятелях. После этого они мне говорили все». Поглядев на пленного и услышав первые произнесенные им несколько слов, Лоуренс мог определить местность, откуда он происходит, с точностью до 30 *км*, а затем восклицал: «А, так ты из Алеппо! Как поживает...?»

В Египте разносторонность Лоуренса делала его человеком на все руки. Совместно с Грэйвсом он выпустил ряд новых изданий «Справочника турецкой армии», сам наблюдая за их печатанием. Ему поручали собирание сведений о повстанческом движении в Египте, причем готовность заговорщиков предавать друг друга сообщала нередко

некоторый юмор этому мрачному занятию. Его направляли с заданиями в Западную пустыню. Посылали в Грецию для установления контакта с находившимися там секретными агентами. Эта поездка имела в его глазах тем бо́льшую ценность, что позволяла ему усладить свой взор очертаниями и красками холмов Греции, подлинного произведения искусства. Для него это было чем-то вроде очистительного ливня между одной помойной ямой и другой.

Весной 1916 г. ему пришлось совершить длительное путешествие по более важному делу — «взятию» Эрзерума русской кавказской армией после исключительно вялой защиты его турками.

Немедленный эффект успеха на Кавказе привел к тому, что заставил британское военное министерство попытаться повторить его в иных условиях. Лоуренс был отправлен с секретным заданием в Месопотамию. Официально он поехал туда от разведывательного отдела в Каире для улучшения подготовки к печати карт для экспедиционного корпуса в Месопотамии и, в частности, для консультирования изготовления карт воздушной съемки — новой области знания, в которой он сделался экспертом в то время, когда для командования в Индии воздушная съемка была еще загадкой. Хотя бо́льшая часть его друзей и считала, что ему поручено только это задание, в действительности Лоуренс получил непосредственно от военного министерства секретное предписание сопровождать члена парламента капитана Обри Хэрберта в его миссии к Халил-паше, командовавшему турецкой армией, осаждавшей в то время отряд Тауншенда в Куте.

Цель посылки миссии заключалась в том, чтобы начать переговоры с Халил-пашой в надежде, что он может согласиться отпустить гарнизон взамен щедрого выкупа. Лоуренс имел в виду также и третью цель, а именно — установить возможность поднять восстание среди арабских племен вдоль турецкой линии железнодорожного сообщения, чтобы осаждающие Кут оказались отрезанными от подвоза продовольствия и подкреплений.

Однако по прибытии в Басру он нашел обстановку не благоприятной как для выполнения официального задания, так и для достижения своей частной цели. Идея подкупа турок была в последнюю минуту предложена Тауншендом и принята главнокомандующим английскими силами в Месопотамии Лэйком. Однако посылка этой миссии была не по нутру многим английским генералам. Хотя они и потер-

пели неудачу в своих усилиях выручить страдавший от голода отряд Тауншенда, все же поражения в открытом бою не могли заставить их пойти на то, что казалось им достижением цели обманным путем. Вследствие этого они весьма неблагожелательно смотрели на миссию, которая оскорбляла их понятие о воинской чести. Исходя из практических соображений, а именно, что подобная попытка более пагубным образом отразится на их престиже, чем военное поражение, главный руководитель политического отдела Перси Кокс отказался связать себя в какой бы то ни было степени с этими переговорами. Следует добавить, что и сам Лоуренс был противником их, считая что Халил-паша был слишком уверен в получении денег от Турции, а также и в определенном военном успехе, чтобы согласиться пойти на подкуп.

Результат оправдал эти ожидания. Гарнизон Кута находился при последнем издыхании, когда была произведена попытка вступить в переговоры, к тому же турки «заломили» миллион фунтов стерлингов, чтобы отпустить гарнизон на честное слово. Напрасно кабинет в Англии удвоил назначенную им первоначальную цену выкупа и тем самым дал повод всему внешнему миру еще раз назвать себя «нацией лавочников». Цензура помогла скрыть это от нашего собственного народа, но турки позаботились о том, чтобы передать об этом по радио другим странам. Сами переговоры являлись унизительным делом для посланных. Под белым флагом Хэрберт в сопровождении полковника Бич и Лоуренса перешел нейтральную полосу. Прежде чем доставить их в штаб-квартиру Халила, им завязали глаза. Все, чего им удалось от него добиться, — это освобождения небольшого числа больных и раненых в обмен на здоровых пленных турок.

Халил не хотел принимать пленных арабов, заявив, что большинство из них не лучше, чем дезертиры; если бы они вернулись к нему, то он предал бы их военному суду и расстрелял бы. Когда английские офицеры попросили его не наказывать проживавших в Куте арабов, которым невольно пришлось принять участие в военных действиях, Халилу показалось забавным, что они заботятся о такой «падали», однако он заверил их, что не собирается быть мстительным. Для начала он повесил только 9 арабов, что, учитывая его прошлые подвиги, пожалуй, следовало рассматривать как доказательство «милосердия».

План самого Лоуренса также оказался непригодным. Время для спасения Кута проходило, а большинство

английских офицеров слишком презрительно относилось к месопотамским арабам, чтобы видеть в них возможных союзников, а тем более ценой поощрения их претензий.

При посадке в Басре для обратного путешествия в Египет Лоуренс узнал, что его единственным спутником является генерал Уэбб-Гилльман, командированный военным министерством с заданием произвести обследование. Вначале Уэбб-Гилльман держался очень замкнуто, однако, после того как Лоуренс предложил генералу соответственно разделить верхнюю палубу для прогулок, чувство юмора у генерала одержало верх над его сдержанностью, и они подружились. Услышав, что Лоуренс составил доклад о положении дел в английских воинских частях в Месопотамии, он потребовал предъявить его ему и, прежде чем начать писать свои выводы, полностью обсудил совместно с Лоуренсом каждую страницу доклада.

В докладе Лоуренс изложил все свои наблюдения, которые, как он полагал, представляли интерес для штаба командования. Он выполнил свое задание с прямотой, вызвавшей резкое негодование своего начальства. Полковник Стэрлинг говорил, что Лоуренс критиковал качество типографского шрифта, способы приставания барж к стенке, непригодность кранов, стоявших у складов, недостатки системы маневрирования вагонов и посадки воинских частей для отправки по железной дороге, отсутствие соответствующих складов медикаментов, слепоту санитарного управления, отсутствие у последнего представления о действительных нуждах и, о ужас... критиковал высшее командование и ведение им военных операций вообще...

Муррей, который знал о поездке Лоуренса в Месопотамию, потребовал показать ему написанный доклад. «В тот вечер в генеральном штабе царило смятение,— рассказывает один из офицеров,—так как мы были убеждены, что если Муррей прочтет доклад, то его постигнет удар и мы лишимся нашего командующего. Поэтому в срочном порядке мы засели за переделку доклада, выкидывая из него самые рискованные места, и работали до тех пор, пока не привели его в такой вид, в каком он мог быть представлен начальству». Однако следует признаться, что в большей части своей критики Лоуренс был абсолютно прав, особенно в отношении вопросов санитарной службы, что было подтверждено в дальнейшем той безобразной путаницей, которая получилась, как только стали прибывать первые партии раненых.

отпор. Самый факт существования младшего лейтенанта военного времени, занимавшегося критикой действий начальства и осуждавшего генералов, был возмутителен. Преподносившаяся им пилюля не была подслащена хотя бы поверхностным налетом корректности. Лоуренс часто обрезал старших и открыто поправлял их промахи. Он оскорблял их даже своим внешним видом, цветом своего воротничка, своим галстуком и своей привычкой ходить без ремня.

Для тех, кто был воспитан в условиях военной среды и считал, что непогрешимость является привилегией начальства, самоуверенность, с которой Лоуренс обычно высказывал свои суждения по любому знакомому ему вопросу, являлась постоянным источником возмущения. Поскольку же круг знакомых ему вопросов был исключительно широк, он еще более увеличивал пропасть между им самим и его официальными начальниками.

В конце 1915 г. Ньюкомб уехал обратно во Францию, и Лоуренс попал в разбухший штат Муррея, где его начальником оказался Хольдич—человек, который терпеть не мог «наглости» Лоуренса и превосходства его знаний. Когда они вместе служили в штабе Максвэлла, они были в хороших отношениях, но, как это слишком часто бывает в жизни, Хольдич с переменой начальства переменился и сам, уловив, повидимому, дух своего нового начальства. Но причины его расхождения с Лоуренсом и другими своими подчиненными были не только причинами личного порядка.

Оценка Лоуренсом неприятельских сил была сделана с точностью до одной сотни; Хольдич забраковал ее и дал свою собственную, которая, по мнению штаба, давала приближение порядка десяти тысяч. Сам Лоуренс заметил, что Хольдич прекрасно разбирался в оперативных вопросах, но ничего не смыслил в разведке. История военных действий в Палестине с 1915 по 1917 г. полна подтверждений второй части этой оценки.

Чрезмерный энтузиазм Лоуренса по отношению к восстанию арабов являлся еще одним оскорблением в глазах некоторых представителей генерального штаба, чье принципиальное предубеждение против восстания усиливалось их личной неприязнью к Мак-Магону и Клейтону. Лоуренс казался им чем-то вроде предателя генерального штаба. В свою очередь и Лоуренс начал отплачивать им за их

шел из штаба в «Арабское бюро», где для него нашелся уголок благодаря Клейтону. К тому же восстание арабов должно было открыть перед Лоуренсом лучшие возможности. В октябре, пока его перевод оформлялся частным порядком через Лондон, он взял десятидневный отпуск и использовал его для своей первой поездки в Геджас.

* * *

Наилучшей иллюстрацией исторических курьезов могут послужить дипломатические отношения, существовавшие между Англией и Турцией на протяжении всего XIX столетия. Англия, заинтересованная в неприкосновенности Турции, в особенности от посягательств на нее со стороны России, помогала ей оружием. По временам же Турция поносилась и наказывалась за свои промахи морального порядка. Однако в начале XX столетия эти отеческие взаимоотношения были нарушены вторжением нового «поклонника», который предложил Турции опереться на его сильную руку, обещая избавить ее от христианских нравоучений. Турция поддалась на эти обещания. Когда же новый друг (Германия) в начале мировой войны — в августе 1914 г.— вступил в драку со старым опекуном, боязнь России и вера в могущество Германии заставили Турцию в конце октября выступить с оружием в руках против Англии.

Для Германии и Австрии это оказалось большим плюсом. Черное море, через которое Россия могла снабжаться боевыми припасами, оказалось запертым. Это же обстоятельство позволило им прикрыть выход на Балканах и обещало отвлечение части английских и русских сил. С другой стороны, сама Турция была чрезвычайно уязвима, так как, образно выражаясь, ее голова и шея, расположенные на краю Европы, находились в опасности быть отрезанными, а ее распростертое в Азии тело было предрасположено к параличу.

Дарданеллы охраняли подступы к Константинополю, но их укрепления были устарелыми и недостаточными, в то время как два единственных военных завода Турции находились на берегу моря и легко могли быть уничтожены противником. Что касается самой Турецкой империи, то ее слабость заключалась, во-первых, в растянутой и легко подверженной захвату сети железнодорожных сообщений,

во-вторых, в мятежном настроении входивших в ее состав национальностей, и в особенности арабов. Железнодорожная сеть Турции образовывала громадную букву «Т», горизонтальная черта которой, простиравшаяся от Константинополя через Алеппо к Багдаду, была еще далеко не доведена до конца, вертикальная же линия, протяжением около 1 750 *км*, тянулась вниз через Сирию к расположенному на восточном берегу Красного моря Геджасу, имея своим конечным пунктом Медину.

Ход борьбы в значительной степени зависел от того, насколько противникам Турции удастся воспользоваться свойственной последней слабостью для уменьшения тех тяжелых последствий, которые были вызваны ее вступлением в войну против них. Результат же в свою очередь в значительной степени определялся влиянием на союзников германской теории прошлого века, известной под названием «доктрины Клаузевица», о том, что все усилия и все силы должны быть по возможности сконцентрированы на главном театре войны против главного врага. Благодаря рабской приверженности этой доктрине, которая с течением времени превратилась в догму, стратеги союзников упустили возможность, предоставлявшуюся им слабостью Турции, дав ей время на преодоление этой слабости и на развитие ее собственных активных действий. Решение избегать отвлечения сил на второстепенные задачи привело союзников с фатальной иронией к более расточительному расходованию сил на третьестепенные задачи оберегания самих себя, в особенности в Египте, против опасности со стороны турок. В первый год войны англичане неоднократно пытались прорваться через Дарданеллы силами, которые всегда запаздывали и к тому же были слишком недостаточны. Когда же в 1915 г. было решено начать отступление, англичане задумали альтернативный план перехвата железнодорожной сети, имевшей вид буквы «Т», возле ее соединения. Однако едва этот проект зародился, как со стороны английского генерального штаба возникли возражения, подкрепленные в дальнейшем наложением Францией политического «вето» на вторжение англичан в Сирию.

В самом начале 1916 г., после эвакуации Галлиполи, английские силы в Египте возросли до численности, превышавшей 250 000 человек, бо́льшая часть которых была оставлена в Египте из страха за безопасность Суэцкого канала — артерии Британской империи в Индию. Они удерживались там бесцельно вследствие нежелания английского

Схема 1. Театр военных действий на турецком фронте в 1915—1918 гг. и положение на фронте союзников в конце 1915 г.

генерального штаба производить новые перемещения. Подобная пассивность способствовала проявлению активности со стороны турок как на восточном, так и на западном фронтах встревоженного Египта.

Необходимость предпринять какие-либо меры для отвлечения турок была учтена верховным комиссаром Египта Мак-Магоном. Длившиеся в течение нескольких месяцев переговоры с шерифом Мекки Гуссейном закончились соглашением, которым предусматривалось, что в подходящий момент арабы Геджаса выступят против турок, Англия же обещала гарантировать, правда, с некоторыми оговорками, независимость земель арабов, являвшихся в то время частью Турецкой империи.

Тем временем, однако, другой представитель министерства иностранных дел, Марк Сайкс, независимо от этого совместно с французами намечал раздел Турции, исходя из другого плана. Это соглашение, известное под названием договора Сайкс—Пико, содержало в себе зародыш будущих неприятностей с арабами.

Турки же тем временем сами ухудшали свое положение отправкой военных сил на юг. Сообщение об этом ускорило восстание арабов, которое и началось в июне 1916 г.

Восстание было организовано самим шерифом Гуссейном. Однако результаты этого восстания были менее заметны, чем наличие дезорганизации. Замечание Вингейта об отрядах шерифа было вполне правильной оценкой: «Его армия фактически является просто сбродом, напоминающим толпу дервишей». Всего имелось около 50 000 арабов, вооруженных менее чем 10 000 винтовок, из которых только часть была современного образца. Не было ни орудий, ни пулеметов. Хуже того, Гуссейном не было проведено никакой подготовки, для того чтобы содержать свои воинские части сытыми и в боеспособном состоянии. Сыну Гуссейна Фейсалу удалось ускользнуть из Дамаска как раз перед восстанием, но во всяком случае ни ему, ни его братьям, повидимому, не пришлось посоветоваться с отцом относительно деталей плана восстания. Они попросту получили приказание начать восстание. Будучи осмотрительным и хитрым, шериф наряду с этим был тщеславным и своенравным «самодержцем обеденного стола», ревниво относившимся к своим прерогативам.

Но турки обещали дать, повидимому, сильный отпор. Турецкий гарнизон Геджаса в основном состоял из одной дивизии, три полка которой были расположены в Мекке,

Джидде и Медине Кроме того, батальоны 21-й дивизии занимали Лит и Конфуда, расположенные на побережье к югу от Джидды. Общая численность сил, находившихся в Геджасе, повидимому, превышала 15 000 человек. На стороне турок было не только преимущество укрепленных позиций, но и традиционная их способность к обороне. Старшие сыновья шерифа Али и Фейсал 5 июня, повинуясь приказаниям, подняли в окрестностях Медины знамя восстания. На их призыв откликнулось около 30 000 человек. На следующий день Али двинулся к северу через горы, для того чтобы перерезать железнодорожный путь около пункта Медайн-Салих, находившегося на расстоянии 225 *км* от Медины, в то время как Фейсал попытался взять город штурмом. Те из арабов, которым удалось проникнуть в город, вскоре были отогнаны, так как они не смогли справиться в рукопашном бою с турками. На более же далеком расстоянии арабы попали под огонь турецкой артиллерии. Фейсал, который знал относительную безвредность подобного артиллерийского огня, тщетно ездил по равнине, пытаясь успокоить своих соплеменников. Племена аджейл и атейба сошли с коней на землю и лежали без движения, арабы же племени бени-али вовсе опрокинули расчеты, обратившись в бегство. В течение следующего месяца Фейсалу пришлось довольствоваться установлением довольно-таки слабой блокады, но даже и она в дальнейшем была прорвана. Повидимому, было не совсем удачно начинать восстание в том месте, куда Магомет первоначально пришел в качестве беглеца и где в конце концов упокоился в гробнице.

В других местах восстание сопровождалось рядом блестящих успехов. Из Мекки основная часть гарнизона была выведена в летние лагери в Тайф, находившийся на расстоянии 120 *км* к юго-востоку. Оставшийся отряд насчитывал лишь 1 000 человек, часть которых была расквартирована в казармах, в пределах города, а другая занимала форты на прилежащих высотах.

Кроме того, командир турецкого отряда был захвачен врасплох. Начавшаяся 9 июня атака постепенно развивалась, а турецкий командующий вместо решительных действий только позвонил по телефону шерифу: «Бедуины восстали против правительства, найдите выход». Оценив весь юмор положения, шериф Гуссейн ответил со скрытой иронией: «Конечно, найду», и тотчас же отдал приказ об общем наступлении. В течение трех дней турки оказывали упорное сопротивление, но 12 июня арабам удалось поджечь ка-

зармы и «выкурить» их обитателей. За этим последовали дальнейшие успехи, и к следующему вечеру все оборонительные линии, за исключением двух небольших фортов, находящихся за пределами города, были захвачены, а охранявшие их воинские части взяты в плен. Оставшиеся форты отражали все атаки, и прошел месяц, прежде чем они сдались. Однако своим сопротивлением они лишь способствовали успеху шерифа, так как допустили большую глупость, произведя артиллерийский обстрел мечети. Их снаряды пролетели на расстоянии лишь нескольких футов от величайшей святыни мусульман—«черного камня» и подожгли Киова. Убийство нескольких фанатиков было дешевой ценой за тот лозунг, который Гуссейн смог теперь объявить, а именно — об освобождении мусульманского мира; этот лозунг был подхвачен Лоуренсом и использован в английских интересах.

Тем временем в полном неведении о происходивших драматических событиях работники «Арабского бюро» перебрались через Красное море для встречи с представителем шерифа. Предполагая обсудить план будущего восстания, они застали его в разгаре. 6 июня при высадке на побережье около Джидды они, к великому удивлению, были встречены не Абдуллой, а младшим сыном шерифа Зеидом, который объяснил им, что его старшие братья заняты более важными делами. Поскольку английские офицеры могли оценить положение, у них создалось впечатление, что шериф будет в состоянии выдержать продолжительную борьбу. Хоггарт, возглавлявший эту делегацию, вернулся обратно в Египет с настоятельной просьбой шерифа прислать, по крайней мере, еще 10 000 винтовок, а сверх того некоторое количество горных орудий с мусульманской прислугой. Последнее было вызвано постоянным протестом со стороны арабов против приближения «неверных» к священным городам, хотя бы и для защиты; одно время это значительно затрудняло оказание активной помощи арабам.

Генерал-губернатор Судана Вингейт учел обстановку и сразу же принял решение. Он понял, что при использовании египетских войск для помощи арабам имеется известный риск, но он был человеком, который умел смотреть вперед и принимать решение, а объединение арабов уже давно было его заветным желанием. Он видел, что политико-стратегические последствия перевешивали политико-тактический риск. В результате в Порт-Саиде на три

парохода были погружены под командой египетского офицера две горные батареи с офицерами-мусульманами и одна рота с четырьмя пулеметами, затем 3 000 винтовок и большой запас продовольствия и боевых припасов. Отряд вышел из Порт-Саида 27 июня и на следующий день прибыл в Джидду.

Этот порт был только что захвачен англичанами. Первоначально он был атакован шейхом племени харб в тот самый день, когда Гуссейн напал на Мекку. Однако здесь, так же как и в Медине, арабы не смогли выдержать артиллерийского и пулеметного огня. Тем не менее, отрезав город от воды, они сделали положение гарнизона безвыходным. Два дня спустя крейсеры «Фокс» и «Хардиндж» (последний входил в состав английских морских сил Индии) обстреляли турецкие позиции, находившиеся к северу от города. Так же как и в Галлиполи, морская артиллерия ничего не смогла сделать с окопавшимися турками; точно установить местонахождение их было невозможно. Вечером 15 июня на подмогу пришел английский авианосец, и его три гидросамолета произвели воздушную бомбардировку порта. Взвился белый флаг, и гарнизон численностью в 1 400 штыков сдался арабам.

За этим важным успехом вскоре последовали другие, придавшие курьезный оттенок германскому радиокоммюнике от 27 июня, гласившему, что «мы можем категорически опровергнуть какие бы то ни было слухи о восстании в Геджасе». Рабуг, находившийся на расстоянии 175 *км* к северу от Джидды, держался слабо и легко был захвачен. 27 июля сдался Янбо. Из портов, расположенных на побережье Геджаса, в руках турок оставался только Вэдж, находившийся на самом севере. Внутри Геджаса все еще оставалась незахваченной расположенная на холме станция Тайф. Она была окружена отрядом примерно в 5 000 арабов под предводительством Абдуллы, но последний избегал таких безрассудных поступков, как взятие приступом. Имея хорошо укрывшийся гарнизон в 3 000 турок с десятью полевыми орудиями Круппа, Тайф был крепким орехом, и Абдулла терпеливо ожидал прибытия помощи. Подкрепление состояло из четырех пушек египетской горной батареи и захваченной у турок гаубицы. Начав обстрел 16 июля, эта артиллерия, постепенно продвинувшись к Тайфу, быстро подавила огонь полевых орудий турок. С торжеством наблюдая за происходившим, арабы больше восхищались гулом орудий, чем попаданием снарядов, и предпочитали оста-

ваться в роли зрителей, чем подвергать себя риску перехода в наступление. Их вождь Абдулла, излишне полный для своих 35 лет, был слишком хитер, чтобы пойти на дерзкое предприятие, в особенности учитывая, что на его стороне—только время, а все остальное—против него. Его осторожность была оправдана, когда, наконец, 22 сентября, после того как губернатор Тайфа был напуган попаданием нескольких снарядов в его дом, гарнизон безоговорочно сдался. Благодаря этому поражению число пленных турок шерифа превысило 5 000 человек. Многие из находившихся среди них арабов и сирийцев добровольно согласились поступить на военную службу к арабам и позднее образовали ядро регулярных частей.

Хотя в Тайфе и был успех, но в северном районе положение еще больше ухудшилось. Железнодорожное движение из Дамаска было быстро восстановлено, и поезда ходили в Медину два раза в неделю, совершая проезд в два дня. Командование в Медине перешло теперь к Фахри-паше, который приобрел себе известность как организатор резни в Адене еще в 1909 г. Обладая большим опытом в подобных методах подавления и устрашения, он и в эту войну остался верен себе. 27 июня Фахри произвел внезапную вылазку, заставившую Фейсала отступить, и окружил предместье, которое последний занимал. После успешного штурма его люди разорили и сожгли предместье, перерезав за малым исключением почти всех жителей—мужчин, женщин и детей.

Примененные турками методы ведения войны произвели тем большее впечатление, что они нарушили кодекс, которого придерживались арабы, считавшие, что нужно щадить не только женщин и детей, но и материальное имущество, если оно не может быть захвачено с собой как добыча. Этот относительный иммунитет от той жажды крови, которая имеется у большинства живущих здесь рас, является свидетельством здравого смысла арабов, но в то же время он не указывает на арабов как на «хороший материал» для крестового похода, который требует фанатического энтузиазма.

Это обстоятельство помогает понять те трудности, которые пришлось встретить людям, лелеявшим мечту вдохновить арабов на высшее и бескорыстное усиление для достижения свободы и власти.

Сражения иногда выигрывались обманом, а войны — чаще маневренностью, чем медленными операциями. Но

все же с военной точки зрения даже арабы представляют ценность для тех, кто знает, как их использовать. Требовался лишь военный гений, который смог бы понять значение слабости и обратить ограниченные способности арабов в их пользу. По странному стечению обстоятельств этот динамический реализм должен был проявиться у человека, для которого арабы были романтическим идеалом.

В середине лета 1916 г. положение было еще весьма тяжелым. Арабы могли бы отомстить за убийство своих соплеменников, но здравый смысл удержал их от того, чтобы броситься под пулеметный огонь. Они отступили. Али также отступил от железной дороги и соединился с Фейсалом. Теперь силы арабов довольствовались охраной проходов, которые вели через холмы к Мекке.

Но даже и здесь арабы недолго оставались в покое. 3 августа турки вновь перешли в наступление и отогнали Али на 35 *км* к югу от Медины. Скалистые холмы, столь выгодные для снайперов, явились главной преградой наступлению. В этот момент прибытие новой подвижной колонны, несомненно, позволило бы туркам отогнать арабов до самой Мекки. Вместо этого турецкий командующий предпочел подождать, пока свежие подкрепления не придут в Медину и не позволят ему начать полное покорение Геджаса. Шла подготовка к отправке восьми батальонов, а новый шериф готовился к триумфальному въезду в Мекку с турецким священным ковром. Удовлетворение подобной мести казалось слишком обеспеченным, чтобы стоило его отравлять торопливостью. Таким образом турки упустили величайшую возможность подавления восстания в самом зародыше.

Время дало возможность арабам распространить весть о восстании по пескам пустыни. Оно позволило также арабам устранить допущенные ими недочеты в подготовке восстания и укрепить дисциплину. Но все же они плохо использовали передышку. Организованность не является чем-то естественным для араба, а тем более для бедуина; она также не соответствует их семейному укладу. Если арабы и объединялись, то сила, являвшаяся результатом этого объединения, оказывалась столь же изменчивой, как пески. Зачастую случалось, что член семьи поочередно служил несколько дней на фронте, пользуясь семейным ружьем, а затем заменялся братом. Женатые уходили с фронта, чтобы навестить своих жен. Иногда весь клан целиком уходил домой. Подобные дезорганизующие дей-

ствия усиливались неустойчивостью арабов и враждой между племенами. Связанность наличием общего врага зачастую была недостаточна, чтобы преодолеть взаимное нерасположение. Линии разделения были бесчисленны.

Главное достоинство арабов с военной точки зрения заключалось в стратегической подвижности — в их способности передвигаться на большие расстояния без долгих приготовлений и без той поклажи, которая обычно обременяет воинские части. Но эта способность все же имела больше ограничений, чем это кажется обычно. Едва лишь одна десятая первоначальных сил Фейсала была всадниками на верблюдах. То обстоятельство, что бо́льшая часть арабов передвигалась пешком, затрудняло снабжение продовольствием в случае их удаления на большое расстояние от поселений. Таким образом вопрос о пище являлся вторым после семьи вопросом, привязывавшим арабов к району своего племени. Это означало, что если военные действия переносились на новую территорию, то стратегия в значительной степени зависела от успеха вербовки новых сил из местных племен.

Когда ослаб первоначальный энтузиазм, поддержание восстания арабов зависело от возможности шерифа снабжать своих сторонников продовольствием, а также вознаграждать их за ту добычу, которую им не удалось получить от турок. В этом отношении помощь Англии явилась решающим фактором, так как транспорты с продовольствием, прибывшие в Джидду и Рабуг, оказались для восстания базой. Благодаря им — и только им одним — шериф был в состоянии прокормить как своих воинов, так и их семьи. Получая деньги от англичан, он мог платить по 2 фунта стерлингов [1] за человека в месяц и по 4 фунта за верблюда. Как правильно заметил Лоуренс, «ничто другое не смогло бы удержать на фронте в течение пяти месяцев армию, составленную из разноплеменных арабов».

К сожалению, те, которые находились ближе всего к транспортам, а следовательно, дальше всего от фронта, сумели добиться для себя наилучших условий. Таким образом и здесь, но еще в более разительной форме, проявилась знакомая тенденция современных армий. Поскольку к тому же эти туземные армии не имели дисциплины, которая могла бы их сдерживать, постольку в результате получился прилив к базе и ослабление боевых частей.

---

[1] Фунт стерлингов по довоенному курсу — около 9 р. 50 к. золотом. — *Ред.*

Али и Фейсал вскоре обнаружили, что припасы доходят к ним лишь по капле, а деньги не доходят вовсе. Чтобы поддержать воинственный дух своих людей, Фейсал пустился на хитрость. Он наполнил сундук звонкими камешками, запер его на замок и тщательно перевязал. Во время каждого дневного перехода он приказывал его тщательно охранять.

Однако этих уловок не могло хватить надолго. Тогда Али, пользуясь правом старшего брата, отправился в Рабуг, для того чтобы установить причину невыполнения англичанами своих обещаний. Там он узнал, что местный вождь предпочел воспользоваться возможностью быстрой прибыли в ожидании того, что турки начисто разделаются с шерифом, а деньги останутся у него.

Послав за Зейдом, который привел из Джидды подкрепление, Али начал проявлять свои силы. Устыдившийся вождь ушел в горы, Али же взял власть в Рабуге в свои руки и обнаружил большое количество английских припасов. Тогда братья решили провести в Рабуге длительный отдых.

Таким образом Фейсал остался один в холмах у Медины, стараясь удержать свои войска, которые «таяли» и прибегали ко всяческим уловкам, чтобы уйти. Шейхи говорили ему: «Ты обещал нам оружие и продовольствие, но ни то, ни другое не прибыло». Устав ждать, они уходили. А в это время турки не только накапливали силы у Медины, укрепляя свое господство над железной дорогой в северном направлении, но и собирали транспорт и припасы от своего союзника в пустыне — эмира Хайла. Восстание арабов могло бы вскоре совсем сойти на-нет, если бы его не поддержали англичане.

Таков был взгляд всех, кто близко соприкасался с этим вопросом, за исключением одного человека.

Внешний контроль за делами арабов был запутанным делом еще до того, как вмешались французы. Политической стороной руководил верховный комиссар Египта Генри Мак-Магон, который оценил значение движения арабов и смело покровительствовал ему. Его правой рукой был Рональд Сторрс — человек чрезвычайно разносторонних способностей. С 1909 г. Сторрс был секретарем по делам Востока в английском агентстве в Каире, где он помогал своему начальнику знанием людей по ту сторону Красного моря, а также умением улаживать затруднения в Англии. Однако сфера влияния верховного комиссара была ограни-

чена, потому что правительство Индии все еще несло ответственность за дела в Аравии к югу от Геджаса. Была ограничена и его возможность предпринимать те или иные действия, поскольку он зависел от главнокомандующего военными силами в Египте Муррея, который был не только пропитан условностями доктрины о сосредоточении сил, но и обладал болезненной чувствительностью военного человека ко всяким проявлениям политического вмешательства. Муррей был подчинен генеральному штабу в Лондоне, в то время как Мак-Магон — министерству иностранных дел.

Далее фактическое руководство всеми военными передвижениями через Красное море было возложено на третье лицо — генерал-губернатора Судана Реджинальда Вингейт. Он был назначен командующим операциями в Геджасе, а это означало, что он нес ответственность за советы шерифу в отношении военных действий арабов и за использование любых могущих быть присланными английских военных сил. Его сочувствие восстанию арабов соответствовало его страстному желанию воспользоваться создавшейся обстановкой, но он был генералом без армии, так как находившиеся под его командованием воинские части в Судане были незначительны и заняты усмирением восстания в Дарфуре. Осуществлять функции советника шерифа, находясь в Судане, было не менее трудно, чем добиться проведения этих советов в жизнь.

Для облегчения этого Вингейт послал подполковника Вильсона, губернатора Судана, в Джидду в качестве своего представителя. Взяв на себя большую ответственность, он сделал удачный выбор. Некоторое время Вильсону пришлось работать без всякой помощи. Он утешал, советовал и уговаривал различных вождей арабов и в конце концов добился большого влияния на них, а также заслужил полное доверие относившегося ко всему с подозрением шерифа. Это можно было приписать не столько дипломатической хитрости, сколько тому факту, что он обходился с арабами честно и открыто. Они не доверяли ему так, как не доверяли бы и другому более хитрому советнику. В дальнейшем к своему собственному ущербу арабы все же не учли, что он был просто работником, выполнявшим определенное задание, а не лицом, стоявшим во главе.

Другая удача заключалась в том, что морское командование находилось в руках человека, всегда шедшего навстречу совместным действиям, каким был вице-адмирал Росслин Вэмисс, командующий морскими силами в Ост-

Индии. В военном отношении он по сути дела оказался чем-то вроде крестного отца восстания, когда последнее находилось в «младенческом возрасте», и оказывал ему всяческую помощь, пока оно не окрепло

Между этими различными начальниками имелось связующее звено в лице бригадного генерала Гильберта Клейтона, олицетворявшего в себе тройное представительство: агента в Судане, главы военной разведки в Египте и начальника политической разведки. Он имел также связь со штабом командующего морскими силами и наблюдал за деятельностью «Арабского бюро». Казавшийся сонным и даже ленивым, он обладал удивительной способностью быть в курсе всех нужных дел. Умение оставаться в хорошем расположении духа в случае неприятностей часто помогало ему их устранять. Его чувство юмора играло не последнюю роль в обхождении с разнообразными подчиненными, а также и в улаживании конфликтов.

ГЛАВА III

РАЗНОГЛАСИЯ

СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1916 г.

Доходившие через Красное море сведения о неудачах восстания арабов были весьма неприятны для английских представителей в Египте и Судане. Что касается правительства Индии, то оно относилось к восстанию с явным неодобрением, и угроза его неудачи воспринималась легко. Хотя общественное мнение Англии в то время лишь смутно сознавало все значение восстания, эхо его в правящих кругах отдавалось громко и вызывало противоречивые взгляды, создавшие незаметному порту Рабуг громкую славу, пока в конце года она не была заглушена шумом падения кабинета Асквита.

Проблема оказания практической поддержки восстанию встала перед военной комиссией кабинета.

Был сделан ряд предложений, главнейшим из которых было — продвинуть английские войска в Египет, а также занять Акаба с целью создать угрозу турецким сообщениям с Геджасом. Однако продвижение вглубь потребовало бы много времени, а наряду с этим шериф высказывал неудовольствие в отношении проекта высадки английских войск в Акаба. В результате английское верховное командование, не желавшее посылать войска, было весьма довольно возможностью воспользоваться этим предлогом и избежать необходимости их отправки.

Все же создавшееся осенью опасное положение потребовало немедленной отправки помощи. Возможность турецкого наступления из Медины на Мекку становилась угрожающе близкой. Было более всего вероятно, что турки начнут свое продвижение через Рабуг, что являлось наи-

менее трудным, и этот путь был многоводен. Кроме того, он изобиловал припасами, заготовленными англичанами для шерифа, и таким образом, представлял собой солидную приманку.

Перед лицом надвигавшейся опасности Мак-Магон настаивал на отправке в Рабуг английской бригады. Муррей упорно этому противился. Возможно, что он мало верил в успех восстания или же недооценивал его значение. Жонглировать аргументами было легко: появление английских войск в такой близости к «святым» городам грозило вызвать антагонизм мусульманского мира, и даже арабы могли быть призваны на помощь; при этом учитывались больше прошлые колебания шерифа, чем его теперешнее желание получить помощь. Говорили, что даже в том случае, если бы войска были посланы, это могло оказаться напрасным, так как турки смогли бы направиться другим, внутренним путем.

Пытаясь преодолеть все эти возражения, 13 сентября Мак-Магон совещался с Мурреем. Не достигнув согласованного решения, они передали дело на усмотрение военного министерства. Полился поток телеграмм между верховным комиссаром, министерством иностранных дел, главнокомандующим в Египте и начальником генерального штаба в Лондоне. Министерство иностранных дел передало вопрос на рассмотрение военной комиссии, которая в свою очередь запросила мнение генерального штаба.

Муррей нашел сильную поддержку своим возражениям от своего преемника в центре. Вильям Робертсон принял дела с твердым намерением урезать всяческое отвлечение войск на дальние фронты, для того чтобы сконцентрировать все возможные силы на Западном фронте. Разделавшись, к своему великому удовольствию, с Галлиполи, но запутавшись в Салониках, он не имел ни малейшего намерения быть втянутым в новое дело.

Робертсон изложил свои взгляды в докладе от 20 сентября 1916 г., в котором определенно высказался против отправки войск, считая, что непосредственная помощь должна быть ограничена только поддержкой со стороны флота.

Несколько министров, и в частности лорд Керзон и Остин Чемберлен, не согласились со взглядом Робертсона, исходя из тех соображений, что командование на месте, по всей вероятности, знает больше о том, что требуется и каковы настроения арабов, чем генеральный штаб в Лондоне. В конце концов было решено запросить мнение вице-

короля Индии и главнокомандующего английскими войсками в Египте и Месопотамии.

В ответе вице-короля выразилось довольно милостивое отношение чиновников Индии к восстанию арабов, которое было для них неприятным сюрпризом, но выдвигались различные возражения против отправки войск в Рабуг. В конце заявлялось, что неудача восстания в Индии, а также в Афганистане будет для Англии менее предосудительной, чем военная интервенция в целях поддержки восстания. Ответ генерала Мод из Месопотамии отражал примерно тот же взгляд. Он сообщил, что племена, находящиеся в сфере его влияния, не настолько заинтересованы в восстании, чтобы вообще их трогал исход его. Муррей же высказал оптимистический взгляд, указав, что, по его мнению, в настоящее время войск вообще не требуется.

Эти ответы не удовлетворили министров, которые требовали проведения быстрых мероприятий. Однако Робертсон заявил, что он ничего не имеет добавить к своему первоначальному докладу, и перед лицом его непреклонного упорства министры сдались. Но удовлетворение Робертсона было весьма кратковременным, так как вскоре его упорство снова было испытано ходом событий, которые не только привели к возобновлению нажима со стороны министерства иностранных дел, но и к новому давлению со стороны Франции.

Восстание арабов против оттоманского владычества явилось событием, в известной степени благоприятным для французских интересов. Значение его с политической точки зрения заключалось в том, что оно могло распространиться среди народов, населяющих Палестину, Сирию и Малую Армению, освободить эти области от турецкого ига и явиться поводом для французской интервенции. С военной же точки зрения восстание арабов могло приковать к себе турецкие силы в соответствии с его масштабом, с точки же зрения ислама оно должно было заставить большинство французских подданных мусульман рассматривать турок как оскорбителей святых мест и вследствие этого усилить в них чувство лойяльности по отношению к Франции, которая сражалась против союзников Оттоманской империи.

Французский премьер-министр подчеркнул значение возобновления паломничества и отправки «нескольких религиозных знатных лиц, заведомо лойяльных, которые смогли бы доставить эмиру Мекки подарки и денежную помощь с поздравлениями от наших подданных мусульман». Эту

политическую депутацию должна была дополнить французская военная миссия, составленная исключительно из мусульман, но во главе с французским офицером.

Эти мероприятия были тотчас же проведены в жизнь. Во главе миссии был поставлен подполковник Бремон, ученый, знаток по вопросам Аравии, прослуживший ряд лет в Северной Африке. Ему было поручено организовать штабквартиру в Египте, в то время как арабская часть миссии, во главе с артиллерийским офицером, отправилась в Геджас.

Миссия прибыла в Александрию и через две недели отправилась в Геджас вместе с политической делегацией. По высадке в Джидде состоялась торжественная встреча, которая была отмечена арабами пышными речами, а французами — передачей им подарков в 1 250 000 золотых франков. Несколько дней спустя начался приезд паломников из французской Африки. Продвижение кавалькады к Мекке сопровождалось излияниями религиозного восторга, смешанными с радостью при получении денег. По возвращении из Мекки глава делегации сообщил, что шериф не проявил особой радости в принятии французской военной помощи, считая, что это может лишь повредить делу.

Наряду с этим шериф предупредил французское министерство иностранных дел, что в случае отсутствия под рукой в момент возникновения серьезных опасностей военной помощи со стороны французов весьма возможно, что арабы договорятся с турками. При этом он намекнул, что «наше водворение в Сирии может вызвать ряд затруднений со стороны шерифа Мекки, если мы не воспользуемся его теперешней слабостью, для того чтобы заключить с ним соглашение; оно положит предел его честолюбивым замыслам, признав те из его желаний, которые соответствуют нашим интересам».

Эти затруднения и возможности не ускользнули от внимания английского министерства иностранных дел. Поскольку избежать вмешательства французской миссии было невозможно, оставалось лишь поставить вопрос о том, чтобы за ней последовала посылка войск, имевшая более практическое значение. Поэтому на следующий же день после прибытия миссии в Александрию английское правительство обратилось с просьбой к Франции о присылке воинских частей. Военное министерство высказывалось за желательность присылки полевой батареи и возможно большего числа

специалистов-мусульман. К сожалению, последнее не могло быть выполнено немедленно, так как у французов вовсе не было туземцев-артиллеристов. В ноябре отряд, включавший пулеметчиков, инженеров и 2 батареи общей численностью в 1 000 человек, собрался в Суэце для завершения своей подготовки. Таким образом отряд мог пригодиться лишь в дальнейшем, а на создавшуюся в то время критическую обстановку никакого влияния не оказывал.

Чтобы компенсировать собственную неподготовленность, французы присоединились к хору голосов, настаивавших на необходимости отправки бригады в Рабуг.

Фахри еще не двинулся на Мекку, но было ясно, что с каждой неделей опасность его выступления становилась все более и более неизбежной. Хотя никто из английских офицеров и не мог предсказать, сколько еще времени продлится инертность турок, но они все же чувствовали, что ей наступит предел.

Несмотря на первоначальные потери, силы турок в Геджасе были столь же велики, как и вначале. Они состояли примерно из 10 000 человек, базировавшихся на Медине, 2 500 человек, расположенных к северу вдоль железной дороги, и 1 200 человек, охранявших Вэдж.

Силы арабов к тому времени были разделены на 3 отряда: один, насчитывавший около 5 000 человек под командованием Али, опирался на Рабуг, другой — примерно в 4 000 человек во главе с Абдуллой — находился близ Мекки и третий — примерно в 7 000 человек под командованием Фейсала — был расположен у Янбо с целью проведения военных операций на железной дороге. Но они все же находились на порядочном расстоянии от Медины. Кроме того, Али и Абдулла, повидимому, переложили большую часть нажима со стороны турок на Фейсала, люди которого уже едва держались.

19 октября наступление турок, произведенное, как это удалось установить в дальнейшем, разведывательным отрядом в 80 человек на верблюдах, заставило Фейсала отступить от Бир-Аббаса к Хамра.

За три дня перед этим Сторрс и Лоуренс высадились в Джидде, где их встретил Абдулла. Лоуренс, который стремился найти вдохновенного пророка-вождя, нового Магомета, вскоре убедился, что Абдулла для этой роли не пригоден. Его характер отражался в его наружности. Это был толстый человек, невысокого роста, с круглым глад-

ким лицом, толстыми губами и моргающими глазками. Арабы считали его хитрым политиком и прозорливым государственным человеком. По мнению Лоуренса, он был скорее первым, чем последним. И хотя Абдулла говорил, что для них остался лишь один выход, а именно — погибнуть в бою перед святым городом, чувствовалось, что для этой героической цели он предназначал своего отца. Шериф при переговорах с Лоуренсом по телефону из Мекки подтвердил это решение, после чего Абдулла, слегка улыбаясь, попросил о том, чтобы бригада английских войск, по возможности из мусульман, стояла наготове в Суэце для предотвращения несчастья в том случае, если бы турки повели наступление из Медины.

В ответ Лоуренс заявил, что он желал бы посетить Фейсала и лично выяснить обстановку. С трудом удалось убедить по телефону шерифа дать на это свое согласие. Телефон неожиданно оказался новой игрушкой для шерифа, интерес к которой еще не исчез, так как в тот же вечер англичане были вызваны к телефону, чтобы послушать духовой оркестр шерифа, недавно захваченный у турок и игравший в Мекке. Когда же Лоуренс выразил свое восхищение игрой оркестра, шериф заявил, что на следующий день он отправит оркестр форсированным маршем к нему в Джидду, чтобы самому послушать оркестр по телефону из Джидды.

На следующее утро после того, как это удовольствие было испытано, Лоуренс уехал в Рабуг, где встретился с Али. Последний также мог быть исключен из опроса: изношенный и утомленный от жизни в 37 лет, с усталым ртом и нежными руками, он обладал хрупким здоровьем и неуравновешенным характером. Для дальнейшего путешествия Али предоставил Лоуренсу верблюдов и двух проводников. Чтобы скрыть тот факт, что неверный едет в глубь священной провинции, Али отложил отъезд Лоуренса до темноты, предложив ему вдобавок сменить свою одежду на одеяние араба. Когда они ехали ночью, Лоуренс думал о том, что это был тот путь паломников, по которому несметное число лет тому назад народы севера шли, чтобы побывать в святом городе, принося с собой дары своей веры святыне. Ему казалось, что восстание арабов может оказаться в известной степени возвратом паломничества, возможностью принести обратно на север, в Сирию, идеал за идеал, веру в свободу за их прошлую веру в откровение. Это вскрывает романтический

дух человека, который собирался вдохновить людей на крестовый поход в обратном направлении...

После остановки для приема пищи и нескольких часов отдыха в деревушке на расстоянии 80 *км* Лоуренс поздно вечером на второй день добрался до Хамра и застал Фейсала ожидавшим его.

«С первого же взгляда я почувствовал, что он является именно тем человеком, которого я приехал искать в Аравии, — вождем, который покроет восстание арабов неувядаемой славой. В своем белом шелковом одеянии и коричневом головном уборе, повязанном блестящим золотисто-красным шнуром, Фейсал казался очень высоким и стройным. Его веки были опущены, а его черная борода и бесцветное лицо были похожи на маску по сравнению со стройной спокойной настороженностью его тела». Он напомнил Лоуренсу памятник Ричарду Львиное Сердце в Фонтевро. В действительности внутреннее сходство было еще более глубоким, чем наружное.

После обмена приветствиями Фейсал вежливо спросил своего гостя:

— Нравится ли вам здесь, в Вади-Сафра?

— Да,— ответил Лоуренс,— но далеко от Дамаска.

Это был удар, который заставил вскипеть кровь Фейсала, но вместе с тем скрепил союз между ними, как в те времена, когда двое людей по древнему обычаю вскрывали себе вены и смешивали свою кровь.

Но даже у Фейсала настроение было подавленное. Оно несколько приподнялось, когда он узнал о предстоящем прибытии египетской батареи, но затем вновь упало при известии о том, что турецкая артиллерия превосходила присылаемые ему устарелые пушки. Это лишало арабов надежды на то, что они смогут принудить турок к сдаче Медины. Фейсал откровенно заявил, что он отступил, чтобы дать отдых своим войскам, и настойчиво требовал артиллерии и притом самой современной.

Такой же, но еще более настойчивый запрос Лоуренс услышал от Молада, действительно боевого солдата, первого солдата регулярной армии, присоединившегося к Фейсалу. Будучи турецким офицером, Молад оказался таким поджигателем арабского национализма, что был дважды снижен в должности и провел два года в ссылке. Затем, командуя полком турецкой кавалерии в Месопотамии, он был взят в плен англичанами. Как только он услышал про восстание арабов, он вызвался пойти добровольцем

в армию Фейсала. Мучимый сознанием бессилия этой армии, он с яростью настаивал перед Лоуренсом: «Не пишите нашу историю. Самое нужное сейчас — это драться, драться и бить их. Дайте мне батарею шнейдеровских горных орудий и пулеметы, и я покончу с ними. Мы говорим и говорим, но ничего не делаем».

Разговор после ужина дал возможность Лоуренсу выявить существенный момент точки зрения арабов. Выразив свое соболезнование вождям арабов, пострадавшим в Сирии, Лоуренс, к своему удивлению, услышал ответ, что они хотя и косвенно, но все же заслужили справедливое наказание за свою готовность признать над собой в качестве цены за оказанную поддержку власть французов или англичан. Правда, Фейсал не присоединился к всеобщему обвинению, но все же он позаботился о том, чтобы Лоуренс обратил на это внимание. Он отметил, что установившаяся за Англией репутация страны, захватывающей те территории, которые она защищает, может вызвать тревогу среди ее молодых союзников.

На следующий день Лоуренс воспользовался возможностью изучить силы арабов вблизи. Обычно они принимали его за турка и не скупились на различного рода предположения относительно того, как с ним разделаться. Он отметил себе, что «арабы являются крепким народом, все очень темные от загара, некоторые даже похожи на негров, сухие до последней крайности, носят лишь тонкую рубашку, короткие трусы и головную повязку, которая служит им для всевозможных целей». Лоуренс предоставляет воображению каждого состояние волос под повязкой, но арабская поговорка гласит, что непокрытая голова является признаком неблагородного ума. Новая армия Фейсала была расточительна по крайней мере в одном отношении: ее солдаты ходят повсюду обвешанные патронными лентами и стреляют из ружей при первой возможности. Они изучают пристрелку на практике. Что касается их физического состояния, то я сомневаюсь, чтобы имелись более выносливые люди, чем арабы.

Лоуренсу казалось, что их единство все еще было обременительным союзом и могло быть слишком легко нарушено каким-либо несчастьем, потрясение же от одного поражения в бою с тяжелыми потерями сломило бы их волю к продолжению войны. Наряду с этим он обнаружил новое утешение в ознакомлении с неровной и покрытой скалистыми утесами местностью. Единственные пригодные дороги про-

ходили через долины, которые правильнее следовало бы называть ущельями. И он чувствовал, что даже эти беспорядочные части арабов будут в состоянии удержать любое турецкое наступление, если их снабдить легкими пулеметами, чтобы обстреливать дефиле. «Среднее возможное расстояние определяется в 200—300 ярдов,— отметил он в своем докладе,— а при стрельбе в упор арабы стреляют вполне хорошо. Холмистый пояс — прямо рай для снайперов, а одна или две сотни решительных людей (особенно с легкими пулеметами, легко переносимыми в гору на руках) были бы в состоянии удержать любую дорогу».

Выяснив обстановку, Лоуренс получил конвой до Янбо, где он ожидал прибытия английского военного корабля, который доставил его в Джидду. Здесь он застал адмирала Вэмисса, с которым совершил переезд через Красное море в порт Судан. Прежде чем отправиться вниз по Нилу в Каир, Лоуренс в Хартуме изложил свои впечатления Вингейту.

Сам Лоуренс оценивал создавшееся положение как многообещающее, пока у арабов в качестве военных советников находится несколько сведущих английских офицеров. Против посылки английских частей в Геджас он возражал, считая, что подобное мероприятие заставит выступить против шерифа ряд племен. Однако в данный момент его взгляды по обоим вопросам являлись взглядами меньшинства.

Это было вполне естественно, так как пессимизм всегда проявлялся больше в тылу, чем на фронте, а из европейских офицеров только один Лоуренс побывал на фронте. Остальные неизбежно поддавались тому настроению уныния, которое преобладало в Рабуге, и склонялись к мнению, что высадка английских частей является единственным верным выходом для предотвращения захвата Мекки турками. Естественная тенденция оценивать военную обстановку обычным стандартом приводила их к выводу, что арабская армия не была в состоянии оказать какое-либо серьезное сопротивление туркам. Последнее было, конечно, справедливым заключением, пока арабы пытались пользоваться обычными методами регулярной войны.

В результате совещания с Вэмиссом Вингейт отправил в Лондон телеграмму, в которой указал, что для удержания за собой Рабуга с помощью морских сил требуется еще по крайней мере одна бригада регулярных войск с артиллерией. Если же в этом будет отказано, то в качестве альтернативы он просил о присылке хорошо подготовлен-

ного отряда арабов численностью 5 000 человек, также с артиллерией. Учитывая возможность дальнейших препятствий и затяжек со стороны военного министерства, он добавил, что собирается отправить в Рабуг орудия, пулеметы и звено из четырех самолетов, на что разрешение уже имелось, а также начать организацию сил арабов.

Телеграмма Вингейта была встречена генеральным штабом в Лондоне как доказательство правильности той точки зрения, что всякая интервенция повлечет за собой неограниченную ответственность. Робертсон ухватился за телеграмму и, в частности, за выражение «требуется по крайней мере». 2 ноября он выдержал еще один бой в военной комиссии [1], когда министры ему заявили, что, исходя из того, что происходило с Румынией и год тому назад произошло с Сербией, они пришли к заключению, что Англия будет представлять собою печальное зрелище в глазах всего мира, если позволит погибнуть от отсутствия помощи еще одному союзнику.

В дальнейшем Робертсон не без обиды в голосе жаловался на то, что подобные доводы, вызываемые моментом, было нелегко парировать. Он чувствовал, что из-за отсутствия доказательств справедливости обратного един-

---

1 На заседании 2 ноября военная комиссия склонилась перед непреклонным упорством Робертсона, но не разделила его легкомысленного взгляда на то, что возможность захвата турками Рабуга никогда не имела большого значения. Адмиралу Вэмиссу были посланы директивы оказать Рабугу всяческую поддержку морскими силами вплоть до высадки, если это потребуется, десанта моряков. Сирдару было предложено отправить все военные части, которые он смог бы выделить из Судана. Французскому правительству была послана просьба отправить любые находящиеся поблизости военные силы. Телеграмма Вингейта была новым импульсом к проведению в жизнь этих неясных указаний — импульсом, который приобрел дополнительную силу благодаря новому шагу со стороны французов. Бремон прибавил свой голос к требованию посылки бригады, но наряду с этим высказал свое нежелание разрешить своим артиллерийским и пулеметным частям отправиться из Суэца, не будучи уверенными в получении ими в Рабуге соответствующего подкрепления пехотными частями. Его поддержало французское правительство, указавшее английскому министерству иностранных дел на возможность переброски одной бригады с синайского фронта ввиду наличия там сравнительно слабых сил турок. Оно также предложило послать во временное распоряжение Муррея два сингалезских батальона, чтобы облегчить отозвание одной из его английских бригад.

Это французское вмешательство было тем более чувствительно для Робертсона, что оно отражалось на его стратегическом плане.

ственно, что оставалось делать, это строго придерживаться ранее сделанных выводов [1].

Поскольку его положение еще было прочным, военная комиссия попыталась выйти из затруднения советом передать решение в подкомиссию, состоявшую из Эдварда Грэя, лорда Керзона и Остина Чемберлена. В подкомиссии Грэй обычно придерживался той точки зрения, что отклонять официальное мнение военного ведомства является нежелательным. Но сознание опасности положения в Аравии и возможных последствий пересилило сомнения двух других министров. После продолжительного обсуждения вопроса, которое Робертсон нашел «весьма неприятным», ему было предложено доложить, какие силы потребуются для того, чтобы удержать Рабуг от возможного наступления. Он нехотя согласился это сделать, хотя и добавил в виде предостережения, что «я никогда не смогу заставить себя подписать приказ об использовании английских войск для задуманных целей». Это являлось нескрываемой угрозой выйти в отставку, если только его стратегические замыслы будут принесены в угоду политическим соображениям,— угрозой, которая имела большой эффект в тот период войны, когда государственные деятели всех стран вследствие боязни крикливых протестов попадали в подчинение генералам.

Робертсон представил доклад, в котором он подчеркнул, что «мы должны быть настолько сильны, чтобы противостоять не минимальному, а максимальному количеству сил, могущих быть брошенными неприятелем». Исходя из этого, он определил потребное количество войск в две пехотные бригады, две артиллерийские бригады и два кавалерийских корпуса на верблюдах со вспомогательными частями —

---

[1] Год спустя дорогой ценой для Англии и ценой собственного поражения он занял точно такую же позицию в отношении наступления у Пашендэйля, когда настаивал на отказе в посылке помощи Хэйгу, несмотря на свои собственные сомнения, и написал ужасное признание: «Я признаюсь, что упорствовал... скорее потому, что меня заставлял упорствовать мой инстинкт, а не какой-либо стоящий аргумент, которым я мог бы оправдать свое упорство». Стратегия, побуждаемая не разумным расчетом, а животным инстинктом, которая к тому же не может быть оправдана доводами аргумента, выносит сама себе обвинительный приговор даже до того, как этот приговор подтвердится горьким опытом. В своем отношении к арабской кампании он избег подобного же обвинительного приговора истории потому, что из среды военных не по профессии появился стратег, который был в состоянии на основании здравого смысла развернуть стратегию, соответствовавшую реальной обстановке.

всего около 16 000 человек. Поскольку даже по расчетам Робертсона в Геджасе имелось не более 15 000 турок, это, несомненно, являлось «щедрой» оценкой, особенно если учесть, что задача отряда заключалась в обороне при поддержке орудий военных кораблей. Очевидно, что чем больше была цифра, означавшая количество необходимых для отправки войск, тем меньше было вероятия, что войска эти будут отправлены [1].

Представленный доклад с предшествовавшей ему угрозой оказались достаточными, чтобы удовлетворить премьер-министра. Что же касается остальных министров, то их внимание было отвлечено политическими событиями, предшествовавшими падению правительства Асквита. Когда под руководством Ллойд-Джорджа сформировался новый военный кабинет, члены его, конечно, не имели никакого желания тотчас же вступать в конфликт со своим главным советником по военным делам из-за столь незначительного вопроса. К тому же и последние затруднения для Робертсона были устранены решением, которое было предложено со стороны арабов. Недаром Робертсон в последующие годы от-

---

[1] В своем докладе Робертсон указывал, что войска не могут быть сняты ни с какого другого театра войны и что, если их брать с синайского фронта от Муррея, ему придется прервать то наступление на Эль-Ариш, которое было начато по приказанию военной комиссии (в связи с этим заявлением интересно отметить, что в Синае турки имели лишь две слабые дивизии общей численностью около 13 000 штыков против английских сил, превосходивших их более чем в три раза). С другой стороны, если бы это наступление было осуществлено, оно спасло бы Мекку от гораздо большей опасности, чем любая высадка в Рабуг «в целях угрозы неприятельским путям сообщения с Геджасом». «Кроме того, было невероятным, чтобы производилась попытка наступления на Рабуг и Мекку со стороны Медины. Трудности, которые при этом пришлось бы преодолеть, были бы громадны даже для турок, которые привыкли к военным действиям в условиях пустыни». Исходя из всех этих соображений, «он почтительно указал в заключении», что экспедицию посылать не следует.

Доклад, несомненно, являлся доказательством того, что оценка генерального штаба была более похожа на обращение защитника к судье в пользу своего клиента, чем на беспристрастный вывод. В особенности забавен довод, что окончательное наступление на Эль-Ариш, расположенный на берегу Средиземного моря, 6 недель спустя сможет оказать немедленный эффект на положение у Мекки и создать действительную угрозу Геджасской железной дороге, находящейся в расстоянии 190 *км* через Мертвое море и пустыню. Это, конечно, превосходит все те любительские расчеты Ллойд-Джорджа, над которыми так любил издеваться Робертсон. Весь юмор этого самоуверенного заявления почувствуется еще сильнее, если вспомнить, что английское наступление было приостановлено в нескольких милях от Эль-Арища и войска оставались там до следующей осени.

ществлении создавшейся в то время перемены в обстановке.

К тому моменту, когда Робертсон приготовил свой доклад, Муррей сконцентрировал в Суэце две бригады, которые были готовы к отправке в Рабуг по получении приказа из Англии. Эти силы оставались там до тех пор, пока в конце января Муррей не получил приказания отправить обратно во Францию целую дивизию.

На побережье Красного моря положение продолжало оставаться тревожным. В Медине турки печатали в большом количестве листовки о том, что вновь назначенный ими шерифом Али-Хайдар известил о своем намерении «вернуть арабов на истинный путь», а также о предстоящем прибытии из Европы турецких дивизий. Эти листовки, получившие широкое распространение, произвели громадный эффект. 1 декабря Фейсал сообщил в Джидду, что Фахри-паша вышел из Медины. Фейсал требовал подкреплений, но возникшие между братьями натянутые отношения и невнимание Али и Абдуллы к активным действиям делали его перспективу безнадежной.

Английские корабли доставили из Индии в Рабуг около 4 000 пленных арабов, но лишь ничтожная часть их согласилась присоединиться к войскам шерифа, причем все они хотели быть офицерами. Что касается небольшого числа египетских войск, которые были посланы в качестве охраны самолетов, то они прежде всего были заняты охраной самих себя, так как в течение нескольких дней была опасность, что на них могут напасть арабы — не столько из вражды, сколько вследствие жажды добычи. Хорошо еще, что для удержания египтян нашелся такой человек, как Джойс с его характером.

Три турецких батальона с 600 всадников на верблюдах и тремя орудиями атаковали отряд Фейсала и отогнали его к Янбо. Его части обращались в бегство при малейшей потере. Случаи дезертирства участились. В результате туркам удалось овладеть дорогой между Янбо и Рабугом и отрезать Фейсала от Али с суши. Во время этого кризиса Лоуренс высадился в Янбо.

10 декабря в Джидду из Мекки прибыл шериф, чтобы встретиться с Вильсоном. Он вручил Вильсону письмо с просьбой об отправке в Рабуг шести батальонов и добавил, что хотя он предпочел бы мусульман, но, учитывая создавшуюся обстановку, согласен принять и христиан.

Однако на следующее утро шериф переменил свое решение и взял свою просьбу обратно. Таким образом, разговоры шли без конца. Некоторые из вождей арабов настаивали на присылке войск, другие намекали на желательность заключения мира с турками. Ввозившиеся в страну в огромном количестве винтовки исчезали; многие из них продавались — и даже туркам. Имелись подозрения, что то же самое происходило и с продовольствием. Накануне рождества Вильсон провел совещание с несколькими офицерами для рассмотрения вопроса об эвакуации Рабуга. Сообщали, что приближавшиеся турецкие части насчитывали около 5 000 человек.

29 декабря Вингейт занял пост верховного комиссара Египта, с которого Мак-Магон был снят под давлением враждебных ему сил. Для выяснения желательности присылки войск Вингейт отправил через полковника Пирсона телеграмму, которая в действительности была ультиматумом шерифу и требовала от него решительного ответа. Шериф прислал ответ, который, несмотря на его неясность, смог быть истолкован как согласие принять помощь со стороны английских войск. В связи с этим Пирсон протелеграфировал в Каир просьбу Муррею произвести отправку бригады, которая находилась наготове.

Отправка была намечена на 9 января. Казалось, что долгожданное мероприятие, наконец, будет проведено в жизнь, но в действительности оно так и не было реализовано: все приказания были отменены, причем на этот раз окончательно.

6 января Вильсон после кратковременного пребывания в Египте вернулся в Джидду. По дороге он остановился в Янбо, где виделся не только с Фейсалом, но и с Лоуренсом. Хотя Вильсон до тех пор и был убежденным сторонником отправки английских войск в Рабуг, вернувшись, он стал смотреть на положение более оптимистически и был лишь озабочен реакцией, которая могла явиться следствием высадки английских войск.

По прибытии в Джидду Вильсон увидел последнюю телеграмму шерифа и признал ее неудовлетворительной. Он написал Вингейту о том, что отправка войск не должна производиться до тех пор, пока шериф не потребует в письменном виде присылки войск с принятием на себя ответственности за последствия их появления в Геджасе.

9 января Вингейт отправил об этом телеграмму шерифу.

Хотя многие из окружавших шерифа и высказывались за принятие помощи, шериф колебался взять на себя ответственность. Он оставался в нерешительности два дня, а затем ответил, что в данный момент в помощи английских войск он не нуждается, но хотел бы оставить за собой право их вызова в случае перемены обстановки.

Фейсал — с Лоуренсом в качестве советчика — уже выступил из Янбо для флангового марша по берегу Красного моря на расстоянии 350 *км* к Вэджу. 23 января последний был занят передовой колонной арабов, высадившихся с кораблей. Два дня спустя английская бригада, находившаяся в ожидании в Суэце, была отправлена обратно.

На войне, сказал Наполеон, приходится рассчитывать не только на людей, но и на отдельного человека. Это еще более верно при участии в войне иррегулярных войск. В январе 1796 г. молодой 26-летний человек сумел убедить Директорию пойти на смелый шаг, который точно так же начался с флангового марша вдоль побережья Ривьеры. Лоуренс перед началом его первой арабской кампании был ровно на 2 года старше, чем был Наполеон Бонапарт во время его первой итальянской кампании. Любители исторических совпадений могут обнаружить исключительную цепь событий. 16 октября — в тот день, когда Лоуренс высадился в Аравии, — Наполеон был произведен в генералы за услуги, оказанные им во время восстания в вандемьере. 27 марта Наполеон принял командование над итальянской армией, а Лоуренс произвел свой первый самостоятельный набег на Геджасскую железную дорогу. 10 мая, в годовщину «моста Лоди» — даты, с которой Наполеон начал считать свое предвидение «сверхчеловеческих достижений», — Лоуренс был окончательно лишен возможности соединиться с английской миссией и остался один с арабами в экспедиции, которая подняла арабскую кампанию на новую высоту, а его самого вознесла до кульминационной точки подъема.

Однако аналогия не должна заходить слишком далеко.

ГЛАВА IV

КЛИН

ДЕКАБРЬ 1916 г.—ЯНВАРЬ 1917 г.

Возвращаясь в Каир после своего первого посещения Фейсала, Лоуренс представил Клейтону еще более убедительный доклад, чем взгляды, высказанные им в Хартуме. Это был краткий и резкий документ, в котором Лоуренс весьма основательно возражал против присылки бригады. Он считал, что арабы были в состоянии сами удержаться на холмах, пересекавших дороги в Мекку, при условии хорошего снабжения их легкими пулеметами, соответствующей артиллерией и технической помощью. Благодаря собственному опыту он определенно высказывался против присылки английских войск, считая, что их появление вызовет среди арабов столько подозрений и предубеждений, что уничтожит то единство, которое сейчас имеется. Кроме того, он считал английскую пехоту слишком тяжеловесной для военных действий в такой пустынной и суровой стране и предполагал, что турки вследствие этого будут в состоянии избегнуть встречи с английскими войсками в Рабуге.

Лоуренс выдвигал свои доводы особенно настойчиво, так как узнал, что приготовления к посылке отряда шли полным ходом. Вскоре после этого он имел основание еще более усилить свои возражения, так как обнаружил, что Бремон, настаивая на отправке отряда, руководствовался политическими мотивами. Подозрения Лоуренса были вызваны разговором, в котором Бремон намекнул, что, поскольку арабы противятся высадке союзных войск, их неудовольствие будет направлено против шерифа, который вследствие этого окажется еще в большей зависимости от поддержки союзников.

Можно также подозревать, что возражения Лоуренса против отправки военной экспедиции были вызваны не только военными соображениями. Бремон позднее указывал, что возражения Лоуренса были вызваны его личным честолюбием, так как «прибытие английского генерала с бригадой поставило бы его в подчиненное положение». Однако это заявление не вяжется с тем фактом, что Лоуренс первый высказался против предложения о посылке войск еще тогда, когда никому в голову не приходила мысль отправить его в Геджас и когда он не высказывал ни малейшего желания туда ехать.

Более естественная причина заключалась в давнишнем желании Лоуренса видеть арабов борющимися за свое освобождение и притом без покровительства иностранцев. Если он не хотел их видеть «охраняемыми» англичанами, то еще менее хотел их видеть превращаемыми в добрых французских граждан. Улучшение их гражданских добродетелей не возместило бы, по его мнению, потери того, что он рассматривал как необходимый дух свободолюбия. Французы же являлись не только более серьезной угрозой для его планов, но и более реальной угрозой вообще. И в конце концов арабы оказались бы в роли кукушки в своем гнезде.

Доклад Лоуренса создал ему новый авторитет в тех кругах, где до этого его считали непочтительным и эксцентричным молодым штатским гражданином в военной форме. В глазах генерального штаба он внезапно превратился из любителя в эксперта-специалиста. Такова, однако, обычная судьба человека, когда его критика случайно угодит профессионалам. Наблюдения, сделанные Лоуренсом, и его доводы против посылки бригады в Рабуг были встречены наилучшим образом всеми теми, кто высказывался против ее отправки. «Муррей и его штаб повернулись ко мне лицом и сказали, что я самый лучший мальчик; они протелеграфировали полностью мою докладную записку Робертсону, который прислал мне благодарственную телеграмму».

Такого превосходного эксперта следовало использовать в дальнейшем и отправить туда, где он мог бы придерживаться столь правильных взглядов. Поскольку это вновь создавшееся в высоких кругах мнение совпадало с мнением человека, который лучше всех знал свою работу, Клейтон приказал Лоуренсу возвратиться в Янбо, для того чтобы действовать в качестве офицера для связи и советника Фейсала. Отношение Лоуренса к этому новому поручению, которое имело столь громадные последствия в дальнейшем,

может быть лучше всего передано его собственными словами: «Поскольку оно меня совершенно не устраивало, я доказывал свою полнейшую непригодность для этого дела, заявив, что я ненавижу ответственность и что на протяжении всей моей жизни неодушевленные вещи были для меня более приятны, чем люди, а идеи — чем одушевленные вещи. Таким образом обязанность, требовавшая иметь дело с людьми и использовать их для каких бы то ни было целей, была для меня вдвойне нежелательна. Я не был похож на военного человека и ненавидел военное дело, между тем как Сирдар запросил Лондон о присылке кадровых офицеров, достаточно компетентных для руководства войной в Аравии.

Клейтон ответил, что могут пройти месяцы, прежде чем они прибудут. Фейсал же должен быть связан с нами и теперь... Поэтому я обязан был ехать. Оставив на попечение других созданный мною «Арабский бюллетень», карты, которые я хотел составить, и перечень изменений, происшедших в турецкой армии, — все интересные работы, успешному выполнению которых помогала моя подготовка, я был вынужден взяться за то дело, к которому не имел ни малейшего призвания. Поскольку наше восстание преуспевало, заинтересованные в нем лица хвалили его руководство, однако за кулисами восстания имелись все недостатки, свойственные любительскому руководству, экспериментам и капризам».

Если в этих последних словах и звучит оттенок иронии, то в них во всяком случае нет той фальшивой скромности, которую иностранцы называют английским лицемерием и которой англичанин пытается скрыть от себя самого свои мысли, преуспевая в этом тем больше, чем меньше в нем развито чувство юмора.

В начале декабря Лоуренс снова высадился в Янбо, где к этому времени англичане организовали базу для Фейсала. В Янбо имелось также ядро регулярных войск арабов, находившихся в процессе формирования, и английский инструктор из египетской армии — капитан Гарланд, специалист по части подрывания динамитом. Лоуренс вскоре сделался одним из его самых способных учеников. К югу от Рабуга имелось еще несколько английских офицеров, которые прибыли с 300 солдат египетской армии и авиационным отрядом. Эти офицеры также помогали подготовке нескольких сотен специально отобранных арабов, являвшихся еще од-

ним пополнением для новой регулярной армии шерифа. Сколько их было, никто точно не знал.

Лоуренс отправился в глубь страны. В пути перед ним неожиданно открылись сотни лагерных огней. Он услышал «рев тысяч встревоженных верблюдов» и увидел другие признаки смятения и тревоги. Оказалось, что это был только что прибывший сюда отряд Фейсала. Последний сам объяснил случившееся: отряд турок проскользнул через заставы арабов и отрезал их, затем спустился к Бир-Саиду, где внезапным набегом привел в беспорядочное бегство главные силы Зеида. Сам Фейсал, оставивший Зеида в охранении, пытался призвать к оружию еще одно племя, но, услышав о несчастьи, бросился со своими 5 000 арабов обратно, чтобы преградить дорогу на Янбо.

Ночью в лагере царило паническое настроение. Но, к счастью для восставших, турки не попытались использовать свой успех и не продолжали наступления. Фейсал решил до рассвета отойти на другую позицию, отчасти для того чтобы создать перелом в настроении своих войск, отчасти же по тактическим соображениям. Последующие два дня Лоуренс провел с Фейсалом и ознакомился с методами командования Фейсала, которые еще более усилили в нем восхищение вождем, умевшим сдерживать столь изменчивые и вместе с тем беспомощные силы.

«Сражаясь для того, чтобы поднять упавший дух, Фейсал достигал этого, заражая своей бодростью каждого, кто был возле него. Он был доступен для всех, кто находился за пределами его шатра... и он никогда не отклонял просьб, даже когда арабы толпой приходили к нему излагать свое горе, изливая его в длинных песнях, которые они пели вокруг нас в темноте... Исключительное терпение Фейсала было для меня еще одним уроком того, что значит в Аравии быть вождем. Столь же удивительным казалось и его самообладание».

Когда Лоуренс увидел, что прибыли шейхи племен, беззаботность которых была главной причиной отступления, он боялся «сцены» и вспомнил о значении имени Фейсала — «сверкающий меч при ударе». Фейсал же ободрил их, «слегка побранив то за одно, то за другое». «Я никогда не видел, чтобы араб ушел от него неудовлетворенным или обиженным, что доказывало его такт и память, так как он, повидимому, никогда не забывал какого-либо факта и не ошибался в родстве».

Лоуренс так рисует картину лагерной жизни арабов. Пе-

ред рассветом имам отряда пронзительным голосом призывал правоверных на молитву. Как только он заканчивал свой призыв, из шатра Фейсала — обычной палатки в виде колокола, с походной кроватью, ковром и старым белуджистанским молитвенным ковриком — начинал свой мягкий мелодичный призыв имам Фейсала. Примерно через час отдергивалась занавеска шатра Фейсала, что означало, что в шатер открыт доступ. После сообщения утренних новостей подавался завтрак. Он состоял из фиников, иногда с несколькими лепешками или хлебцами. Затем Фейсал диктовал своим двум секретарям; работа заканчивалась питьем попеременно горького кофе и сладкого чая. Около 8 часов Фейсал пристегивал свой парадный кинжал и шел в приемный шатер, где садился на землю против входа. Его свита располагалась за ним полукругом. Просители ожидали своей очереди у шатра.

Аудиенция обычно заканчивалась в полдень; тогда родные и приглашенные собирались в шатре в ожидании уставленного многими блюдами подноса с завтраком.

Однако сам Фейсал не любил много есть, но зато беспрестанно курил и нередко слишком рано для любителей хорошо покушать подавал знак рукой, чтобы убрали поднос. После второго завтрака начинался разговор за кофе и сладким, как сироп, зеленым чаем, а затем, после часового отдыха в своем шатре, Фейсал возобновлял прием. Если позволяло время, он совершал прогулку. В начале седьмого часа появлялся поднос с ужином. За ним возобновлялся разговор, читались арабские стихи, а иногда игралась партия в шахматы, во время которой подавался чай, пока, наконец, очень поздно Фейсал не ложился спать.

Фейсал предложил Лоуренсу во время пребывания в лагере носить одежду арабов, так как у последних форма цвета хаки была связана с представлением о турецких офицерах. В одеянии же араба Лоуренс не только обращал бы на себя меньше внимания, но и соплеменники Фейсала начали бы принимать его за одного из своих вождей. Получив согласие Лоуренса, Фейсал подарил ему великолепную одежду из белого шелка с золотыми украшениями, присланную ему недавно из Мекки.

Именно после этого посещения Фейсала Лоуренс и представил свой доклад о силах арабов, предвещавший его будущую стратегию. «В массе они не страшны, поскольку общественный дух, дисциплина и взаимное доверие у них отсутствуют. Взятые же в отдельности, они хороши; я сказал

бы, что чем меньше часть, тем лучше оказываются результаты. Толпа в тысячу арабов не будет в состоянии что-либо сделать с вчетверо меньшим числом регулярных войск, но три-четыре араба в их долинах или холмах сумеют справиться с дюжиной турецких солдат. Когда арабы сидят без дела, они начинают нервничать и думать о том, как бы вернуться домой. Но когда у них есть дело и они разъезжают небольшими отрядами, нападая на турок, то в одном, то в другом месте, всегда отступая при их приближении, тогда они действительно достигают своей максимальной боеспособности, вызывают в рядах противника не только беспокойство, но и замешательство».

Пребывание Лоуренса в лагере Фейсала было непродолжительным, так как требовалось посмотреть, как продвигались работы по укреплению Янбо. Фейсал следовал за ним по пятам. Однако вскоре после отъезда Лоуренса турки снова произвели нападение, причем воины племени джухэйна, находившиеся на левом фланге армии Фейсала, неожиданно ускакали с поля сражения. Впоследствии они оправдывались тем, что, устав и страдая от жажды, они бросились обратно в лагерь, чтобы приготовить себе чашку кофе... Таким образом несомненно, что у арабов война носила несколько оперетточный характер. Неожиданное исчезновение джухэйна заставило Фейсала поспешно отступить к Янбо. Лоуренс телеграфировал о присылке морских сил, но возникал вопрос, сумеет ли помощь подоспеть во-время. «Повидимому, наша война вступила в последнюю фазу», — записал у себя Лоуренс, тем не менее он не упустил случая сделать с парапета ворот Медины «прекрасный снимок» бегущей армии Фейсала.

При наличии соответствующего вооружения Янбо можно было бы прекрасно защищать. Будучи построен на коралловом рифе, возвышавшемся футов на двадцать над уровнем воды, этот маленький городок был наполовину окружен морем, подходы же с суши проходили по ровному песчаному пространству, по которому можно было открыть убийственный пулеметный огонь с городских стен и орудийный огонь с кораблей. Последние своим быстрым приходом внесли известное успокоение. Капитан Бойль сосредоточил пять кораблей в течение 24 часов, причем один из них, мелко сидящий монитор «М-31», он направил в конец юго-восточной бухты, где последний и стал поперек предполагаемого пути приближения турок, господствуя над ним своими шестидюймовыми орудиями. С наступлением темноты

лучи его прожектора затопили светом все подступы к городу.

К вечеру создалась напряженная атмосфера. Часов около одиннадцати, когда турецкая разведка натолкнулась на передовое охранение, была поднята тревога. «Лучи прожекторов всех кораблей были направлены на равнину. Однако больше ничего не произошло... Впоследствии мы узнали, что мужество покинуло турок при царившей тишине и при виде ярко освещенных кораблей с фантастическими лучами их прожекторов, обнаружившими голый скат, который предстояло туркам перейти. Они не выдержали и повернули обратно... Я считаю, что в эту ночь они проиграли войну».

Так, конечно, могло казаться только людям, находившимся в этот критический момент в Янбо. Фейсал еще в октябре предлагал начать наступление вдоль побережья для захвата Вэджа, находившегося на расстоянии 315 *км* к северу от Янбо. Он предполагал создать там новую базу, опираясь на которую, можно было бы приступить к операциям против Геджасской железной дороги и угрожать жизненной артерии гарнизона Медины. Проект был отложен, а перспектива осуществления его в дальнейшем была подорвана отступлениями арабов в декабре. Силы, находившиеся в распоряжении шерифа, были отведены назад для обороны и с трудом держались у Янбо и Рабуга. Только личное влияние Фейсала над племенами объединяло их. Если бы Фейсал уехал, то это обстоятельство могло бы легко привести к падению обоих городов, так как ни Али, ни Зеид не имели такого личного авторитета, каким пользовался он.

Вильсон по пути в Египет прибыл в Янбо и настаивал перед Фейсалом на необходимости наступления на Вэдж. Он обещал, что флот поддержит это наступление, а наряду с этим будет оборонять Рабуг до момента захвата арабами Вэджа. Фейсал все же колебался, боясь риска. Выходом из положения оказалось новое предложение, обещавшее отвлечь внимание турок от южного побережья на время продвижения Фейсала к северу. Предложение исходило от Лоуренса и было дополнено Фейсалом при выборе наилучшего пути.

Согласно этому предложению, Абдулла, продвинувшийся в декабре с отрядом в 4 000—5 000 иррегулярных войск от Мекки к Медине, должен был достигнуть расположенной примерно в 80 *км* к северу от Медины хорошо орошаемой долины Вади-Аис. Отсюда он мог не только создать непосредственную угрозу самой железной дороге, но и перехватывать караваны, доставлявшие припасы из Централь-

ной Аравии в Медину. К тому же турки, продвигавшиеся к Рабугу, шли очень медленно ввиду нападений на их тыл арабов; поэтому было мало вероятным, что они не будут реагировать на эту более серьезную угрозу их жизненно необходимой линии сообщения.

План был принят и проведен в жизнь с исключительной быстротой. 2 января Лоуренс для приобретения опыта в выполнении набегов и маскировки выхода из Янбо произвел предварительную операцию. С отрядом из 35 арабов на верблюдах он отправился в юго-западном направлении к долине, расположенной близ турецких линий сообщения, взобрался на обрывистый горный хребет и открыл огонь по палаткам турецкого поста. Вызвав своим неожиданным нападением полнейшую панику, отряд вернулся в Янбо, привезя с собой двух встретившихся им по дороге турок.

Утром 3 января арабская армия произвела другую предварительную операцию, направившись к группе колодцев, находившихся в 25 *км* от Янбо. Здесь они могли прикрывать Янбо, несколько приблизившись к Вэджу, и ожидать ответа Абдуллы. Для простоты организации Фейсал отобрал для экспедиции главным образом арабов племени джухэйна, на территории которых он в данное время действовал, но добавил к ним арабов племени харб, атэйба и билли, на чьей земле был расположен Вэдж, чтобы придать всей операции «характер движения многих племен». Он захватил с собой также свою личную охрану, состоявшую из 120 прекрасных всадников на верблюдах, которые первоначально были отобраны из крестьян оазисов Центральной Аравии для службы в турецкой армии, но когда началось восстание, целиком перешли на сторону Фейсала.

Лоуренс сопровождал Фейсала. Когда был дан сигнал к выступлению, Фейсал и его телохранители сели на верблюдов, в то время как остальные участники похода стояли с обеих сторон дороги у лежавших на земле верблюдов, ожидая его проезда. По мере того как Фейсал продвигался мимо каждого из них, они молчаливо его приветствовали, на что он отвечал «мир вам». Как только вся колонна построилась и тронулась, загремели барабаны, и все запели песню в честь Фейсала и его семьи. Слева от него ехал Лоуренс, справа — шериф, а непосредственно за ними — три знаменосца с темнокрасными знаменами из выцветшего шелка на позолоченных пиках. Казалось, что двигается река верблюдов, так как они заполняли Вади до самых гор, растянувшись по долине на полкилометра.

Однако вскоре Лоуренс возвратился в Янбо, чтобы согласовать подробности наступления на Вэдж с морским командованием. На случай внезапного набега турок он перебросил накопленные припасы на «Хардиндж». На этот корабль были погружены тысячи винтовок, боеприпасы, продовольствие и прочие запасы.

Тем временем Али под давлением Вильсона и шерифа продвинулся на 60 *км* от Рабуга, а английские самолеты производили бомбардировку расположения турецких войск. Это привлекло к себе большое внимание Фахри и тем позволило Али производить набеги почти до Медины. Последний до того осмелел, что протелеграфировал о своем намерении «занять позиции для осады Медины». Он действительно приблизился еще на несколько километров, но налет турецкой авиации на его собственный лагерь вызвал новое отступление. Однако к этому времени Фейсал уже занял Вэдж.

Абдулла со своей стороны, как и было намечено, продолжал продвигаться к северу. Это привело к тому, что бедуины снова вступили в борьбу, захватили врасплох и уничтожили батальон турок, расположенный к югу от Медины. 13 января сам Абдулла атаковал и захватил в плен турецкий транспорт с золотом, причем почти половина бедуинов скрылась со своей добычей. 19 января Абдулла благополучно обосновался в Вади-Аис.

Лишь только Фейсал узнал, что Абдулла начал наступление, он стал постепенно пробираться за прибрежными холмами и оказался почти на полдороге до Вэджа. Лоуренс с Бойлем отправился туда морем. Через день после их прибытия к ним присоединился майор английской артиллерии Виккери, который оказался предшественником вновь сформированной под начальством Ньюкомба английской военной миссии.

Виккери благодаря его многолетней службе в Судане превосходно знал арабский язык и был знатоком своего дела. От других кадровых офицеров он отличался тем, что был свободен от условностей как в отношении своего внешнего вида, так и в отношении своих взглядов. Однако он, так же как и другие представители этого типа, был склонен помнить о своей кастовой принадлежности и перед лицом некадровых офицеров надевал на себя маску условности. Его личные взгляды встретили отпор со стороны Лоуренса и в особенности разговор о том, что «арабская армия через год будет стучаться у ворот Дамаска». Торжествующий вид Лоуренса раздражал Виккери. С другой стороны, Лоу-

ренс был оскорблен нелепостью ношения Виккери головного убора арабов поверх английского шлема. Однажды старый арабский гид увидел ехавшего перед ним Виккери и, будучи поражен размерами его головного убора, внезапно воскликнул: «Машалла — бычья голова...» Это страшно рассмешило Лоуренса. Таким образом между двумя этими людьми, каждый из которых был в своем роде исключительным, возникли ненужные трения.

Начались приготовления армии Фейсала к наступлению на Вэдж. Численность отряда превышала 10 000 человек, из которых 5 100 были на верблюдах, а 5 300 пешими. 50 арабов, которых с гордостью называли кавалерией, были верхом на мулах, оказавшихся настолько полезными, что Лоуренс протелеграфировал в Египет о доставке еще пятидесяти. Для огневой поддержки отряд получил 10 пулеметов и батарею из четырех крупповских горных орудий, на этот раз уже с артиллеристами-арабами, так как было установлено, что если они обслуживались египтянами, арабы оставляли орудия и уходили. Другая выгода передачи артиллерии арабам заключалась в том, что вместо 360 верблюдов, требовавшихся египтянам для перевозки боеприпасов, арабам для того же количества требовалось лишь восемьдесят.

Хотя осуществить столь большое снижение перевозочных средств оказалось возможным лишь благодаря помощи флота как плавучей базы, все же факт относительной независимости арабских отрядов от транспорта по сравнению с любой частью регулярных войск являлся весьма приятным. Возможность передвижения налегке была теперь залогом успеха, так как часть страны, которую предстояло пройти, была бесплодна и безводна, а Фейсал брал с собой большое число пеших воинов для создания впечатления о силе шерифа и единении арабов.

Последняя вода перед Вэдж находилась на расстоянии 90 *км* от их цели. Было решено, что армия разделится на отряды, которые будут самостоятельно продвигаться к Абу-Зарейбат, где имелась вода.

Само наступление на Вэдж намечалось поддержать огнем судовой артиллерии, корректируемым с самолетов. Отряд в 500 арабов 23 января на рассвете должен был высадиться вместе с моряками на неохраняемом правом фланге Вэджа. Предполагалось, что к этому времени всадники на верблюдах сумеют запереть все проходы для неприятеля в глубь страны. Командование десантным отрядом взял на себя Виккери.

В полдень 18-го все приготовления были закончены, и армия Фейсала готовилась начать переход по неизвестной бесплодной пустыне, откуда она надеялась выбраться, только соединившись с флотом у отдаленной цели. Радио принесло им известия с театра военных действий, который они покидали, что Янбо и Рабуг в безопасности.

«После второго завтрака шатер был убран. Мы пошли к нашим верблюдам; они лежали на земле в кругу, оседланные и навьюченные. Около каждого из них стоял раб, держа верблюда под уздцы. Литаврщик пробил семь или восемь раз, делая перерыв после каждого раза. Мы смотрели на Фейсала. Он поднялся с ковра, взялся за переднюю часть седла, уперся коленями в седло и громко сказал: «Да поможет вам бог!». Раб отпустил верблюда, который сейчас же встал на ноги. Фейсал перекинул другую ногу через седло, поправил под собой свое одеяние и уселся. Когда его верблюд тронулся, мы вскочили на наших, и все поднялись одновременно».

Согласно приказу, арабы племени аджейн заняли места на обоих флангах. Раздалась дробь барабанов, и певец-поэт, находившийся на правом фланге, запел песню о Фейсале и о тех удовольствиях, которые он доставит им в Вэдже. Правый фланг подхватил припев. Немного спустя певец с левого фланга ответил подобной же песней экспромтом, после чего весь отряд телохранителей затянул свою походную песню.

Не успела песня замолкнуть, как появились два одиноких всадника, это были эмир Джухэйна и Ньюкомб. Услышав о выступлении, они пустились галопом догонять отряд. Ньюкомб был вне себя от радости, что успел прибыть во-время, и привез с собой установку, полностью совпадавшую со взглядами Фейсала и Лоуренса.

Его прибытие, которое так легко могло оказаться причиной раздора, поскольку он был старшим в чине, в действительности лишь способствовало согласию, а наряду с этим усилению активности. Ньюкомб был одним из тех редких людей, которые, возвышаясь над массой, без колебания признают превосходство другого и остаются свободными от зависти, испытываемой в подобных случаях другими. Продолжительное пребывание в пустыне помогло Ньюкомбу установить правильный взгляд на создавшееся положение. Он судил о людях не по их чину, а по тому, что они собой представляли на деле.

Поскольку Ньюкомб убедился в способностях Лоуренса,

его единственным стремлением было дать полную возможность им проявиться. Когда он присоединился к экспедиции, то спросил Лоуренса: «Чем я могу быть полезен?» — добавив при этом, что «старшинство в чине не играет никакой роли».

Одним из первых советов, которые он получил от Лоуренса, был совет о том, как носить одежду арабов. Лоуренс заметил, что «если бы несколько «таких арабов» отправилось в арабском одеянии, то мальчишки, вероятно, забросали бы их камнями». Ньюкомб понял, в чем дело, и с тех пор до конца своего пребывания в армии Фейсала одевался, как араб.

На второй день из-за сильного дождя поход задержался до полудня, но к вечеру, когда отряд достиг египетской дороги паломников — широкого, хорошо протоптанного пути, проходившего у берега, — он пошел быстрее. Много задержек происходило из-за нехватки воды в дороге и отсутствия у арабов правильного учета времени. Например, у первобытного племени джухэйна не существовало единицы времени меньше дня или расстояния длиннее перегона или меньше шага — величин, самих по себе изменявшихся в зависимости от настроения всадника и состояния его верблюда; они не могли представить себе чисел больше десятка. Подобные условия, несомненно, весьма осложняли штабную работу.

В результате, когда достигли, наконец, ложбины шириной около 26 *км,* которая была руслом высохшей реки, отряд запаздывал на два дня против намеченного срока. По пути следования к отряду присоединился молодой и отважный шериф Назир из Медины, сдерживавший несколько недель назад своим отрядом вылазку турок из Вэджа. Много арабов пришло также из племени билли, чтобы присоединиться к наступавшей армии. Ньюкомб решил поехать вперед на быстром верблюде, чтобы подготовить вторичную отправку за водой и по возможности добиться отсрочки атаки Вэджа с моря.

Лоуренс, приближаясь на следующий день с армией, услышал отдаленную стрельбу, заставившую его предполагать, что флот устал ожидать прибытия арабов и начал действовать самостоятельно. Когда, наконец, в полдень 24-го достигли Хаббана, то оказалось, что «Хардиндж» вернулся и его шлюпки были заняты перевозкой баков с водой. Стало известно также, что Вэдж уже был атакован, хотя «Хардиндж» отошел еще до конца боя. Губерна-

тор Вэджа произнес перед гарнизоном зажигательную речь о необходимости защищаться до последнего солдата, но, услышав, что Фейсал достиг Абу-Зарейбата, бежал ночью с несколькими всадниками на верблюдах по направлению к Геджасской железной дороге. Остались сражаться лишь 200 человек турецкой пехоты, но с ними быстро расправились пулеметным огнем с кораблей, и таким образом высадившийся десант захватил город без особой трудности. Спастись бегством успела лишь треть гарнизона.

Известие об этом и перспектива добычи настолько возбудили арабов, что они начали продвигаться в северном направлении даже по ночам. В Хаббане лишь незначительная часть людей смогла утолить жажду из баков, доставленных «Хардинджем», так как в первую очередь требовалось напоить животных. Фактически последний переход около 80 *км* люди сделали без пищи и имея лишь полгаллона[1] воды. Но теперь уже никакие физические страдания не могли остановить их стремления двигаться вперед. С рассветом Фейсал и его помощники собрали свои части для окончательного наступления и атаки, так как имелись предположения, что гарнизон еще держится. Отдельные его части, пытавшиеся спастись бегством, вскоре были встречены и сдались, лишь один отряд пытался оказать сопротивление. Арабы достигли последнего рубежа без единого выстрела. Городок уже находился во власти десантного отряда арабов, потерявшего во время боя около 20 человек убитыми. С точки зрения европейцев можно было считать, что победа досталась дешево, но Лоуренса это известие весьма огорчило. Для того чтобы у арабов не остывало желание продолжать войну, нужны были бескровные победы.

Тем не менее взятие Вэджа оказалось поворотом к лучшему, так как с этого момента отпала опасность угрозы Мекке и, наоборот, появилась новая опасность для турок в Медине. Правда, она была еще довольно отдаленной, так как Вэдж отстоял от железной дороги на расстоянии около 250 *км*, но победа все же имела и практическое значение. Теперь инициатива определенно перешла к арабам. Английская авиация и шпионы-арабы доносили об общем отливе турецких войск по направлению к Медине. Зеид нашел в себе смелость продвигаться вперед и нашел дефиле покинутыми. Большая часть турецких сил, находившихся в Геджасе, понемногу стягивалась к линии железной дороги

[1] Мера жидкости в Англии, равная 4,54 *л*. — *Ред.*

для ее охраны. В Тебуке, железнодорожной станции, имевшей большое значение и находившейся в 525 *км* к северу от Медины, был сформирован отряд численностью около 5 000 человек, получивший название 2-го смешанного отряда. Другой отряд, названный 1-м смешанным отрядом, был сформирован в Ма'ане из батальонов 7-й турецкой дивизии, переброшенной туда из Сирии. Этот отряд, первоначально состоявший из 3 000 человек, в дальнейшем возрос до 7 000 человек. Каждая оттянутая к северу часть усиливала преимущество арабов, увеличивая число сторонников шерифа, в то время как возможности турок ответить на удар ударом все уменьшались. Кроме того, турецкие части уже не могли быть в дальнейшем сосредоточены, так как их пришлось раздробить по целому ряду железнодорожных станций, расположив в окруженных колючей проволокой блокгаузах.

Таковы были результаты клина, врезавшегося на фланге чрезвычайно важной для турок железнодорожной зоны. Арабы стали теперь действовать по уязвимой части железнодорожной магистрали. Почти бескровное наступление на Вэдж имело то громадное значение, что превратило находившихся в Медине турок в положение осаждаемого гарнизона.

Взаимоотношения между арабами и английской военной миссией продолжали оставаться весьма неопределенными; одно время все дело «висело на волоске». Добиться улучшения и расширения перспектив удалось лишь благодаря удивительному такту Фейсала, умению обращаться с арабами, проявленному несколькими английскими офицерами, а также постепенно возраставшему влиянию Лоуренса.

После захвата Вэджа возник целый ряд неприятных инцидентов, в связи с чем создалась зловещая атмосфера. Вожди арабов быстро заподозрили чужое вмешательство, и все время чувствовали присутствие неверных. Многие из вождей вели себя таким образом, как если бы английские офицеры были их слугами. Когда об этом был заявлен протест Назиру, он ответил: «Не забывайте, что еще месяц назад в этой стране не бывало ни одного европейца; если бы он нам встретился, мы застрелили бы его. Вы должны нам дать время привыкнуть к этому». В другой раз, когда Ньюкомб стал задавать вопросы посланцу из Джурфа, араб презрительно ответил, что он приехал сюда повидать Фейсала, а не кого-либо другого.

Когда подобные случаи презрительного отношения стали

известны Фейсалу, он собрал своих вождей и заявил им прямо, что английские офицеры заслуживают уважения и должны рассматриваться как свои. В результате обращение с английскими офицерами улучшилось — их стали терпеть и даже в некоторых случаях ценить.

В то время Лоуренс держался в тени как на происходивших в палатке совещаниях, так и вообще. Хотя он уже и пользовался доверием Фейсала, но настолько хорошо это скрывал, что многие из приходивших в палатку Фейсала арабов или вовсе не замечали его присутствия, или не обращали на него внимания. Для некоторых из его соотечественников, воспитанных на традициях превосходства англичан и чувства собственного достоинства, безразличие Лоуренса к оскорбительному пренебрежению, от которого у них закипало негодование, было источником недоумения. Пораженные полнейшим спокойствием Лоуренса в те моменты, когда рабы подметали или плевались в его присутствии [1], они были склонны приписать эту способность смирения его воспитанию и прошлым скитаниям среди арабов.

В памяти одного из наиболее проницательных людей запечатлелось представление о Лоуренсе как о человеке, «сидящем безмолвно, не отдающем никаких распоряжений, но пользующемся своим влиянием, наблюдающем за всем происходящим и обдумывающем свои планы».

Когда операции передвинулись на север, метод Лоуренса изменился. Он стал больше выделяться,— не только потому, что его собственный престиж возрос, но и потому, что никто из шерифов не приобрел того авторитета, какой приобрели он и Фейсал в Геджасе.

Использовав свой первоначальный опыт, Лоуренс разработал теорию искусства обращения с арабами, которую он изложил в письменной форме в «Двадцати семи статьях» в качестве не подлежащего оглашению руководства для вновь прибывающих офицеров британской армии, которые пожелали бы воспользоваться этим опытом.

---

[1] По словам Лоуренса, удивление офицеров лишь показывало, «...что они знали больше об обычаях Египта, чем Аравии. Раб вел себя передо мной так же, как в присутствии своего хозяина. Арабские транды обычно играют со своими рабами. Я был рад, что меня принимают за своего».

Рабы арабов являются привилегированными людьми и занимают следующее за детьми место. Например, раб может есть вместе со своим хозяином, что обычно и делает, слуга же никогда. Раб может спать со своим хозяином, а слуга должен спать за дверью. Раб может назвать своего хозяина по имени, а слуга не может».

Это руководство заслуживает того, чтобы быть приведенным вкратце.

«ДВАДЦАТЬ СЕМЬ СТАТЕЙ»

Умение обходиться с геджасскими арабами представляет собой искусство, а не науку; оно имеет исключения, но не имеет каких-либо определенных правил...

1. Загладить плохое начало трудно, а между тем арабы составляют мнение по наружному виду, на который мы не обращаем внимания. Когда вы достигли внутреннего круга племени, вы можете делать с собой и с ними все, что угодно.

2. Узнавайте все, что только можете, о ваших шерифах. Старайтесь узнать их семьи, кланы и племена, друзей и врагов, колодцы, холмы и дороги. Достигайте всего этого слушанием и косвенным наведением справок. Не задавайте вопросов. Заставляйте говорить на арабском языке их, а не себя. Пока вы не сможете понимать их намеков, избегайте пускаться в продолжительные разговоры, так как иначе это может кончиться плохо...

3. В деловых вопросах ведите переговоры только с командующим армией или той частью, в которой вы служите. Никогда никому не отдавайте приказаний; сохраняйте вашу прямоту и советы для командующего офицера, как бы ни был велик соблазн (хотя бы и для пользы дела) связаться непосредственно с его подчиненными.

4. Добейтесь доверия вашего вождя и удерживайте это доверие. Укрепляйте, если можете, престиж вождя перед другими за свой счет. Никогда не отказывайтесь и не разбивайте тех планов, которые он может предложить; старайтесь достигнуть того, чтобы он ставил вас в известность о них частным порядком и в первую очередь. Всегда одобряйте их, а похвалив, изменяйте их мало-помалу, заставляя самого вождя вносить предложения до тех пор, пока они не будут совпадать с вашим собственным мнением. Когда вам удастся этого достигнуть, заставьте его держаться этого взгляда, овладейте полностью его мыслями и толкайте его вперед как можно сильнее, но скрытно, так, чтобы никто, кроме него самого (и то лишь очень смутно), не чувствовал вашего воздействия.

5. Постоянно поддерживайте близость с вашим вождем, стараясь в то же время не быть навязчивым. Живите с ним, чтобы во время еды и приемов вы, естественно, могли быть возле него в его палатке. Формальные визиты, для того

чтобы дать совет, не столь хороши, как непрерывное внушение тех или иных идей при случайном разговоре. Когда впервые в палатку приходят незнакомые шейхи, чтобы поклясться в своей верности и предложить свои услуги, покиньте палатку. Если у них создастся первое впечатление, что иностранцы пользуются доверием шерифа, это сильно повредит делу арабов.

6. Избегайте слишком близких отношений с подчиненными. Постоянные разговоры с ними сделают невозможным для вас скрыть тот факт, что офицер-араб, давший те или иные инструкции, сделал это по вашему совету; выдав тем самым слабость его положения, вы совсем испортите себе все дело.

7. Держите себя с помощниками вождя вашего отряда естественно и непринужденно. Этим вы поставите себя над ними. Оказывайте их вождю, если он шериф, уважение. Он будет возвращать его вам, и таким образом он и вы окажетесь равными и будете возвышаться над остальными. Арабы очень считаются с превосходством, и вы должны его достигнуть.

8. Для вас будет наиболее выгодным то положение, когда вы, присутствуя, остаетесь незамеченным. Не будьте слишком искренни и слишком настойчивы; старайтесь не бросаться в глаза. Желательно, чтобы вас не встречали очень часто с каким-либо одним шейхом. Для того чтобы иметь возможность выполнять свою работу, вы должны быть выше всяких подозрений, так как вы потеряете свой престиж, если будут думать, что у вас имеется какая-то связь с племенем или кланом и его неизбежными врагами...

9. Восхваляйте и всячески поддерживайте создавшееся среди арабов представление о том, что шерифы являются природной аристократией. Существующая между племенами зависть делает невозможным для любого шейха достичь господствующего положения, а потому единственная надежда на образование союза в Аравии состоит в том, чтобы шерифы были повсеместно признаны в качестве правящего класса. Уважение арабов к родословной и их благоговение перед пророком позволяют надеяться на конечный успех шерифов.

10. Называйте вашего шерифа «сиди» при всех и наедине. Называйте других их обычными именами без титула.

11. Иностранец и христианин не пользуются популярностью в Аравии... Действуйте повсюду именем шерифа, вся-

чески скрывая свое собственное участие. Если вы добьетесь успеха, вы получите власть над территорией в несколько сот километров с тысячами людей, а ради этого стоит поступиться самолюбием.

12. Никогда не теряйте чувства юмора: оно может пригодиться вам ежедневно. Больше всего подойдет непосредственная ирония, умение же дать остроумный ответ без излишней веселости удвоит ваше влияние среди вождей... Не допускайте шутки над шерифом, если остальные присутствующие не являются шерифами.

13. Никогда не бейте араба: этим вы унизите себя. Вы можете подумать, что явившееся результатом этого явное усиление внешнего проявления к вам признаков уважения улучшит ваше положение, на самом деле вы лишь воздвигнете стену между вами и их внутренними кругами. Конечно, трудно оставаться спокойным, когда все делается не так, как следует, но чем больше вы сохраните хладнокровия, тем больше вы выиграете, а кроме того, сбережете себя от возможности сойти с ума.

14. Хотя бедуина трудно заставить что-либо делать, им легко руководить, если только у вас хватит терпения. Чем будет менее заметно ваше вмешательство, тем больше будет ваше влияние. Бедуины с охотой будут следовать вашему совету... но они не предполагают, что вы или кто-либо другой об этом знает. Лишь после того как окончатся все неприятности, вы откроете в них наличие доброй воли.

15. Не пытайтесь делать слишком много лично. Пусть лучше арабы сделают что-либо сносно, но зато сами. Это их война, и вы должны им лишь помогать, а не выигрывать для них войну. Кроме того, в действительности, принимая во внимание совершенно особые условия Аравии, ваша практическая работа не будет столь хороша, как вы, пожалуй, воображаете.

16. Если можете, то, не впадая в расточительность, делайте подарки. Хорошо сделанный подарок весьма часто является наиболее верным средством для того, чтобы привлечь на свою сторону самого подозрительного шейха. Никогда не принимайте подарка без того, чтобы щедро не вознаградить за это... не допускайте, чтобы они стали у вас выпрашивать, так как иначе их жадность заставит их смотреть на вас только как на дойную корову.

17. Если вы находитесь вместе с племенем, носите головное покрывало. Бедуины относятся с предубеждением

к фуражке и считают, что наша настойчивость в ношении ее вызывается... каким-то безнравственным и противорелигиозным принципом. Если вы будете носить фуражку, ваши новые друзья-арабы будут стыдиться вас при других.

18. Маскировка не рекомендуется... В то же время, если вы, находясь среди племен, сумеете носить арабское одеяние, вы приобретете у них такое доверие и дружбу, какие в военной форме вам никогда не удастся приобрести. Однако это и трудно, и опасно. Поскольку вы одеваетесь, как они, арабы не будут делать для вас никаких исключений. Вы будете себя чувствовать, как актер в чужом театре, играя свою роль днем и ночью в течение ряда месяцев, не зная отдыха и с большим риском. Полный успех, которого можно достигнуть лишь тогда, когда арабы забудут, что вы иностранец, и будут в вашем присутствии говорить откровенно, считая вас за одного из своих, может быть достигнут лишь особенной личностью. Частичного же успеха (того, к которому большинство из нас стремится, так как полный успех достается слишком дорогой ценой) добиться легче и в английской форме. К тому же, поскольку вы не лишаетесь связанного с ней комфорта, вас хватит на более долгое время. Далее, если вы будете пойманы, то турки вас не повесят.

19. Если вы будете носить арабское одеяние, носите его получше. Одежда имеет большое значение у племен; вы должны носить соответствующее одеяние и чувствовать себя в нем совершенно свободно. Если они не возражают, одевайтесь, как шериф.

20. Если вы решитесь на маскировку, то вы должны выполнять ее полностью. Забудьте ваших английских друзей и английские обычаи и усвойте целиком все привычки арабов. Не исключено, что европеец, начав игру, сможет ее выиграть, так как мы имеем более сильные побуждения для наших действий и более отдаемся им, чем арабы. Если вы превзойдете их, это значит, что вам удалось сделать большой шаг на пути к полному успеху. Однако напряженная жизнь в чужой среде и необходимость думать на чужом, наполовину понятном языке, дикая пища, странные одеяния, при полной потере частной жизни и покоя, наряду с невозможностью ослабления внимания к окружающим, требуют такого добавочного напряжения в дополнение к обычным трудностям — обхождению с бедуинами, климату и туркам, что решение выбрать этот путь может быть сделано лишь после серьезного обсуждения.

21. Нередко вам придется участвовать в дискуссиях по вопросам религии. Говорите о ваших убеждениях что угодно, но избегайте критиковать их взгляды, пока вы не убедитесь, что вопрос касается обрядности. Среди бедуинов ислам является настолько распространенным учением, что у них религиозности так же мало, как мало религиозного пыла, и нет никакого уважения к обрядам. Однако, основываясь на их поведении, не думайте, что они небрежно относятся к религии. Убеждение в праведности их веры и ее роль в каждом их действии и поступках повседневной жизни настолько сокровенны и глубоки, что являются почти бессознательными, обнаруживая себя в случаях несогласия. Для них религия так же естественна, как сон или пища.

22. Не пытайтесь снискать себе уважение своими знаниями военного дела. Геджас спутал все понятия об обычной тактике. Постарайтесь изучить принципы ведения войны бедуинами как можно лучше и как можно скорее: пока вы с ними не ознакомитесь, ваши советы шерифу не принесут никакой пользы. Бесчисленное множество набегов племен научили их тому, что в некоторых вопросах тактики они знают больше нас. В знакомых для них условиях бедуины сражаются хорошо, но незнакомые явления могут вызвать панику. Сохраняйте ваш отряд небольшим... Чем менее обычны ваши действия, тем больше вероятия, что они поразят турок, так как инициатива у них отсутствует и они считают, что и у вас ее нет. Не основывайте ваших действий только на обеспечении безопасности.

23. Те явные причины, которые бедуины приведут в оправдание своего действия или, наоборот, бездействия, возможно и окажутся соответствующими истине, но для вас всегда останутся другие, тайные причины для разгадки; поэтому, прежде чем принять то или иное решение, вам придется вскрыть эти внутренние мотивы. Намек производит больший эффект, чем логическое разъяснение. Арабам не нравится краткое изложение мысли. Их ум работает так же, как и у нас, но с другими предпосылками. У арабов нет ничего безрассудного, непонятного, таинственного. Опыт, приобретенный пребыванием среди них, и знание их предрассудков позволят вам почти в каждом случае угадать их отношение и возможный метод действия.

24. Не смешивайте бедуинов с сирийцами или обученных людей с представителями племени... Арабы города и арабы пустыни смотрят одни на других, как на бедных родствен-

ников, а последние еще более нежелательны, чем бедные иностранцы.

25. Не следуйте примеру арабов и избегайте слишком свободных разговоров о женщинах. Это столь же трудный вопрос, как и религия. В этом отношении взгляды арабов настолько не похожи на наши, что безобидное с английской точки зрения замечание может показаться для них несдержанным, так же как и некоторые из их заявлений, переведенные буквально, смогут показаться несдержанными для нас.

26. Будьте так же внимательны к вашим слугам, как и к самим себе.

27. Весь секрет обхождения с арабами заключается в непрерывном их изучении. Будьте всегда настороже; никогда не говорите ненужных вещей, следите все время за собой и за вашими товарищами. Слушайте то, что происходит, доискивайтесь действительных причин. Изучайте характеры арабов, их вкусы и слабости и держите все, что вы обнаружите, при себе... Ваш успех будет пропорционален количеству затраченной вами на это умственной энергии.

ГЛАВА V

ВОССТАНИЕ РАЗРАСТАЕТСЯ

Взятие Вэджа открыло новые горизонты как в политическом, так и военном отношениях. Политические возможности достигнутого успеха обратили на себя внимание прежде всего благодаря мудрому совету Лоуренса. Он настойчиво подчеркивал, что, прежде чем начать дальнейшие военные действия, необходимо расширить политическую основу, которая позволит проведение дальнейших операций не только в более широком масштабе, но и с большей гарантией успеха. Политические последствия клина проявились почти немедленно и продолжали усиливаться. Во время наступления, предпринятого из Янбо, один старый вождь заметил: «На Вэдж движется не армия, а весь мир».

Большая часть племени билли не замедлила предложить свои услуги человеку, который с таким успехом утвердился на их территории. Это прибавление новых сил, хотя и недостаточно надежных, позволило Фейсалу отправить племя джухэйна в помощь Абдулле.

К северу от земель, принадлежавших племени билли, находилось племя бени-атайе, которое точно так же обещало верность и предоставило свободу продвижения по своей территории. Недалеко от них находились племена той огромной области, которой правил Нури Шаалан, эмир Руаля и глава великой конфедерации. Его благожелательный нейтралитет являлся существенным моментом для дальнейшего расширения операций, так как Нури Шаалану принадлежал контроль над Вади-Сирхан — цепью водоемов протяжением около 350 *км*. А поскольку Фейсал рассчитывал встретить активную поддержку со стороны Ауда — воинственного вождя Восточного Ховэйтата, для него было

весьма важно получить возможность свободного продвижения этим направлением. От помощи же Ауда зависел успех дальнейшего распространения восстания на Акаба и Ма'ан.

После захвата Вэджа все эти намерения вскоре обещали сбыться. Началось с того, что от Руаля прибыл весьма желанный подарок грузовых верблюдов, затем появились посланцы из Восточного Ховэйтата. Все возрастало число шейхов и добровольцев от других, менее значительных племен, прибывавших, чтобы засвидетельствовать свою верность. От них Фейсал потребовал клятвы кораном, что они будут «ждать, пока он ожидает; итти, когда он идет; никогда не повиноваться туркам; хорошо обходиться со всеми, кто говорит на арабском языке, и считать независимость превыше жизни, семьи или материальных выгод». Однако, несмотря на эти клятвы, смягчить наследственные распри и поддержать среди племен мир удалось главным образом благодаря влиянию самого Фейсала, его такту, терпению и беспристрастию. Английское золото, черпавшееся пригоршнями, также оказывало свое действие.

Другим важным успехом явилось присоединение Джафар-паши, который в последний раз сражался в Египте против англичан. Будучи захваченным в плен, он пытался совершить побег из крепости в Каире, но канат, который он сделал из одеяла, не выдержал тяжести его тела. Искалеченный падением, Джафар был снова схвачен и оштрафован в размере стоимости одеяла. Когда он услышал о расправе, которую учинил Джемаль-паша над его друзьями-арабами в Сирии, он добровольно вызвался пойти на помощь к шерифу и получил командование новыми регулярными частями арабов, находившимися в процессе формирования.

Наконец, спустя несколько недель появился и сам Ауда — величественный, сухой, с наружностью подлинного воина.

Говорят, что за 30 лет непрестанных войн он умертвил собственной рукой 75 человек помимо турок, которых он не потрудился посчитать. Он был 13 раз ранен и 28 раз женат. Он производил впечатление дремлющего вулкана и был прекрасным компаньоном, пока не переставал улыбаться или не начинал рассказывать поразительные истории о частной жизни каждого, включая самого себя. День его прибытия останется в памяти, так как для восстания арабов этот факт имел большое значение. Однако Ауда нарушил торжественность момента следующим забавным поступком:

внезапно выбежав из палатки, он разломал на куски свои вставные зубы и вскричал: «Я совсем забыл. Ведь мне дал их Джемаль-паша. Я ел хлеб моего господа турецкими зубами».

К тому времени, когда Ауда присоединился к арабам, все больше стало возрастать военное значение взятия Вэджа, которое проявилось в ряде согласованных набегов на Геджасскую железную дорогу с целью воспрепятствовать доставке припасов и тем самым ослабить турок в Медине. Теперь, при наличии английских офицеров со смелой инициативой и знанием дела, имевших в своем распоряжении обильные запасы взрывчатых веществ, эти набеги приводили к гораздо более серьезным разрушениям железнодорожного полотна, чем это было в прошлом, когда арабы просто разбирали рельсы, которые через несколько часов вновь укладывались турками. Теперь поезда в Медину уже не могли ходить регулярно через день.

Вся железнодорожная линия между Ма'аном и Мединой общим протяжением около 850 *км* была разделена на три почти равных участка. К востоку от Медайн-Салих проходил караванный путь в Центральную Аравию. К югу от последнего находился Эль-Ала, откуда шел другой караванный путь к побережью Красного моря у Вэджа, на расстоянии 220 *км*. Но так как оба эти весьма важных пункта были хорошо укреплены, первоначальные набеги совершались в промежутках между ними.

Первый тяжелый удар был нанесен Гарландом. Выступив из Вэджа 12 февраля с отрядом бедуинов в 50 человек и двигаясь к юго-востоку, он после восьмидневного перехода на верблюдах достиг железнодорожной линии у Гувейра. Полагаясь на полученные от арабов сведения о том, что поезда ходили теперь только днем, он решил, что у него имеется достаточно времени для того, чтобы под покровом ночи, не торопясь, произвести разрушение железнодорожного полотна. Поэтому одну часть своего отряда он направил на закладку подрывных шашек под мостом, находившимся к югу от станции, а сам подготовил к подрыву участок несколько далее по линии. Вдруг он услышал приближение поезда, шедшего с севера. Ненадолго остановившись на станции, поезд отправился дальше. Имея в своем распоряжении лишь несколько минут, Гарланд все же успел заложить немного шашек уменьшенного заряда и убежать от полотна, когда поезд находился от него всего лишь в 200—300 *м*. Произошел взрыв, паровоз сошел

с рельсов и упал с насыпи. Взрыв произвел переполох на станции, и турецкий гарнизон бросился на помощь. Отряд спасся лишь благодаря арабу, которому был поручен другой подрыв, — он нашел в себе достаточно хладнокровия не поджигать запала и не взрывать моста, прежде чем Гарланд и его люди не перешли через него.

Набеги участились и становились все более и более дерзкими, дав возможность проявить свой талант и Ньюкомбу. В ночь на 3 марта он с отрядом арабов напал на Дар-Эль-Хамра. Разрушив станцию и участок железнодорожного пути, он возвратился обратно, захватив в плен 15 турок.

Прославился своими набегами также Хорнби. Он и Ньюкомб полностью отдались игре превращения в арабов и стали носить арабские одеяния. В дальнейшем после своего прибытия из Рабуга к ним присоединились Джойс и Дэвенпорт. Вингейт, так же как и английские офицеры, на месте быстро оценил преимущество операций против слабо укрепленного, растянутого фланга вместо операций против короткого, защищенного холмами фронта у Медины. Это привело к постепенному сосредоточению войск в северном направлении. 8 марта Вингейт отдал приказ Вильсону об эвакуации Рабуга и переброске египетских и арабских регулярных частей к Вэджу. Там уже имелся отряд самолетов под командой майора Росса, причем египетская часть продолжала нести главным образом охрану посадочной площадки. Французский отряд был продвинут лишь до Янбо, где он сорганизовал новую базу и продолжал помогать частям Али и Абдуллы. Благодаря настойчивым просьбам Бремона отряд, наконец, усилили горной батареей.

Разделение операций французских и английских войск способствовало уменьшению возможности трений между ними, которые, несмотря на хорошие взаимоотношения личного состава, легко могли появиться вследствие различия политических интересов, а еще более из-за подозрений к мотивам, которыми руководствовалась каждая страна.

Расхождения подчеркивались прежде всего тенденцией Гуссейна и Абдуллы натравить одних союзников на других, для того чтобы удерживать обоих от вмешательства, а во-вторых, страхом каждого союзника возбудить подозрения арабов слишком большой согласованностью своих действий. Абдулла же в особенности был готов посеять семена раздора. В октябре, настаивая на присылке войск для спасения Рабуга, он жаловался французам, что «англичане боятся не столько мнения мусульман, сколько того,

что за ними придете вы». Взятие Багдада англичанами в марте вызвало новый прилив недоверия, и Абдулла обвинял англичан в нарушении обещаний, данных шерифу. Однако с еще большим подозрением относились арабы к стараниям французов усилить свое политическое и финансовое влияние в Геджасе, проявляя удивительные способности противодействовать их планам.

В конце октября 1916 г. Гуссейн объявил себя «королем арабской нации», чем создал еще один источник беспокойства для французов и англичан, для которых это явилось полнейшей неожиданностью и, конечно, пришлось не по вкусу. Для французов это было явной угрозой их намерениям в Сирии. Для англичан же это оказалось неприятным не только с точки зрения их конечной политики, но также и потому, что наносило обиду другим великим арабским вождям, в особенности Ибн-Сауду, и могло заставить их выступить как против Гуссейна, так и против англичан. Верховный комиссар Египта тотчас же отправил Гуссейну телеграмму с выражением своего неодобрения. Вслед за ним согласованно сделали представления в подобном же роде французское и английское правительства, высказав готовность признать его лишь королем Геджаса и «вождем восстания арабов против турок».

Противоречия имелись также и в области военной. Бремон, побуждаемый захватом Вэджа и стремившийся использовать имеющиеся в его распоряжении крупные военные силы, все еще находившиеся в ожидании в Суэце, старался найти в Каире и на арабском побережье поддержку своему проекту взятия Акаба. Что касается самой идеи проекта, то она получила всеобщее признание, но претворение ее в жизнь вызвало целый ряд расхождений. Генеральный штаб в Египте также противился отправке сил в Акаба, как ранее в Рабуг. Фейсал, у которого Бремон был 31 января, не желал видеть англо-французских войск в Акаба. Когда Бремон упомянул, что Акаба защищена слабо, Фейсал ловко обратил этот довод против него самого, заявив, что он в таком случае сможет предпринять захват Акабы сам, без помощи европейцев.

В Каире Бремон виделся также с Лоуренсом и пробовал добиться его поддержки. Вместо этого он лишь усилил подозрения Лоуренса в отношении своих истинных целей. По мнению Лоуренса, присутствие англо-французских войск в Акаба могло бы оказаться серьезным препятствием его стремлению распространить восстание арабов на Сирию. Скрыв свое основное возражение, он сказал Бремону, что

Акаба должен быть захвачен с тыла, так как в противном случае расположенная за ним цепь гор сделает невозможным какое бы то ни было продвижение вперед. Чувствуя, что ему не удалось убедить француза отказаться от его плана, Лоуренс поспешил обратно в Вэдж, чтобы предостеречь Фейсала. Позже он получил большое удовольствие, слушая ответы Фейсала Бремону, усилив неприязнь последнего раздражающей улыбкой.

Встретив со всех сторон препятствия своему проекту, Бремон ограничился подготовкой операций против Медины. Однако во Франции, повидимому, возникли сомнения в его усердии в этом направлении, так как главнокомандующий французской армией Жоффр вскоре отправил ему телеграмму, в которой говорилось следующее: «Из ваших телеграмм усматривается, что вы, повидимому, опасаетесь взятия Медины арабами, так как это поощрит их стремления в Сирии. Подобная точка зрения, уже известная англичанам и шерифу, может создать впечатление, что мы, якобы, пытаемся уклониться от заключенных нами соглашений, и может привести к серьезным последствиям для наших действий в Леванте. Поэтому необходимо, чтобы позиция, занимаемая вами в этом вопросе, не допускала возникновения подобного толкования».

По странной иронии это нежелание взять Медину разделялось теперь также и наибольшим противником Бремона, но по другим соображениям. Новый взгляд Лоуренса отчасти был вызван его опасением, что турки, будучи отброшены от Медины, усилят свою власть в Сирии и благодаря этому сумеют задержать там распространение восстания. Подобный взгляд был вызван также зародившейся у него новой теорией ведения войны, которая опрокидывала господствовавшие до того времени официальные теории французской и английской школ.

Зарождение теории Лоуренса совпало с изменением военной обстановки.

Под влиянием нового премьер-министра Англия, наконец, снова взяла в свои руки инициативу в борьбе против Турции. В начале декабря, как только Ллойд-Джордж вступил в должность, он начал настаивать на развитии наступательных действий на Востоке, рассчитывая, что какой-либо заметный успех на этом фронте ободрит союзников, изнуренных бойней на Сомме. Робертсон сделал все возможное, чтобы воспротивиться этому требованию, которое он рассматривал как нарушение своего священного принципа «сосредоточения сил на решительном участке». Его сопроти-

вление усилилось еще более, когда Муррей на запрос о количестве войск, требовавшихся ему для развития наступления, сообщил, что ему желательна дополнительная присылка, хотя бы на время, еще двух дивизий.

12 декабря Робертсон ответил Муррею: «Премьер-министр хочет, чтобы вами в течение зимы были проявлены максимальные усилия», добавив, однако, от себя, что до окончания зимы присылка подкреплений не сможет быть осуществлена. Телеграмма, полученная от Муррея на следующий же день, указывала, что он рассчитывал использовать три дивизии только для пассивной защиты своих линий сообщений. В ответ на это Робертсон дал ему директиву: «Вашей основной задачей по защите Египта должно быть максимальное развитие наступательных операций войсками, имеющимися в вашем распоряжении», и добавил, что «он не совсем понимает, почему» Муррею нужно держать большие силы на линиях сообщений, раз он взял Эль-Ариш и очистил Синай от неприятеля. Вопрос казался вполне уместным, если сравнить количество английских войск со значительно меньшим количеством войск, выделенных турками для охраны своих гораздо большего протяжения линий сообщения от существовавшей повсюду угрозы.

Когда эти указания были получены Мурреем, его приготовления к занятию Эль-Ариша были почти закончены, но проводились медленно. В своей превосходной истории палестинской кампании генерал Уэйвелль, выдающийся военный специалист, говорит: «Постройка линий сообщения для продвижения через Синай была типичным примером английской постройки: она велась медленно, обошлась очень дорого и делалась чрезвычайно прочно».

Когда все было готово, неприятель отступил. Утром 21 декабря был занят пустой город. Гарнизон этого турецкого аванпоста численностью в 1 600 человек отошел.

Не в пример прежнему темпу работ, железнодорожная линия к Эль-Аришу протяжением около 35 *км* была закончена постройкой к 4 января. Вечером 8-го Чэтвуд с частями Шовеля и еще одной бригадой вступил в Рафа. К утру он окружил город, и здесь, как это ни странно, повторились события, предшествовавшие взятию Махзаба. В полдень был отдан приказ об отступлении, однако новозеландская кавалерийская бригада, прежде чем приказ успел до нее дойти, успела захватить командные высоты.

Успех англичан был обязан безрассудству турок, из ложной гордости пытавшихся удержаться на египетской территории. Напрасно Кресценштейн настаивал на отводе

частей, защищавших эти два выступавших вперед пункта, к главной линии обороны. В результате потеря свыше 3 000 человек серьезно уменьшила и без того слабый гарнизон этой позиции.

Против трех английских пехотных и двух кавалерийских дивизий турки могли противопоставить лишь одну слабую дивизию и остатки другой. Положение их ухудшалось еще беспрерывным дезертирством арабов, являвшимся косвенным последствием восстания в Геджасе. В феврале туркам благодаря почти трехмесячному затишью, наступившему после продвижения англичан на Рафа, удалось подвести еще третью — тоже слабую — дивизию. Но даже и при этом они имели всего лишь 13 000 солдат (сабель и штыков), расположенных в различных пунктах, против 40 000 англичан.

Таким образом налицо была перспектива столь желательного для английского правительства «большого успеха». Однако являлось весьма важным, чтобы туркам не удалось получить больших подкреплений. Для удержания в повиновении неспокойных арабов в Сирии у турок имелись также три слабые дивизии, из которых могло быть взято не более одной.

В начале марта радиостанцией в Каире была перехвачена телеграмма от Джемаль-паши, часть которой удалось разобрать и установить, что, повидимому, передавался приказ об оставлении Медины и отходе всех турецких частей к северу, вдоль линии железной дороги. По смыслу приказа можно было предположить, что турки двинутся в походном порядке, имея штаб и войсковой обоз в сопровождавшем их поезде.

Явная опасность английским планам в Палестине заставила отправить из Каира настоятельный призыв к Фейсалу о взятии, если возможно, Медины или же перехвате турецкого гарнизона во время его отступления вдоль железнодорожной линии. В Вэдж был командирован нарочный для уведомления английской миссии о содержании перехваченной телеграммы и требовании принять срочные меры. Поскольку Ньюкомб в это время оказался в очередном набеге на железнодорожную линию, ответственность за принятие срочных мер взял на себя Лоуренс. Фейсал со своей стороны поспешил приблизить передовые отряды к четырем турецким базам близ железной дороги, участив против них набеги. Чтобы исполнить желание генерального штаба, Лоуренс решил сам отправиться в Вади-Аис уговорить Абдуллу напасть на Медину. В момент получения телеграммы от Клейтона Лоуренс был болен дизентерией, но превозмог

свою слабость и с небольшой охраной из арабов различных племен отправился в дальний переход на верблюдах. Однако он едва мог сидеть и дважды впадал в обморочное состояние. Его все время преследовала мысль о том, что в дороге он может совершенно «сдать», не выполнив своей миссии, притом на первой же остановке вечером среди сопровождавших его арабов возникла ссора, и один из них — мавр — убил араба другого племени. Приговором своеобразного военно-полевого суда над убийцей дело почти удалось уладить, однако его соплеменники, не удовлетворенные вынесенным решением, стали требовать применения закона пустыни — «кровь за кровь». Напрасно Лоуренс пытался их отговорить. Наконец, видя, что, если он будет упорствовать, они так или иначе отомстят и тем вызовут новые распри, Лоуренс застрелил убийцу собственноручно.

Сам не зная как, Лоуренс сумел перебороть свою слабость. 13 марта он добрался до лагеря Абдуллы. Передав приказ, он упал в обморок и проболел 10 дней. Будучи еще слишком слабым, чтобы встать на ноги, он имел для раздумья больше времени, чем когда бы то ни было с тех пор, как началось восстание. Но теперь он имел опыт, над которым следовало подумать. Затем Лоуренс перешел к анализу фактических условий той кампании, участником которой он являлся.

ГЛАВА VI

ВОИНСТВЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

МАРТ 1917 г.

Теория Лоуренса явилась результатом его размышлений, когда он лежал прикованным к постели в лагере Абдуллы. Мысли его унеслись к тем книгам по военному делу, которые он читал еще в Оксфорде. Для человека, главный интерес которого сводился к изучению архитектуры и глиняной посуды, это был курс значительно больший, чем тот, который проходил почти любой кадровый офицер, в особенности в Англии. Когда Лоуренсу было еще 15—16 лет, он начал с того, что называется «обычной литературой школьников». Наряду с этим Лоуренс прочитал много технических трактатов по вопросам постройки зáмков и ведения осад. Несколько позднее он перешел к Клаузевицу и его школе, к Кемереру, Мольтке, Гольцу и некоторым из французских военных писателей, появившихся после 1870 г. Их произведения, в том числе и Клаузевица, показались ему «очень односторонними». Будучи неудовлетворенным ими, он добрался до Наполеона. Попутно он проглядел Жомини и Виллизена, причем у последнего он натолкнулся на определение стратегии, как «изучение сообщений», которое произвело на него сильное впечатление. Затем, когда он прочитал французские труды по итальянской кампании Наполеона, его заинтересовали некоторые мысли в переписке Наполеона.

Это возбудило в Лоуренсе желание ознакомиться с теми учебниками, по которым Наполеон изучал военное искусство. Таким образом он подошел к Гиберу и, сделав еще один шаг назад, к Бурсе и Морицу Саксонскому.

Эти писатели понравились Лоуренсу потому, что у них

он нашел «более широкие принципы». Особенно сильное впечатление произвел на него Мориц Саксонский. В дальнейшем, после того как Лоуренс сам участвовал в войне и приобрел практический опыт, он считал Морица Саксонского «величайшим мастером военного дела»; вначале же он чувствовал, что «интеллектуально Клаузевиц настолько превосходил их всех, что он стал верить ему вопреки своему желанию».

Помимо этого интеллектуального интереса к теории войны, Лоуренс изучил ряд мест сражений, главным образом в целях восстановления их на картах.

Однако эти исследования не предпринимались Лоуренсом с какой-либо сознательной целью подготовки себя для командования в будущем. Так же было и с чтением. «У меня был интерес только к чистой теории; я повсюду искал метафизическую сторону вопроса, философию войны, о которой я много думал в течение ряда лет». Теперь же по непредвиденным обстоятельствам он был втянут в войну и нашел себя «к счастью, стоящим во главе кампании в такой степени, в какой ему это было желательно».

Вынужденное бездействие оказалось для Лоуренса чем-то вроде спасательного круга. Хотя после своей первой поездки в октябре он изложил в докладе обоснованную оценку положения, представлявшую собой образцовое решение непосредственно стоявшей проблемы, у него не было возможности как следует обдумать пути дальнейших действий или же разработать теорию, исходя из которой он мог бы выбирать те или иные решения.

Мысленно он проследил ход военных действий в Геджасе, начиная с того момента, когда, казалось, Рабуг находился в неминуемой опасности. Военные специалисты рассматривали Рабуг как «ключ к Мекке» и настаивали на необходимости его удерживать. Далее, ни французы, ни англичане не придавали бедуинам никакого значения с точки зрения защиты ими этого города или какой-либо другой определенной позиции. Их взгляд был полностью оправдан ходом событий.

Лично же Лоуренс доносил, что «арабские племена при условии вооружения их легкими пулеметами и посылки к ним кадровых офицеров в качестве советчиков смогут удерживать турок, пока формируются арабские регулярные части». Как это ни казалось странным, но исход операций подтвердил правильность также и его взгляда. Хотя арабы при встрече с неприятелем всюду отступали, Рабуг все еще был цел.

Правда, это могло быть и просто счастливой случайностью, такой же, как и то, что турки сильно поколебали уверенность Лоуренса, прорвавшись через цепь холмов, которую он считал непроходимой. Все же высшая фаза наступления турок прошла. Правда, оно, несомненно, могло бы возобновиться и докатилось бы до Рабуга, если бы Фейсал не двинулся неожиданно на Вэдж и не создал угрозы турецким сообщениям, что заставило турок беспорядочно отступить. Казалось, что эта неудачная попытка достигнуть Рабуга в начале их наступления могла быть в значительной степени объяснена тем огромным переходом, который им пришлось совершить, так как Рабуг отстоял от Медины на расстоянии 250 *км.* Во всяком случае, пока арабы имеют за собой пространство для отступления, их задерживающая сила может быть равной способности обороны, и они могут использовать преимущества неограниченного пространства. Последние преимущества оказались возможными у кочующих народов, что являлось еще одним доводом за перенесение операций к северу. Достоинства иррегулярных войск заключаются в глубине проникновения, а не в силе.

Однако просто задержать неприятеля и предотвратить возможность его победы являлось недостаточным. «Мы все находились под гипнозом решения Фоша, что этика современной войны заключается в том, чтобы сблизиться с неприятельской армией, обнаружить центр ее мощи и уничтожить ее посредством боя».

Такова была причина, которая заставила Лоуренса пройти весь путь от Вэджа, чтобы убедить Абдуллу попытаться уничтожить гарнизон Медины. Но как это сделать? Под влиянием настойчивого призыва из Каира он выехал из Вэджа для выполнения возложенного на него поручения без того, чтобы остановиться хоть на минуту и продумать все вытекавшие из доставлявшегося им сообщения последствия. Теперь же в своей палатке, поскольку лихорадка ослабевала, он мог обдумать стоявшую перед ним проблему на досуге.

Лоуренс стремился согласовать свои теоретические знания, приобретенные путем чтения военных книг, с теми практическими военными действиями, которые в то время происходили.

«Однако,— говорил он,— книги охарактеризовывали мне цель войны как «уничтожение организованных сил неприятеля единственным способом — боем». Другими словами, победа могла быть приобретена только ценою крови.

Для нас все это было непригодно, так как организованных сил у арабов не было, а следовательно, у турецкого Фоша не оказалось бы цели войны. Далее, арабы не переносили убитых и раненых, а поэтому арабский Клаузевиц не смог бы приобрести себе победу. Очевидно, эти мудрые люди изъяснялись метафорически, так как мы, несомненно, выиграли нашу войну, и когда я о ней думал, мне казалось, что мы выиграли войну в Геджасе, так как мы уже оккупировали 99% Геджаса».

Таким образом, хотя Фош и последователи школы его военной мысли XIX столетия и утверждали, что «абсолютная война» является якобы единственным типом войны, Лоуренс начал осознавать, что данная война была лишь разновидностью «абсолютной войны», и смог увидеть также и другие войны, которые были перечислены Клаузевицем, а именно: войны из-за династических побуждений, войны за изгнание одной партии другой, коммерческие войны из-за рынков и пр.

«Затем я стал думать о цели арабов и увидел, что она обусловливалась географическими причинами, а именно стремлением занять в Азии все земли с населением, говорящим на арабском языке. При выполнении этого мы могли убивать и турок, поскольку мы их очень не любили. Однако «уничтожение турок» никогда не являлось для нас целью. Если они спокойно уйдут, наша война закончится. Если нет, мы попробуем их прогнать. В крайнем случае нам придется заставить себя решиться на отчаянный путь «крови», на путь убийства, но возможно более дешевой ценой для нас самих, так как арабы сражались за свободу и знали, что удовольствие может быть испытано только живым человеком».

Проанализировав работы всех общепризнанных учителей XIX столетия, формулировавших документы, которые теперь армии пытались провести в жизнь с довольно плачевным результатом, мысли Лоуренса вернулись к тем учителям XVIII столетия, чьи «более смелые принципы» уже давно произвели на него впечатление. Он заново оценил Морица Саксонского и те «Размышления», которые Карлейль, поклонник Фридриха, презрительно охарактеризовал как «странную смесь военных мыслей, продиктованных, как мне кажется, под влиянием опиума». Если Лоуренс и был когда-то склонен согласиться с подобным приговором, то теперь он не имел к этому никакого желания. Теперь на основании своего собственного опыта Лоуренс знал, что Морис Саксонский был не мечтателем, а реалистом в полном смысле этого слова.

Он был согласен со словами Морица Саксонского: «Я не сторонник того, чтобы давать сражение, особенно в начале войны. Я даже убежден, что способный генерал может вести войну всю свою жизнь без того, чтобы быть вынужденным дать сражение». Фош высмеял Морица Саксонского за эти слова, сопоставив их со словами Наполеона, сказанными им в 1806 г.: «Ничего я так не желаю, как большого сражения». Комментируя эти два изречения, Фош презрительно добавил: «Один хочет всю жизнь избегать сражения, другой же добивается его при первой же возможности».

Лоуренс, освободившийся от влияния Клаузевица, благодаря своему ознакомлению с действительностью теперь мог оценить практическую точку зрения Морица Саксонского. Он понял, что Мориц Саксонский имел в виду конечную цель войны, для которой сражение является только средством.

У Морица Саксонского имелось замечание, что «проведение подготовки к неправильному размещению своих частей имеет гораздо большее значение, чем обычно принято думать, при том условии, конечно, что это размещение делается преднамеренно и осуществляется таким образом, что может быть в кратчайший срок превращено в правильное. Ничто так не обескураживает противника, рассчитывающего на победу, как военная хитрость подобного рода...» Казалось, что это замечание имело в виду специально операции в Геджасе. До тех пор, пока арабы оставались сосредоточенными против турок, перевес был на стороне последних, но лишь только арабы стали рассредоточиваться, дело приняло другой оборот, и чем больше их части отделялись одна от другой, тем опаснее становилось положение турок.

Под этим новым углом зрения Лоуренс взялся за изучение своей будущей проблемы.

«Моя обязанность заключалась в осуществлении командования. Я попытался вскрыть значение этого слова и проанализировать его как с точки зрения стратегии — цели войны, так и с точки зрения тактики. В каждой из них я нашел те же элементы: один — алгебраический, другой — биологический и третий — психологический.

В применении к арабам алгебраический фактор играл роль прежде всего в отношении той территории, которую мы хотели завоевать. Я начал на досуге подсчитывать, сколько это составит квадратных километров... и размышлять, каким образом турки смогут защищать такое про-

странство... Если бы мы были армией, наступающей с развернутыми знаменами, то, несомненно, им пришлось бы построить линии окопов...

Затем я прикинул, сколько потребуется туркам постов, чтобы сдержать наше наступление вглубь, учитывая возможность возникновения восстания в каждой из не занятых еще турками областей на этом громадном пространстве в сотни тысяч квадратных километров. Я знал турецкую армию вдоль и поперек; даже с учетом усиления ее боеспособности новой артиллерией, авиацией и бронепоездами становилось ясным, что ей потребуется создать укрепленный пост на каждые 6 *кв. км*, в котором должно находиться не менее 20 солдат. Другими словами, для того чтобы противостоять объединенной ненависти всех местных арабских племен, туркам потребуется 600 000 человек, они же имели в своем распоряжении всего лишь 100 000 солдат. Казалось таким образом, что перевес в этом отношении был на нашей стороне; климат же, железные дороги, пустыни и техническое вооружение также могли быть использованы в наших интересах, если бы только мы сумели как следует использовать наши сырые материалы. Турки поверили бы, что восстание является «абсолютным», как война, и стали бы с ним бороться по аналогии с «абсолютной» войной. Аналогия, конечно, выдумка: вести войну с восстанием столь же хлопотливо и утомительно, как есть суп ножом.

Вторым фактором был фактор биологический — фактор критического момента, фактор жизни и смерти, или, правильней, фактор износа. Военные философы превратили этот фактор в искусство, а один из его вопросов — «кровопускание» — подняли до уровня принципа. При всевозможных оценках его основой являлся изменчивый фактор — человек.

Однако мне казалось, что ограничивать искусство только человеческими факторами значило бы суживать стоявшую передо мной проблему. Оно должно было быть применено не только к организмам, но и к материалам. Турецкая армия отличалась тем, что в ней нехватало военных материалов и они были дороги, людей же было больше. Следовательно, нашей целью являлось не уничтожение турецкой армии, а уничтожение ее недостаточной материальной части. Гибель моста или железной дороги, пулемета или орудия для нас была выгоднее, чем смерть турок. Арабская армия должна была беречь и людей и материалы,— людей потому, что они, будучи иррегулярными воинами, были не

единицами, а индивидуумами, а потеря индивидуума подобна камню, брошенному в воду: он может сделать лишь на короткое время отверстие, но от него расходятся, постепенно замирая, круги. Мы не могли позволить себе иметь большие потери. Расправляться с материалом было легче. Наша совершенно очевидная обязанность заключалась в том, чтобы добиться превосходства в какой-либо одной области, скажем, в пироксилине или пулеметах или в чем-либо ином, что может оказать наиболее решающий эффект,— добиться превосходства в оборудовании в одном преобладающем моменте или в каком-нибудь отношении.

Большинство войн требует контакта с противником. Наша война должна быть войной отделения от противника: нам придется сдерживать его молчаливой угрозой громадной неизвестной пустыни, не обнаруживая себя до момента атаки. Последняя должна быть атакой лишь по названию, направленной не против людей, а против материальной части противника,— атакой, устремленной против его слабого места. В отношении железнодорожной линии это обычно будет пустынный участок пути. Это было бы тактическим успехом. Подобный метод мы смогли бы взять за правило. Это вполне соответствовало нашему стремлению — никогда не представлять собою цель для неприятельского солдата. На нашем фронте имелось много турок, которые за всю войну не имели случая в нас выстрелить, и все же, за исключением редких стечений обстоятельств, мы никогда не оборонялись. Объяснялось это превосходно налаженной разведкой. Мы всегда могли рассчитывать на проведение наших операций наверняка. В этом отношении главной действующей силой являлась голова полководца, и его знание неприятеля должно было быть безошибочным. Для того чтобы хорошо наладить разведку, нам пришлось проявить усилий больше, чем какому бы то ни было штабу, который я знал.

Третьим фактором, который необходимо было учитывать, является фактор психологический — та наука, в отношении которой наше представление следует признать совершенно недостаточным. Часть этой науки касается толпы — поднятия настроения до того момента, когда оно становится пригодным для использования в целях определенного действия, приспособления различных мнений для определенной цели. Другая часть касается отдельных личностей, и тогда она превращается в редко встречающееся искусство обхождения с людьми. Она рассматривает возможность подъема настроения наших людей, их многосложность и изменчи-

вость и возможность культивирования в них того, что способствует выполнению намерения. Мы должны подготовить сознание людей к условиям боя так же тщательно и точно, как другие офицеры подготавливали их физическую сторону, и не только сознание наших людей, но и сознание противника, поскольку это окажется возможным, а также сознание народа, поддерживающего нас за линией фронта, и неприятельской стороны, ожидающей приговора, и нейтральных государств, следящих за нашими действиями.

Вышеприведенные рассуждения привели меня к заключению, что взятие приступом Медины или же быстрое принуждение ее к сдаче голодом не соответствовали нашей стратегии. Мы хотели, чтобы противник оставался в Медине или в любом другом столь же безвредном месте — и чем в большем количестве, тем лучше. Вопрос обеспечения продовольствием окончательно прикрепил бы противника к железным дорогам. Присутствие же противника на Геджасской и Трансиорданской железных дорогах, а также на железных дорогах Палестины, Дамаска и Алеппо в продолжение войны можно было только приветствовать. Если бы он проявил стремление эвакуироваться в малом районе, где его численность могла бы оказаться преобладающей, тогда нам пришлось бы попытаться восстановить доверие противника уменьшением наших набегов против него. Наш идеал заключался в том, чтобы железные дороги работали с максимальными потерями и неприятностями для противника.

Арабская война была географической войной, а турецкая армия для нас — случайным объектом, а не целью. Наша цель состояла в том, чтобы нажимать на самое слабое звено турецкой армии. Мы должны возложить на турок возможно более длительную пассивную оборону, максимально растянув наш собственный фронт. Тактически нам было необходимо создать в высшей степени подвижный, высоко оснащенный тип армии наименьших размеров и последовательно использовать эту армию в определенных пунктах турецкой линии обороны, чтобы заставить турок выделить на занимаемые ими посты дополнительное количество бойцов сверх экономического минимума в 20 человек. Мощь нашей ударной части должна расцениваться не только ее численностью. Соотношение между численностью и районом определялось характером войны, и благодаря тому, что наша подвижность в пять раз превышала турецкую, мы могли добиться равенства с ними при соотношении 1 : 5. Наша победа заключалась в занятии нами стольких-то километров территории.

У нас не было ничего материального, что мы могли бы потерять, а следовательно, нам нечего было защищать и не во что стрелять. Драгоценным элементом наших сил были иррегулярные части бедуинов, а не регулярные части, чья роль заключалась бы только в занятии тех мест, к которым иррегулярные части уже обеспечили доступ. Нашими главными выигрышными картами были скорость и время, а не сила, и это давало нам скорее стратегический, чем тактический, перевес. Успеху нашей стратегии больше способствовала досягаемость, чем сила».

Выше словами самого Лоуренса мы изложили новую теорию иррегулярной войны в том виде, как она оформилась в его сознании [1]. Именно в свете этого изложения мы и должны истолковывать инициативу Лоуренса, которая была им проявлена в последовавших затем событиях.

---

1 Интересующихся источниками военных идей Лоуренса, с которыми он ознакомился до войны, мы отсылаем к моей книге «Дух Наполеона», опубликованной в 1933 г., где этот вопрос освещен полнее. — *Л. Гарт.*

ГЛАВА VII

РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ЗАРАЗЫ»

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ 1917 г.

Как только Лоуренс достаточно оправился от болезни, он начал обсуждать с Абдуллой план дальнейших действий. Вместо того чтобы предложить арабам произвести нападение на гарнизон Медины, он посоветовал произвести ряд набегов на железную дорогу, обещая показать сам, как это нужно делать. В данном случае он имел в виду осуществить такую операцию, которая, «причинив противнику беспокойство, не вызвала бы у него опасения за полное разрушение железной дороги». Однако он понял, что нет необходимости убеждать Абдуллу не предпринимать более серьезных действий.

Теория Абдуллы относительно ведения войны, повидимому, сводилась к тому, что язык является более могущественным, чем меч. Хотя он и обнаруживал живость мысли, которая должна была радовать Лоуренса, но она никогда не претворялась в какое-либо положительное действие. Абдулла, несомненно, был полон планов. 20 марта в разговоре с Лоуренсом и капитаном из французской Африки Рахо он говорил о желательности наступления на Иемен в целях освобождения его от турецкого ига. Однако чувствовалось, что это было лишь одной из обычных для Абдуллы уловок с целью скрыть свое истинное намерение — спокойно сидеть в бездействии. Все же и он проявил определенную решимость, отвергнув французские требования о бомбардировке Медины. Он заявил, что принудит ее к сдаче голодом. С новой точки зрения Лоуренса, увертки Абдуллы были весьма успокаивающими, а кроме того, прак-

тическим подтверждением того, что новая теория вполне совпадала с реальностью.

Однако среди помощников Абдуллы имелся более энергичный воин, шериф Шакир—«подлинный центавр на коне», который, несмотря на свое огромное богатство, любил простоту кочевой жизни. Шакира не пришлось долго уговаривать, чтобы произвести набег на железную дорогу. Хотя Лоуренс еще не был вполне здоров, тем не менее 26 марта он отправился с небольшим отрядом на поиски подходящего объекта для нападения и остановил свой выбор на небольшой железнодорожной станции, на которой находилось около 400 турок. Однако, когда прибыл Шакир, он привел с собой всего лишь 300 человек, которых было слишком мало для нападения на станцию. Тогда Лоуренс решил отвлечь внимание гарнизона орудийным обстрелом станции, самому же тем временем подорвать с юга и с севера железнодорожное полотно и таким образом поймать остановившийся там поезд в ловушку. Это давало возможность Лоуренсу заложить свою первую мину и «использовать для ее взрыва затвор ружья Мартини — приспособление, которое применяли против англичан буры в Южной Африке». Затем он вернулся обратно к своему отряду, чтобы дождаться утра. Бой начался обстрелом станции. Один из снарядов, попавший в поезд, заставил паровоз отцепиться и направиться прямо на мину Лоуренса. Однако последняя взорвалась слишком поздно, и паровозной бригаде удалось исправить нанесенные взрывом незначительные повреждения, так как выставленная для обстрела паровоза пулеметная команда неожиданно отошла. Тем временем люди Шакира, под прикрытием дыма горевших товарных вагонов, захватили в плен два прилегавших к станции поста противника. Пойти на захват станции они не решились, а забрав с собой 30 пленных и разрушив станцию, отступили, довольные достигнутым результатом.

Два дня спустя Лоуренс с отрядом арабов снова выступил из лагеря Абдуллы и заложил мину близ станции Мадакридж с целью захватить поезд, следовавший из Медины. На этот раз поезд прошел над миной, вовсе не вызвав взрыва, повидимому, вследствие незначительного оседания земли, вызванного сильной бурей и предотвратившего контакт между рельсом и спусковым механизмом.

Лоуренс постарался использовать также и эту неудачу. Когда стемнело, он отправился переложить мину. Розыски в насыпи провода к спусковому приспособлению были делом

рискованным, и он боялся, как бы вместо поезда не взлетел на воздух его собственный отряд. Наконец, после поисков, продолжавшихся в течение часа, он нашел спусковое приспособление и установил его заново. Покончив с этим, Лоуренс взорвал небольшой мост и разобрал в ряде мест рельсы для приманки турецкого ремонтного поезда. Его расчеты полностью оправдались, так как последний вышел из Хедие и был взорван миной.

Достигнув некоторых результатов в своей стратегии «булавочных уколов», Лоуренс, которому надоели постоянные уловки Абдуллы, в начале апреля вернулся в лагерь Фейсала, чтобы начать проповедывать там свои новые идеи. С момента своего продвижения к передовым базам английские офицеры совместно с крупными силами арабов все усиливали свои набеги на железную дорогу. Их операции становились слишком серьезными, чтобы они пришлись по вкусу Лоуренсу, и имели перспективу сделаться более серьезными, поскольку было получено еще несколько пулеметов и даже бронемашины. Ньюкомб предполагал расположить все силы Фейсала таким образом, чтобы окончательно отрезать Медину. Лоуренс же, наоборот, считал в данное время более целесообразным ослабить операции против турок, чтобы «удерживать их в теперешнем глупом положении: везде фланги и никакого фронта».

«Однако,— говорит Лоуренс,—ни мои общие рассуждения, ни частные возражения не произвели большого впечатления. Планы были разработаны, и приготовления продвигались. Каждый был слишком занят своими делами, чтобы дать мне определенное разрешение на осуществление задуманного мною. Все, чего я желал достигнуть, это лишь быть выслушанным и получить компетентное подтверждение того, что мое контрнаступление может оказаться полезной диверсией».

Для проведения в жизнь своей теории Лоуренс стремился развить восстание на возможно большем пространстве, что означало его распространение к северу, а для этого требовалось создание дополнительной базы. Таким образом его цель совпадала с давно задуманным планом взятия Акабы, но с той существенной разницей, что вариант, предложенный Лоуренсом, предусматривал его взятие арабами с суши, а не англо-французскими силами с моря.

Для осуществления задуманной операции Лоуренс нашел в лице Ауда не только союзника, но и брата по крови,

своего рода барона из эпохи крестовых походов. Вместе с Ауда он наметил план. В сопровождении шерифа Назира, заместителя Фейсала, они отправились на поиски племен Восточного Ховэйтата, чтобы сформировать из них отряды на верблюдах и повести их к югу для внезапного захвата Акабы с востока — ударом с тыла. «Восточная часть была незащищенной, линией наименьшего сопротивления, линией нападения, наиболее для нас легкой,— говорил Лоуренс.— Наш поход будет наилучшим примером обходного движения, требующим перехода по пустыне свыше 1 000 *км,* для того чтобы захватить позиции, находившиеся в пределах досягаемости артиллерийского огня наших кораблей». Лоуренс был убежден, что самый длинный круговой путь окажется наиболее коротким, чтобы туда добраться. Мысленно он все время представлял себе стену гор, возвышавшихся за Акабой, которая так легко могла быть использована турками для предотвращения любого наступления с суши. Но он смотрел и дальше, так как поклялся сражаться за независимость арабов, а не за приобретение новых владений для Британской империи.

Выступивший в полдень 9 мая отряд под предводительством Назира включал в себя, кроме Лоуренса и Ауда, еще сирийского офицера и охрану, состоявшую из небольшой группы всадников на верблюдах. Каждый человек вез 45 фунтов муки в качестве пайка на шесть недель; шесть верблюдов были нагружены взрывчатыми веществами для подрывной работы по пути и золотом в сумме 25 000 фунтов стерлингов для поощрения вербовки людей.

Первый переход — до небольшого форта Себэйл на старой дороге паломников из Египта — был коротким. С наступлением темноты они выступили снова и легко прошли за ночь при относительной прохладе больше, чем в течение следующего дня после двухчасового отдыха до рассвета. Это было началом испытаний, ожидавших их в дальнейшем. Белый песок пустыни ослепительнейшим блеском отражал летние солнечные лучи, а расположенные по обеим сторонам пути голые скалы распространяли такой зной, что вызывали головную боль и головокружение. Отряд смог бы пройти эту выжженную солнцем зону быстрее, если бы не грузовые верблюды, которые целый день по дороге щипали траву. Ауда, беспокоившийся об их плохом состоянии, не позволял подгонять их. Часы тянулись бесконечно, но, наконец, наступило облегчение, когда к вечеру отряд достиг оазиса, где встретил Молада и других. Здесь они узна-

ли, что Шарраф, которого они рассчитывали встретить на следующем привале, находился в набеге.

Известие об этом позволило людям отдохнуть несколько дней под тенью пальмовых деревьев. «Для жителей городов, — говорит Лоуренс, — этот сад навеял воспоминания о том времени, когда мир еще не был охвачен безумием войны, заставившей нас оказаться в пустыне; для Ауды же богатая растительность не представляла никакой привлекательности, и ему хотелось видеть более бесплодную местность. Поэтому мы сократили вторую ночь пребывания в раю и в 2 часа утра отправились вверх по долине». Суживавшаяся долина постепенно превратилась в обрывистую скалистую местность, на которую пришлось взбираться по тропе, протоптанной дикими козами, такой крутой и предательской, что верблюдов приходилось загонять наверх лишь с большим трудом, причем двух все же потеряли. У Лоуренса снова начался приступ лихорадки; поэтому он вздохнул с облегчением, когда, достигнув защищенного от солнца узкого прохода, увидели, наконец, лагерь Шаррафа.

За это время Лоуренс совершенно случайно приобрел двух преданных слуг. Лежа в полузабытьи, он вдруг был разбужен молодым арабом племени аджейн, по имени Дод, подошедшим к нему переговорить насчет своего лучшего друга, у которого произошла неприятность с одним из начальников Шаррафа, за что его друг был приговорен к телесному наказанию. Лоуренс сделал все возможное, чтобы помочь, но оказалось, что начальник, о котором говорил молодой араб, был человеком твердой воли и согласился лишь на то, чтобы позволить Доду разделить участь своего друга. Дод охотно пошел на это. На следующий день перед Лоуренсом появились две согнувшиеся от боли фигуры юношей, которые объявили себя в знак признательности его слугами. По совету Назира, Лоуренс взял их к себе.

Наконец, прибыл Шарраф с известием о своем новом удачном подрыве железной дороги и о наличии вблизи нее водохранилищ дождевой воды, что было очень важно, так как сокращало безводный переход на 90 *км*. На следующий день они покинули стоянку и, пройдя очень незначительное расстояние, неожиданно увидели на горизонте пять-шесть всадников на верблюдах, двигавшихся в направлении от железной дороги. Являлись ли всадники своими? Направившись вперед, Ауда и Лоуренс продвигались таким образом, чтобы быть в состоянии открыть огонь. К счастью, сомнения их вскоре рассеялись, так как во главе прибли-

жавшегося отряда Лоуренс увидел «белокурого англичанина, обросшего бородой, в оборванном форменном обмундировании». Это был Хорнби, возвращавшийся из одного из тех набегов, славу которых он делил с Ньюкомбом. После взаимных приветствий и краткого обмена новостями отряд Лоуренса продолжал свой путь. Километр за километром им пришлось итти по равнине, покрытой лавой, что было очень тяжело для верблюдов, имеющих, как известно, мягкие копыта. Еле продвигаясь под лучами палящего солнца, отряд все же боялся двигаться быстрее из опасения вызвать хромоту у верблюдов. Беспокойство усиливалось еще тем, что все верблюды были больны чесоткой, подхваченной ими на зараженной земле Вэджа. Если бы животные пали от усталости при дальнейшем переходе, отряд оказался бы обреченным в пустыне.

Наконец, на одиннадцатый день после выхода из Вэджа они добрались до железной дороги, проходившей примерно в 90 *км* к югу от Тебука. Несколько человек из отряда взобрались на песчаный холм, чтобы незаметно произвести разведку. К их облегчению дорога выглядела спокойной и пустынной: не было никаких признаков турецких патрулей, о которых их предупреждали. Под руководством Лоуренса аджейны подложили под рельсы динамит, пироксилиновые шашки и затем подожгли фитили. В заключение они перерезали три телеграфных провода, прикрепили их концы к полдюжине верблюдов и погнали их вперед. Верблюды поволокли за собой все возраставшую массу проволоки и сломанных столбов, пока, наконец, увеличившаяся тяжесть не заставила их остановиться. «Мы освободили верблюдов и в сумерках поехали вдогонку за караваном».

Теперь отряд достиг обширной пустынной равнины, имевшей склон к востоку, которая была настолько лишена каких бы то ни было признаков жизни, что называлась по-арабски «необитаемая». На двенадцатый день задул такой горячий ветер, что кожа на лицах людей полопалась. Несмотря на все страдания, отряд неуклонно продвигался вперед, подгоняемый желанием добраться до воды и мыслью о той участи, которая его постигнет, если он не достигнет своей цели. К заходу солнца они добрались до «источника своего желания». Из опасения нападений со стороны противника отряд вынужден был отойти в укрытое место, находившееся на расстоянии километра от источника, выставив впереди себя охранение.

Четырнадцатидневный переход по бесконечной равнине

привел отряд к следующему колодцу; на пятнадцатый день они увидели угол знаменитого пояса песчаных дюн, за которым начиналась Сирийская пустыня.

И они продолжали свой путь по однообразной песчаной равнине, залитой солнцем, или же по еще более трудным для перехода проталинам высохшей грязи, едва перенося мучительную боль в глазах и затылке.

Вечером Ауда проявил признаки беспокойства, опасаясь, как бы другой горячий противный ветер не задержал их в пустыне на третий день, а у отряда уже не оставалось воды. Поэтому они снова выступили в путь еще ранее обычного, а когда наступило утро, слезли с седел и вели своих верблюдов в поводу, чтобы хоть как-нибудь поддержать силы животных. Совершенно неожиданно Лоуренс заметил, что один из его людей, Газим, пропал. Навьюченного верблюда без всадника вел один из арабов Ауды. Однако, повидимому, никто не беспокоился о том, что случилось с угрюмым арабом Газимом. Его спутником в дороге был сирийский крестьянин, который ничего не знал о пустыне и к тому же имел разбитого на ноги верблюда.

Лоуренс почувствовал, что если он хочет, чтобы за ним установилась репутация вождя арабов, а не только примкнувшего иностранца, он должен взяться за дело спасения Газима сам. Он повернул верблюда и один поехал обратно в пустыню. «Мое настроение было весьма не героическим, так как я был зол на своих слуг, на самого себя, игравшего роль бедуина, и больше всего, конечно, на Газима... Мне казалось бессмысленным, что я должен подвергать опасности свой авторитет, приобретенный у арабов, из-за подобного ничтожного человека». Лоуренсу пришлось проехать назад около полутора часов, пока, наконец, через движущийся мираж он не увидел какой-то предмет, который мог оказаться либо человеком, либо кустарником. Свернув с дороги и подъехав ближе, он увидел, что это был Газим, представлявший собой жалкую, едва передвигавшуюся фигуру. Лоуренс пристроил его на верблюде, расшевелил последнего и повернул обратно.

Стоны Газима пугали верблюда и заставляли его итти быстрее, что вызвало опасения Лоуренса за участь верблюда; но поскольку Газим продолжал стонать, Лоуренс свирепо пригрозил его выкинуть; угроза подействовала.

После того как они прошли несколько километров, темное пятно миража перед ними вдруг разделилось на три части и превратилось в Ауда и его двух спутников. «Я под-

нял их насмех и стал издеваться за то, что они оставили друга в пустыне. Ауда, пощипывая свою бороду, сердито заявил, что если бы он в это время был подле меня, он никогда не позволил бы мне поехать обратно в пустыню». Однако, когда они присоединились к каравану и спутники их стали выказывать досаду относительно поступка Лоуренса, рисковавшего своей жизнью и жизнью Ауды «из-за капризов», Ауда быстро ответил, что «он был очень рад показать городскому жителю разницу в отношении между племенем и городскими жителями, когда совместная ответственность и братство пустыни противопоставляются изолированной жизни и соперничеству, существующим в городах».

Оживленный обмен мнений, который последовал за этим инцидентом, несколько отвлек мысли от трудностей перехода. Через несколько часов, наконец, увидели песчаные холмы, изредка окаймленные тамариском. Это была их обетованная земля — Сирхан, где отряд мог почувствовать себя в сравнительной безопасности.

Тем не менее и эту ночь пришлось проспать без воды, так как достигли колодцев Арфажа лишь к 8 часам утра. Здесь провели день отдыха в относительно хороших условиях, но все же пришлось еще раз убедиться, что пустыня была не единственной опасностью и не единственной преградой на пути к осуществлению объединения арабов. Когда сидели вокруг костров и попивали кофе, неожиданно были осыпаны градом пуль. Один оказался смертельно раненым, и если бы не двоюродный брат Ауды, который моментально засыпал костер песком, последствия оказались бы серьезными. Под прикрытием темноты удалось найти свои винтовки и отбить нападение.

Опыт, приобретенный этим длительным переходом по пустыне, заставил Лоуренса усвоить еще одну привычку арабов, а именно — пить дотказа, когда это было возможно, и довольствоваться лишь несколькими глотками воды на протяжении ряда дней во время перехода между колодцами. Ему удалось также ближе ознакомиться с образом мыслей сирийских арабов. Когда продвигались от одного оазиса к другому, Нэзиб и Зэки рисовали картины того, как они засадят растениями и возродят эту страну, когда установят власть арабов. «Подобное пылкое воображение являлось типичным у сирийцев, которые легко убеждали себя в возможностях достижения чего-либо, а наряду с этим быстро перекладывали лежавшую в данное время на них ответ-

ственность на других». Последнее замечание Лоуренса основывалось на том, что когда он указал одному из сирийцев, что его верблюд весь покрылся чесоткой, тот пустился фантазировать о «государственном ветеринарном управлении», организованном по последнему слову науки, которое будет открыто, когда Сирия будет освобождена.

На девятнадцатый день своего путешествия отряд наконец добрался до одного из лагерей Ховэйтата. Отпраздновав вечером свое прибытие, они на следующее утро собрали торжественный совет, чтобы наметить план дальнейших действий. В первую очередь было решено отправить эмиру Шаалану подарок из шести мешков золота по 1 000 фунтов в каждом. Этим имелось в виду, с одной стороны, заставить его смотреть сквозь пальцы на набор войск, а с другой, — обязать помогать семьям и стадам ушедших воевать арабов. Вести переговоры поручили Ауде. Оставшиеся, включая Лоуренса, были объявлены гостями Ховэйтата, причем их угощали по два раза в день. Каждое утро торжественной процессией, сидя верхом на лошадях, которых вели под уздцы, гости подъезжали то к одной, то к другой палатке. Каждый раз подавалась неизменная пирамида баранины, окруженная стеной риса, в одном и том же огромном почетном баке. Посредине находились вареные бараньи головы, «уложенные таким образом, что уши, коричневые, как старые листья, висели над рисом». Затем вся пирамида поливалась кипящим салом из котлов, и гостей приглашали к еде. Сделав сначала вид, что не слышали приглашения, гости после повторных просьб начинали уговаривать друг друга пройти вперед и в конце концов, став на колени вокруг бака, засучивали рукава и одновременно погружали руки в горячую массу. Побуждаемые просьбами стоявшего у бака хозяина, гости уничтожали баранину с быстротой, возраставшей по мере наступившего молчания, что являлось условным признаком одобрения угощения. Когда наедался досыта самый прожорливый из гостей, Назир, бывший главным гостем, подавал знак встать.

Несмотря на всю свою сдержанность, Лоуренс сплошь да рядом не мог удержаться от желания нарушить торжественность подобных минут, передавая «отвратительного вида куски внутренностей» вместо отборных кусков баранины, которые, как требовал обычай, гости изредка передавали друг другу. Сам он приноровился к этому каждодневному угощению лучше даже, чем сирийцы, которые от подобного гостеприимства получили расстройство желудка.

30 мая пребывание отряда в этом лагере благополучно закончилось, так как все племя в сопровождении своих гостей двинулось на новые пастбища. Представившийся случай принять участие в этом переселении бедуинов был очень интересен, и весь переход прошел бы вполне спокойно, если бы не змеи, наводнившие в то лето Сирхан.

Итти ночью босиком было опасно, но и останавливаться тоже, так как змеи очень любили забираться под одеяла. Из отряда Лоуренса семь человек были укушены. «Лечение заключалось в перевязывании укушенного места пластырем из змеиной кожи и чтении молитв из корана, пока укушенный не умирал». Однако четверо из семи от подобного лечения выздоровели. Для Лоуренса, который испытывал ужас при виде всяких гадов, эти дни были испытанием, как и для большинства остальных, за исключением Дода, который приходил в восторг, пугая старших криком «змея!» Лоуренс строго запретил ему кричать «змея», а через час или два он заметил, как Дод и один из сирийцев улыбались и подталкивали друг друга локтями. Проследив за их взглядом, Лоуренс вдруг увидел у большого куста свернувшуюся кольцом коричневую змею, готовую на него броситься. Он моментально отскочил в сторону, в то время как один из его спутников прыгнул и убил змею своей палкой. «Я приказал дать этим мальчишкам по полдюжине ударов каждому, чтобы научить их не понимать моих слов в буквальном смысле, не считаясь ни с чем». Но к словам Лоуренса присоединились голоса других намучившихся из-за них людей, каждый из которых просил добавить от него еще шесть. В результате долг оказался таким большим, что наказание пришлось заменить и приговорить их в дальнейшем к таскániю воды по приказанию женщин, что было еще более унизительным.

Несколько дней спустя отряд встретил Ауду, возвращавшегося с охраной всадников Руаля, что являлось очевидным признаком успеха его миссии. Последние принесли присягу верности Назиру как представителю Фейсала. «Помимо официальных подарков, каждая партия вновь прибывавших приносила нам на ковер еще и свои собственные случайные подарки — вшей; в результате задолго до захода солнца Назир и я были в лихорадке, чередовавшейся с приступами раздражения».

Экспедиция постепенно продвигалась в северо-западном направлении от Сирхан. Достигнув Нэбка, решили начать свои приготовления к неожиданному нападению на Акаба,

Схема 2. Район восстания арабов в 1916—1918 гг.

который находился в юго-западном направлении на расстоянии около 350 *км*.

Пока Назир и Ауда обсуждали план нападения на Акаба, Нэзиб придумал совершенно другой план — триумфального марша на Дамаск. Повидимому, только один Лоуренс осознал всю опасность этого преждевременного шага, воображаемого покорения Сирии, которое в действительности окончилось бы тем, что они попали бы в лапы турок, так как отряд оказался бы отрезанным от Фейсала и от британских сил.

По мнению Лоуренса, Акаба был необходим для того, чтобы держать «дверь» в Сирию открытой; если бы попытались пойти прямо к Дамаску, дверь закрылась бы за ними и открыть ее вновь было бы трудно. Но это было еще не все. До тех пор, пока Акаба находился в руках турок, последние могли всегда воспользоваться им для создания угрозы тылу британского наступления в Палестине. Лоуренс ни на минуту не забывал о необходимости оказать помощь британской армии, а также не упускал из виду и того факта, что если арабам удастся занять Акаба, то будут все основания рассчитывать на получение еще большей материальной поддержки от англичан. Ценность арабов как маневренного отряда правого фланга сил Муррея, несомненно, больше, чем отряда, выполняющего задачу простого отвлечения противника. В то же время арабы осуществили бы и тактический принцип Лоуренса — расширения вглубь.

Чтобы предупредить возможность принятия плана Нэзиба, Лоуренс, хорошо зная существующую среди арабских вождей подозрительность, прибег к хитрости, заявив Ауде, что Нэзиб хочет с помощью своего плана присвоить себе роль вождя, а Назиру, что человек с такой родословной, как он, не должен позволять над собой властвовать Нэзибу.

Тот факт, что Лоуренс — этот пророк объединения арабов — применял на практике изречение древних римлян «разделяй и властвуй», несомненно, звучит иронией.

Казалось, что теперь — сознательно или бессознательно — перед ним открылись возможности подобной гегемонии личности, и, пожалуй, этим можно объяснить тот удивительный эпизод, который за этим последовал, а именно — его поездка протяжением в 700 *км* по Сирии.

Поскольку легкомысленный план немедленного наступления на Дамаск вместо конкретного плана взятия Акаба был расстроен, Нэзиб принялся за выполнение более легкой задачи — подготовки почвы для будущего восстания в Сирии.

Для развертывания пропагандистской кампании он направился в северном направлении.

Лоуренс также решил направиться на север, чтобы выяснить стратегические возможности тех мероприятий, которые он намеревался провести после взятия Акаба, а также ознакомиться с настроениями сирийских племен. Он был уверен, что ему удастся установить степень их преданности лучше, чем Нэзибу. Более того, появление среди них Нэзиба будет рассматриваться ими как признак последующего вмешательства Британии. Личное же вмешательство Лоуренса помогло бы успокоить их недоверие по отношению к конечным намерениям Англии, которые не особенно его радовали.

Свое путешествие по Сирии Лоуренс предпринял в состоянии безразличия, стараясь в опасностях забыть о том, как он клятвой подтверждал арабам добрые намерения Англии. Отвращение к двойственной игре своих соотечественников усиливалось раздражением, которое вызывало в нем слушание изо дня в день бесконечных рассуждений о планах Нэзиба. «Ну их всех к чорту,— думал он,— они собираются заварить здоровую кашу, но я из нее вылезу и покажу им».

3 июня Лоуренс уехал из Нэбка и возвратился лишь 16-го. Даже в своих «Семи столпах мудрости» он ничего не говорит о том, что он в то время делал. Легенда сплела фантастический узор об этих днях отсутствия Лоуренса, и это, повидимому, его забавляло. Причина заключалась, видимо, в том, что во время своей поездки он не вел никаких записей. Объяснялось это, во-первых, тем, что путешествие было далеким и совершалось быстро, а во-вторых, риском захвата документов турками. Однако по возвращении своем после взятия Акабы в Египет Лоуренс все же представил Клейтону доклад о своей поездке. Когда несколько недель спустя один из друзей Лоуренса попросил его показать этот доклад, он получил следующий ответ: «Я передал его Клейтону, у которого, когда он начал его читать, высоко поднялись брови (часть доклада носила юмористический характер, другая — непристойный, а в некоторых местах раскрывались ужасные секреты), и он впился в доклад. Я не думаю, чтобы кто-либо в Савойе читал когда-либо его весь. Это был документ, состоявший из трех страниц, в котором в сжатом виде был изложен отчет о двухмесячном переходе, довольно скучный для тех, кто не был знаком с политическими делами Сирии... Теперь это уже старая история».

Таковы несколько штрихов этой изумительной поездки. Никто из людей отряда с Лоуренсом не ездил; вместо них

его последовательно сопровождали местные проводники и среди них один старый шейх, которого Лоуренс знал еще до войны. Он проехал Бурга, который находится в пустыне, и постепенно сворачивал на северо-запад. По пути он достиг железной дороги Алеппо — Дамаск. Здесь он взорвал небольшой мост, как об этом было сообщено в телеграмме противника, во-время перехваченной Лоуренсом. Затем он свернул к югу, где ехал, воспользовавшись помощью, оказанной ему сирийскими революционерами. Лоуренс посетил многих из их вождей и обсудил с ними планы организации в нужный момент восстания, приняв, однако, все меры к тому, чтобы удержать их от преждевременного выступления.

В Дамаск Лоуренс не входил и не видел тех объявлений с его портретом, которые, как утверждали, были расклеены по городу с указанием цены за голову Лоуренса. На обратном пути он все же остановился в Зиза, чтобы повидать шейха. Когда Лоуренс спал, один из родственников шейха прокрался к нему в палатку и прошептал: «Они послали известить турок о том, что вы здесь». Лоуренс, конечно, не стал колебаться, выполз с задней стороны палатки, вскочил на лошадь и ускакал.

Наиболее же важным эпизодом всего путешествия была встреча с Шааланом, которого Лоуренс видел, возвращаясь в Нэбк. В то время Лоуренс не желал от Шаалана ничего большего, как благожелательного нейтралитета. Однако Шаалан находился в весьма нервозном состоянии, боясь, что присутствие Назира, собирающего себе в Сирхане войска, может скомпрометировать отношения его, Шаалана, с турками. К его великому удивлению, Лоуренс предложил ему «сообщить туркам, что они здесь»! Шаалан, конечно, не мог догадаться, что за этой неожиданной для него искренностью скрывалась стратегическая хитрость, рассчитанная на достижение двоякой цели: Лоуренс знал, что, облегчая создавшееся для Шаалана положение, он поможет арабам в достижении их цели; поставив же турок в известность о том, что экспедиция готова выступить, он заставлял их думать, что она представляет неминуемую угрозу для Дамаска, в то время как в действительности силы будут продвигаться к югу для захвата Акаба.

ГЛАВА VIII

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

ИЮНЬ — ИЮЛЬ 1917 г.

Когда Лоуренс вернулся обратно, он застал Ауду и Назира в ссоре. Однако ему удалось легко их помирить, и утром 19 июня экспедиция выступила в поход на Акаба, которому было суждено сделаться вторым переломным моментом в войне арабов. Численность экспедиционного отряда составляла всего лишь 500 человек. Первый переход надлежало сделать в западном направлении к Баиру — группе колодцев и развалин, имевших исторический интерес и находившихся на расстоянии примерно 70 *км* по прямой от Геджасской железной дороги.

На второй день, когда приблизились к Баиру, Ауда попросил Лоуренса поехать с ним вперед. Оказалось, что в Баире был похоронен сын Ауды, у которого последний хотел побывать на могиле. Пригласив с собой Лоуренса, он тем самым оказал ему уважение, как другу, с которым он собирался поделить свое горе. Первое, что они увидели, подъехав к Баиру,— это поднимавшийся из колодцев дым. Оказалось, что три колодца были разрушены динамитом. На их счастье самый небольшой колодец остался в целости, а исправив еще один, они предотвратили опасность остаться без воды. Однако это неожиданное открытие вызвало у них беспокойство, так как позволяло предполагать, что турки могли разрушить колодцы также и к востоку от Ма'ана, куда они собирались сделать следующий переход. Это заставило их остановиться в Баире на неделю, произвести разведку в Эль-Джефире, а наряду с этим выяснить настроение местных племен, на поддержку которых они рассчитывали.

План, который они наметили, предусматривал внезапный переход железнодорожной линии к югу от Ма'ана и захват Абу-Эль-Лиссала — большого родника в верхней части прохода. Таким образом взятие родника являлось как бы ключом к воротам, так как оно позволило бы им отрезать от Ма'ана турецкие посты, расположенные по дороге к Акаба, которые вследствие голода были бы вынуждены сдаться.

Для выполнения задуманного удара требовалось прежде всего успокоить подозрения турок. Сделать это казалось весьма трудным не только потому, что пустыня была местом, где слухи распространялись очень быстро и где каждый враждебно настроенный араб являлся прекрасным осведомителем турок, но также и потому, что Акаба являлся слишком очевидным объектом для нападения. Лоуренс положился в данном случае на неоднократно оправдавшую себя недальновидность турок и решил сыграть на их бестолковой подозрительности путем искусственного отвлечения их внимания. Нужно сознаться, что проделал он это весьма ловко.

Еще до начала экспедиции Лоуренс неоднократно намекал о намечавшемся наступлении на Дамаск. Шаалан помог ему, сообщив об этом туркам, которых он хотел предостеречь. В достижении своей цели Лоуренс рассчитывал также на неосторожную и бессознательную помощь со стороны Нэзиба. Кроме того, случайно в руки турок попали секретные документы Ньюкомба, содержавшие схему намечавшегося наступления через Тадмор на Алеппо.

Чтобы заставить турок еще больше поверить в возможность наступления на Дамаск, Лоуренс с сотней арабов предпринял набег в северном направлении на железнодорожную линию. Для того чтобы во-время вернуться обратно, требовалось совершить длительный и тяжелый переход, так как выбранное ими место находилось от Баира на расстоянии более 175 *км*. На второй день вечером они приблизились к мосту, но совершенно неожиданно для себя нашли его хорошо охранявшимся. Тогда решили продвинуться еще севернее, надеясь найти другое, более подходящее место для укладки мины. Поскольку Лоуренс хотел создать у турок впечатление, что главные силы арабов находятся поблизости, он решил, что захватить поезд будет еще более эффективным, чем подорвать мост. Удалось найти многообещавший участок и занять выжидательную позицию на скалистом амфитеатре с противоположной стороны близлежащего холма.

Утром поднялась тревога, так как неожиданно появился отряд турок на мулах. Однако удалось, не обратив на себя внимания противника, выбраться из позиции, которая могла оказаться ловушкой, и перебраться на другой холм. Отсюда с наступлением темноты Лоуренс спустился к железнодорожной насыпи и заложил в дренажный сток под полотном большую автоматическую мину. Следующее утро было проведено в томительном ожидании поезда, которое днем было прервано появлением турецкого отряда. Хотя противник и был вдвое сильнее, все же арабы хотели его атаковать, рассчитывая на внезапность нападения и на большой собственный вес верблюдов по сравнению с мулами, как на дополнительное преимущество. Арабы заявляли, что в конном бою они всегда смогут одержать верх над турками, и считали, что их потери будут не больше пяти-шести человек. Однако Лоуренс отказался дать свое согласие на нападение, считая это слишком дорогой ценой за успех, который для их набега, преследовавшего лишь отвлечение внимания противника, по сути дела являлся излишним.

Но у Лоуренса имелись еще и другие мотивы: он не желал обременять себя пленными, а наряду с этим опасался, что добыча в виде 200 мулов могла оказаться настолько «жирным блюдом», что у арабов пропал бы аппетит к Акаба.

Но поезд так и не появился. Из-за отсутствия воды отряд больше ждать не мог. Тогда с наступлением темноты они спустились к железнодорожной линии, подорвали путь на поворотах, с целью затруднить его исправление в дальнейшем, и заложили мину, чтобы взорвать ремонтный поезд. После этого направились к югу, пересекая хорду Амманского поворота железной дороги, пока не приблизились к маленькой станции. Здесь вид турецкого солдата, гнавшего стадо овец, оказался для голодных арабов слишком большим соблазном, чтобы они могли устоять. Небольшой отряд подкрался к группе турецких офицеров и служащих, сидевших за кофе у станционной кассы. Выстрел, которым был убит наповал самый толстый из них, послужил сигналом для нападения и грабежа станции. Воспользовавшись паникой, арабы угнали овец в горы. Турки успешно защищались на одной половине станции, но арабы подожгли другую, разобрали рельсы, оборвали провода на большом протяжении линии и ушли, не потеряв ни одного человека. Затем, отойдя на несколько километров, они расположились на отдых, зарезали и зажарили овец, а утолив свой голод, ночью отправились в Баир.

Здесь их ожидали приятные вести. Назир получил запас муки на неделю, обеспечивавший им свободу маневрирования, и добился обещания поддержки со стороны кланов. Кроме того, прибыл посланный от Шаалана с известием о том, что в поиски за ними турки выслали кавалерийский отряд численностью в 400 человек, который проводники водили самыми длинными дорогами.

Было весьма важно воспользоваться создавшейся благоприятной обстановкой, а потому 28 июня экспедиционный отряд выступил. Прибыв в Эль-Джефир, обнаружили, что все колодцы были разрушены. Все же посчастливилось, исправив один из них, достать воды, а заодно насладиться сознанием, что удалось обмануть турок, которые, разрушив колодцы, чувствовали себя в безопасности. Было решено произвести нападение за два дня до выхода из Ма'ана турецкого каравана с припасами, который каждую неделю доставлял продовольствие постам, расположенным на дороге в Акаба. Тем временем, как было договорено ранее, блокгауз, прикрывавший подход к Абу-Эль-Лиссал, был захвачен местными арабами.

1 июля, в тот момент, когда об этом было получено известие, экспедиция направилась к железной дороге. Достигнув последней, она взорвала на большом протяжении мосты, чтобы заставить гарнизон Ма'ана направиться к югу, а не к юго-западу, в Абу-Эль-Лиссал. Однако их надеждам не суждено было сбыться, так как пришло неприятное сообщение о том, что появилась турецкая колонна, оттеснявшая арабов от блокгауза.

В действительности появление турок у блокгауза оказалось чисто случайным. Только что прибывший в Ма'ан для смены батальон турок уже выстраивался во дворе станции, чтобы направиться в казармы, как вдруг пришло известие о нападении на блокгауз. Захватив с собой горное орудие, батальон тотчас же выступил на помощь, еще до того, как могло поступить сообщение о разрушении железной дороги. Найдя блокгауз превращенным в развалины, командир батальона расположился лагерем.

Подобная неудача послужила для Лоуренса хорошим уроком, доказав, что на войне случайности могут разрушить самый лучший план, если только он не имеет вариантов. Найти же вариант в создавшейся обстановке было трудно. В тот самый момент, когда было получено указанное ранее неприятное известие, люди Назира взвалили свой багаж на верблюдов и моментально выступили. Проехав всю ночь,

они к рассвету достигли холмов близ Абу-Эль-Лиссал. Становилось ясно, что теперь уже не могла помочь никакая стратегия выжидания, в связи с чем был быстро разработан план боя.

Продвигаясь вдоль лежавших полукругом холмов, арабы растягивались до тех пор, пока не окружили еще спавший лагерь, перерезали телеграфные и телефонные провода на Ма'ан. Затем снайперским огнем они стали подбивать турок, рассчитывая заставить их пойти в атаку на холмы. Поскольку арабы все время находились в движении, появляясь и исчезая то в одном, то в другом месте, турки фактически не имели цели для огня, и их горная пушка лишь зря расстреливала снаряды. Зной был настолько силен, что бой, требуя в подобных условиях огромного напряжения сил, в конце концов сделался пыткой.

Решительные действия были предприняты под влиянием оскорбления. Лоуренс, истомленный зноем, не видя перед собой выхода из создавшейся обстановки, подполз к яме, где находилось немного воды, чтобы хоть смочить себе губы. К нему присоединился Назир. Немного спустя появился Ауда. Презрительно улыбаясь при виде их слабости и напомнив Лоуренсу о тех критических замечаниях, которые тот раньше делал, Ауда спросил, какого он теперь мнения об арабах племени ховэйтат. Однако вместо похвал Лоуренс презрительно ответил: «Стреляют они действительно много, но попадают мало».

Ауда сорвал с себя головное покрывало, бросил его на землю и стремительно побежал вверх по холму, как одержимый, созывая своих людей, которые сначала собрались вокруг него, а затем бросились вниз врассыпную. Лоуренс, встревоженный последствиями своего замечания, поспешил за Аудой, которого он нашел одного на вершине холма. Единственно, что Ауда сумел сказать, было: «Берите вашего верблюда, если хотите увидеть, как я могу сражаться».

К тому моменту, когда Назир и Лоуренс достигли нижнего яруса, где находились верблюды, Ауда с 50 всадниками уже исчез. Лоуренс поехал вперед к краю и увидел арабов несущимися по склону горы в долину полным галопом и обстреливающими на ходу турецкую пехоту, которая только что построилась, чтобы отправиться обратно в Ма'ан. Кавалерия врезалась в тыл; при виде ее турки заколебались, а затем внезапно разбежались.

Назир прокричал Лоуренсу: «Вперед!» 400 всадников на

верблюдах понеслись со склона горы. Поскольку все внимание турок было сосредоточено на Ауда, новая атака на них также оказалась полнейшей неожиданностью. Лоуренс с Назиром врезались во фланг, и эта атака верховых верблюдов, несшихся с большой скоростью, была неотразима.

Поскольку сам Лоуренс ехал на скаковом верблюде, он обогнал всех и был один, когда врезался в ряды турок. Верблюд внезапно упал, и он вылетел из седла, как ракета, причем пролетел довольно большое расстояние, прежде чем упал на землю. К счастью, однако, тело верблюда послужило ему прикрытием, разделяя массу нападающих на два потока, так как в противном случае атаковавшие пронеслись бы по нему и затоптали его ногами животных.

Когда Лоуренс пришел в себя, бой прекратился. Он продолжался всего лишь несколько минут и, как большинство успешных кавалерийских атак, в действительности оказался резней, удавшейся благодаря внезапности и быстроте. Было убито 300 турок, прежде чем арабы удовлетворили свое чувство мести, а сверх того 160 человек, большей частью раненых, были захвачены в плен. У арабов было только двое убитых. Ауда был опьянен успехом: он доказал Лоуренсу, чего могло добиться его племя ховэйтат. Его одежды и кобура его револьвера, ножны и полевой бинокль были пронизаны пулями, но сам Ауда даже не был поцарапан — чудо, которое он приписывал восьмипенсовой репродукции корана, изданной в Глазго, за которую несколько лет перед тем он по глупости заплатил 120 фунтов стерлингов.

Из показаний пленных удалось узнать, что в данное время в Ма'ане имеется только две роты. Поэтому было весьма соблазнительно повернуть в сторону и сразу же захватить Ма'ан, так как подобный случай опять не повторится, поскольку турки, вероятно, вскоре пришлют подкрепления. Арабы племени ховэйтат настаивали на необходимости воспользоваться этой возможностью; к этой идее склонялся и сам Ауда.

Лоуренс не хотел отвлекаться в сторону от своей стратегической цели, соблазняясь тактическим успехом. Ему было совершенно ясно, что для успешного продолжения его стратегического плана была необходима база, и он мог получить ее, лишь захватив Акаба. Если бы арабы теперь отправились в Ма'ан, они вскоре оказались бы выброшенными оттуда, а затем отрезанными от припасов или поддержки.

В то время как стратегические размышления Лоуренса удержали арабов от поворота обратно к Ма'ану, тактический инстинкт Ауды, связанный с его суеверным страхом пребывания среди мертвецов, явился причиной того, что арабы вновь выступили в поход в ту же ночь. В то время, когда отряд находился в ложбине, были продиктованы письма к шейхам прибрежных племен, извещавшие о победе и предлагавшие им вступить в бой с турецкими гарнизонами, пока не подойдет отряд. В следующей серии писем, предназначавшихся командирам трех турецких постов, лежавших на дороге к Акаба, говорилось следующее: «Если у нас кровь не будет разгорячена, мы будем брать пленных; в случае немедленной сдачи мы гарантируем им хорошее обращение и безопасную доставку в Египет». Таким образом Лоуренс подготавливал неприятелю возможность сдачи.

Сразу же по пятам за посланцами шла армия. Она была похожа на турецкую армию, так как арабы, следуя обычаю первобытных победителей, надевали обмундирование, снятое ими со своих мертвых врагов. Пройдя 8 *км* через плато, увидели расстилавшуюся внизу перед ними равнину Гувейра. По мере того как колонна спускалась вниз по спиральному спуску, стала понятна вся безнадежность любого наступления с моря даже в том случае, если бы каким-либо чудом дорога от Акаба к Гувейра была открыта.

Усталость и наличие пленных затрудняли переход. Когда сделали привал на ночь недалеко от Гувейра, то оказалось, что прошли только около 225 *км*. Здесь отряд был встречен местным шейхом, который сообщил, что гарнизон Гувейра численностью в 120 человек сдался. Это устранило одно из наиболее серьезных препятствий на пути.

На следующий день, 4 июля, они приблизились к Кесира. Здесь, к своему великому разочарованию, они узнали, что начальник этого поста, расположенного на вершине командовавшего долиной утеса, решил оказать сопротивление. Они предложили своему новому союзнику шейху доказать свою преданность и с наступлением темноты атаковать пост. Поскольку эта перспектива не улыбалась шейху, он заявил, что полнолуние испортит все дело. Лоуренс, у которого в дневнике было отмечено, что в этот день должно быть затмение, не принял его объяснения, пообещав, что сегодня вечером некоторое время луны не будет. Затмение наступило, и в то время как суеверные турецкие солдаты стреляли из ружей и били в медные горшки, «чтобы спасти находившуюся в опасности луну», арабы взобрались по скале

и внезапной атакой захватили пост, причем взяли в плен 70 человек пехоты и 50 кавалеристов.

На следующий день арабские части спустились в ущелье, настолько узкое, что в некоторых местах ширина его достигала нескольких ярдов. Имелось много мест, где «одна рота с двумя или тремя пулеметами могла бы задержать целый армейский корпус». Чтобы предотвратить приближавшуюся угрозу, гарнизон Акаба численностью в 300 человек поспешно отошел в глубь страны с целью укрепить оборону. Однако все окопы были обращены фронтом к морю и, таким образом, совершенно не защищены от неожиданного наступления с тыла. Местные же племена, жаждавшие своей доли грабежа, уже восстали и окружали турок.

Туркам дважды посылалось предложение о сдаче, но ответом являлся лишь град пуль. Многие бедуины настаивали на том, чтобы пойти на приступ. Расчеты Лоуренса принудить турок к сдаче города были в значительной степени поколеблены недостатком продовольствия у своей собственной армии. Однако третья попытка была также сделана с помощью морального воздействия. На этот раз гарнизон обещал сдаться через два дня, если не подоспеет помощь из Ма'ана. Турецкому офицеру на это было указано, что арабы не могут выжидать так долго и что затяжка приведет к резне. Турки уступили, обещая сдаться к рассвету.

Ночью в большом количестве появились новые племена, собравшиеся, как мухи на мед, и, не зная о существовавшей договоренности, 6-го с рассветом открыли по туркам огонь. Тогда вмешался Назир, появление которого заставило обе стороны приостановить военные действия. Как только стрельба прекратилась, турки сразу сдались.

Прошло два месяца с того момента, как экспедиция покинула берег моря у Вэджа. С тех пор она прошла по огромной кривой через пустыни Аравии, причем самый длинный круговой путь оказался самым легким.

Взятие Акаба было похоже на внезапный прорыв туч, нависших над египетским фронтом весной и летом 1917 г. С точки зрения морального эффекта оно являлось единственным реальным достижением, которое можно было противопоставить двойной неудаче британских сил у Газа. Со стратегической точки зрения этот успех устранял какую бы то ни было опасность турецкого наступления через Синай против Суэцкого канала или против сообщений британской армии в Палестине. Он открывал также новый фронт военных действий, на котором арабы могли оказывать суще-

ственную поддержку возобновившемуся наступлению англичан.

Тактически падение Акаба означало для противника потерю свыше 1 200 человек пленными и убитыми, арабы же потеряли убитыми только двух человек. С точки зрения экономии сил операция, проведенная у Акаба, была замечательной: все было достигнуто использованием менее чем 50 человек из арабских сил в Геджасе. Как практическая экономия британских сил она была еще более удивительной, так как была выполнена путем откомандирования всего лишь одного нежелательного офицера из английских частей в Египте.

Еще бо́льшим был конечный эффект взятия Акаба, так как это событие обеспечивало дальнейшее распространение на турецких флангах «арабской язвы», подтачивавшей силы турок и игравшей на их нервах.

За девять дней до взятия Акаба, 27 июня, в Египет прибыл новый командующий, сэр Эдмунд Алленби.

ГЛАВА IX

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

ИЮЛЬ 1917 г.

Лоуренс не видел Акаба более трех лет. Теперь он прибыл туда при совершенно иных обстоятельствах, которые придавали знакомым ему местам особый интерес. Залив Акаба может быть изображен в виде опрокинутой буквы «П». В правом углу имелся небольшой городок, превращенный неоднократной бомбардировкой с моря в жалкие развалины. В левом углу находилась группа красных скал, обращавших на себя внимание с моря. Несколько вниз по левому краю был расположен маленький островок, в давние времена охранявшийся крестоносцами. Сам залив был удлинен узкой полосой земли, проходившей между высокими скалами по направлению к Мертвому морю. Дальше от нее на правой стороне, в нескольких километрах за Акаба, расходилось ущелье Итм, которое вело к Ма'ану.

После первого прилива ликования, перед Лоуренсом вырисовалась необходимость решить продовольственную проблему. Предстояло накормить 500 человек его отряда, 700 пленных и несколько тысяч новых союзников, а между тем не имелось никаких припасов, за исключением зеленых фиников, которые могли дать пальмы, и мяса, которое можно было получить от верблюдов. Доказав свои таланты полководца, Лоуренс должен был теперь проявить таланты начальника снабжения. Случилось это потому, что благодаря своему неожиданному отъезду он не произвел той предварительной, тщательной подготовки к совместным действиям с морскими силами, как при наступлении на Вэдж. Правда, Бойль обещал ему, что корабль будет заходить в залив Акаба возможно чаще, однако проблема была

осложнена неопределенностью времени, а также турецкими минами, поставленными у морских подходов к Акаба. В результате, когда Лоуренс достиг Акаба, он узнал, что примерно за час до его приезда показалось британское судно, которое затем ушло. Это, конечно, означало, что он вряд ли может надеяться на ближайший заход корабля ранее чем через неделю.

Таким образом перед ним возникли две проблемы или, вернее, две стороны одной проблемы: как закрепить за собой захваченный город и как его удержать с пустым желудком.

Решение первой задачи соответствовало новой теории Лоуренса о ведении войны. Защита всех возможных подступов к Акаба была обеспечена не рядом зависимых друг от друга постов, а четырьмя независимыми постами, расположенными в пунктах, по характеру местности неприступных. При этом посты эти были расположены с таким расчетом, чтобы каждый из них угрожал неприятельскому тылу, если бы противник попытался воспользоваться другими подступами. Таким образом ни один пост не мог быть взят легко и ни один пост не мог быть оставлен противником без внимания. Это казалось хорошим методом для того, чтобы парализовать инициативу наступающего.

При разрешении второй и более неотложной части проблемы Лоуренс решил отправиться через пустыню Синай в Суэц и добиться присылки оттуда судна с продовольствием. Предприятие это было весьма рискованным. Требовалось проехать около 240 *км* по пустыне, а между тем по дороге имелся всего лишь один колодец. Если бы «сдал» хоть один из спутников, то он был бы обречен на гибель. Верблюды же и люди в момент выезда были очень усталыми. Сам Лоуренс за прошлый месяц делал в среднем по 90 *км* в день.

Выбрав восемь лучших наездников и верблюдов, Лоуренс вечером в день прибытия в Акаба отправился с ними в путь. Продвигаясь вдоль побережья бухты, они обсуждали, как ехать: медленно ли, рискуя свалиться от голода, или же быстро, рискуя «сдать» от истощения. В конце концов решили ехать шагом, но ехать почти непрерывно. По сути дела это означало перенесение всей тяжести путешествия с верблюда на всадника.

Вскоре наступило первое испытание, так как пришлось совершить крутой подъем на Синайскую возвышенность. Когда достигли вершины, люди и верблюды дро-

жали от усталости, а один верблюд, оказавшийся совершенно непригодным, был отправлен обратно, пока еще не было поздно.

Примерно в полночь достигли колодца. Дальше до самого Суэца воды в пути не было. В полдень уже ехали среди песчаных дюн, а в 3 часа усталые, но удовлетворенные въезжали в Шатт — пост, расположенный на канале против Суэца.

Пост оказался покинутым. Не было никого, кто мог бы сказать, что войска вследствие разразившейся эпидемии чумы перешли в лагерь, расположенный в пустыне. Найдя телефон в пустых комнатах поста, Лоуренс позвонил в штаб Суэц. Оттуда сообщили, что ему следует обратиться в отдел водного транспорта за получением пропуска на переезд через канал. Позвонив туда, он получил ответ, что сейчас нет свободной шлюпки, но таковая будет прислана утром и доставит его в карантинный пункт. После этого в отделе водного транспорта повесили трубку.

«Я решил, что не проведу больше ни одной лишней ночи со вшами. Я хотел принять ванну и жаждал выпить чего-нибудь со льдом, переменить одежду, которая прилипала к моим грязным ранам, натертым седлом, поесть чего-нибудь более удобоваримого, нежели незрелые финики и верблюжьи жилы. Я снова соединился с отделом водного транспорта и пустил в ход все свое красноречие. Поскольку это не произвело никакого эффекта, мой разговор сделался более оживленным. Тогда еще раз повесили трубку. Я уже стал выходить из себя, как вдруг услышал с центральной станции чей-то голос с хорошо знакомым мне северным акцентом: «Сэр, говорить с этими... бесцельно...».

В результате, по инициативе дежурного телефониста Лоуренс был соединен с майором Литтльтоном из управления перевозок. Последний тотчас же пообещал прислать за ним свой катер, попросив, однако, Лоуренса не рассказывать о том, что он нарушил существующие правила. Через полчаса пришел катер и доставил Лоуренса на другую сторону Суэцкого канала, где, преодолев проявлявшуюся к нему подозрительность обслуживающего персонала в отеле «Синай», он выпил шесть бокалов прохладительных напитков, взял горячую ванну, хорошо пообедал и лег спать.

На следующий день с билетом и пропуском в кармане он сел в поезд, отправлявшийся в Каир. По пути ему снова пришлось встретиться с казенным отношением, но на сей

раз он достаточно отдохнул, чтобы позволить себе поиздеваться. Военный контроль в дороге с большой подозрительностью поглядывал на этого англичанина в белых шелковых одеяниях с голыми ногами. Вместо того чтобы показать свой пропуск, он кратко заявил: «Я шериф Мекки — из штаба». — «Какой армии, сэр?» — «Мекка». — «Никогда не слышал о ней и не знаю ее формы». Тогда Лоуренс добавил: «Разве вы не узнаете черногорского драгуна?»

Поскольку войскам союзников было разрешено ездить по железной дороге без пропусков, военному контролю пришлось послать телеграмму по линии с вызовом специального человека из контрразведки. Когда тот, обливаясь потом, явился в поезд, Лоуренс предъявил ему свой пропуск. Конечно, неудачный поимщик шпиона так и не оценил всей шутки.

Как раз в это время поезд подходил к Измаилие, и здесь на платформе Лоуренс увидел адмирала Вэмисса, разговаривавшего с каким-то неизвестным генералом. Лоуренс воспользовался этим, чтобы переговорить с начальником штаба Вэмисса — капитаном Барместер. В первое мгновенье Барместер не узнал Лоуренса — настолько тот загорел и настолько длительное утомление изменило его наружность, но как только он понял, что перед ним стоит Лоуренс, всевозможные формальные преграды, на которые тот натыкался в Суэце, тотчас же исчезли. Обрадованный неожиданным для него известием о взятии Акаба, Барместер немедленно приказал приступить к погрузке продовольствия, какое только можно было достать в Суэце, и направить его в Акаба.

От Барместера Лоуренс узнал, что неизвестный генерал, беседовавший на платформе с Вэмиссом, и есть Алленби, присланный для замены Муррея после вторичной неудачи британских войск, что для Лоуренса также оказалось новостью. Он подумал: «Неужели и этот полный, багровый человек окажется таким же, как и все генералы, и опять придется затратить не меньше полгода на его обучение?»

Лоуренсу не пришлось долго ждать случая ознакомиться со взглядами Алленби. По прибытии в Каир он сделал доклад Клейтону и договорился с ним о том, что в самое же ближайшее время в Акаба будет послано 16 000 фунтов золотом для выкупа Назиром тех «векселей», которые выпустил Лоуренс. Это были долговые расписки, написанные карандашом на военных телеграфных бланках, в которых давалось обязательство уплатить в Акаба предъявителю

сего «столько-то». Это была замечательная система, однако, поскольку до этого никто не осмеливался выпускать векселя в Аравии и для того, чтобы в дальнейшем преодолеть имевшиеся у арабов в этом отношении предубеждения, являлось весьма важным произвести выкуп их как можно скорее. Прежде чем Лоуренс получил заказанное им новое обмундирование, он был вызван к Алленби.

«В своем докладе Алленби я подчеркнул стратегическое значение восточных племен Сирии и необходимость их соответствующего использования как угрозы сообщению Иерусалима с другими пунктами. Это вполне совпадало с его честолюбивыми намерениями, и он захотел определить мою ценность».

В течение почти трех лет пребывания во Франции Алленби был объектом суровой критики. Его всем известное прозвище «бык» хорошо подходило и к действиям Алленби против неприятеля и его отношению к подчиненным. Как кавалериста до мозга костей, позиционная война удручала его до последней степени и заставляла несколько раз предпринимать атаки, которые не оправдывались ни обстановкой, ни знанием действительного положения вещей. В других случаях, когда он проявлял намерения воспользоваться возможностями внезапного нападения на противника, артиллеристы расстраивали его планы, доказывая необходимость проведения предварительной артиллерийской подготовки, и он, не будучи в состоянии противопоставить что-либо их техническим доводам, сдавался. Его утомляла также подчиненность Хэйгу, человеку такой же решимости, как и он сам, но с более ортодоксальным методом мышления, которого Алленби превзошел как начальник колонны в Южной Африке, но который опередил его в продвижении по службе. Существовавшие между ними натянутые отношения основывались не только на различии в характерах. Алленби по своей натуре был человеком, который мог с бо́льшим успехом проводить в жизнь свои собственные планы, чем планы кого-либо другого. В этом отношении у него было большое сходство с Лоуренсом. Во всем остальном они были совершенно различны.

Назначение Алленби в Египет было поворотным моментом в его карьере, как это оказалось поворотным моментом и для Лоуренса.

Но даже и при этом Лоуренс предполагал, что «едва ли Алленби с трудом выносил тяжесть войны на Западном фронте; на этом же новом театре военных действий, более открытом и менее оснащенном техникой, он нашел поле

для применения своих способностей. Его не нужно было долго убеждать в необходимости немедленных действий.

Алленби был подготовлен встретить в моем лице маленького босоногого человека, закутанного в шелковое одеяние и предлагающего затруднить движение противника своими теориями, если ему будут даны продовольствие, оружие и деньги в сумме 200 000 фунтов. Чувствовалось, что Алленби никак не мог понять, сколько во мне было действительно надежного человека и сколько шарлатана. Я так и оставил его решать эту загадку без всякой помощи».

В беседе с Алленби Лоуренс проявил все свое красноречие, изложив ему свои мысли о Восточной Сирии, населявших ее народностях и о той политике, которой следует придерживаться. Под конец Алленби кратко заявил: «Хорошо, я сделаю для вас все, что могу». В дальнейшем Лоуренс постепенно убедился в том, «что генерал Алленби может сделать для своего самого личного помощника». 200 000 фунтов стерлингов в дальнейшем были увеличены до 500 000 фунтов стерлингов.

Обещание Алленби оказывать поддержку вдохновило Лоуренса разработать новый план и представить его Клейтону.

Беседа с Алленби показывает ту перемену, которая произошла в Лоуренсе за семимесячный период перехода, проделанного им между Янбо и Акаба. Перед тем как отправиться в Янбо, он, будучи назначен к арабам в качестве советника, пытался избежать ответственности. Теперь он сам искал ее и притом в гораздо большей степени, так как являлся руководителем. Теперь ему было не все равно, в чьих руках будут находиться бразды правления.

Желанием Лоуренса было — стать «некоронованным королем». Он не добивался права командовать, а хотел лишь того, чтобы на арабском театре войны были приняты его политика и стратегия, чтобы его новый «северный» план был официально принят.

Лоуренс обладал удивительной способностью схватывать детали; в этом отношении его доклады по линии разведки представляют собою редкое сочетание широкого взгляда и мельчайших подробностей. Я поражался также его сверхметодической организацией какого-либо пустякового дела. Наконец, проявить в решающий момент необходимую изобретательность мог только он один. Он сам говорил: «Если

бы мне пришлось встретиться с 50 задержками, я смог бы найти 51-й выход из положения для достижения поставленной мною цели. Но для того, чтобы быть главою всего, я должен был избавить себя от заботы о грузах риса или муки, доставляемых транспортами».

Что касается самой программы действий, то теперь вместо освобождения Геджаса, фактически уже осуществленного, предусматривалось освобождение Сирии. Главное различие между этими странами заключалось в том, что первая была почти пустыней, а вторая — страной, в основной своей части обрабатываемой. Новая проблема требовала нового подхода. Лоуренс понимал, что арабские племена на севере можно было освободить только с помощью британской армии, наступление которой в северном направлении являлось совершенно необходимым для того, чтобы опрокинуть турецкое государство, которое арабы могли подорвать. Помощь британской армии была необходима арабам так же, как помощь арабов была необходима англичанам. Однако связь между ними не должна была быть слишком близкой; наоборот, если англичане и арабы станут действовать не совместно, а как бы порознь друг от друга, это будет лучше как из стратегических, так и политических соображений. Такова была идея Лоуренса, и со стороны Алленби она встретила полную поддержку. «Мы договорились, что нас будут разделять Мертвое море и Иордан до того момента, пока он не даст мне знать, что направляется в Амман, а я не уведомлю его, что произвожу набор арабов в Синае». С точки зрения стратегии это означало приспособление не к кочевым, а к постоянным условиям существования. Теоретически казалось более легким возбудить стремление к единству у того народа, который привязан к своим полям. Практически же это единство могло распасться на части вследствие деления народа на племена, кланы и т. д.

Сирия представляла собой как бы разноцветное одеяло, сшитое из различных кусков оттоманским правительством одной ниткой, являвшейся общим языком — арабским.

Мальчишеская мечта Лоуренса об единой Аравии разлетелась впрах при соприкосновении с арабской действительностью, в особенности с сирийцами [1]. Однако в мечтах он видел возможность вдохновить их на восстание против ту-

[1] Не лишено интереса мнение, которое в этом отношении было высказано мне Лоуренсом: «Я всегда смотрел на вещи реально и на деле был оппортунистом. Единство арабов — фантазия сумасшедшего, по крайней мере, для данного столетия, пожалуй, и для следующего.

рок. Объединение было бы временным, но оно оказалось бы достаточным, чтобы расшатать устои Турецкой империи и обеспечить победу. Для того чтобы вызвать взрыв, Лоуренс должен был зажечь их воображение. Объединение должно было захватить своей новизной. Но чтобы у арабов не возникало никаких подозрений, это объединение не должно было быть осуществлено европейцами, так как в противном случае оно тревожило бы воображение объединяемых. Объединение должен был провести Фейсал, являвшийся олицетворением прежней славы династии.

В стратегическом отношении новая кампания должна была иметь целью Хаурам. Чтобы добраться до него, потребовалось бы мобилизовать новый ряд племен, подобно тому, как это делалось на переходе из Вэджа в Акаба. Пришлось бы опять итти обходными путями по пустыне, и нужно было достигнуть отстоявшего на 325 *км* оазиса, который представлял собой выдвинутую вперед базу для операций против Хаурама.

С точки зрения стратегии, проведение новой кампании явилось бы повторением старого, но, благодаря уже приобретенному опыту, более совершенного. Лоуренс вспомнил изречение: «Тот, кому принадлежит господство на море, пользуется большой свободой и может по своему усмотрению принимать в войне большее или меньшее участие». Война, которую вел Лоуренс, была скорее войной елизаветинских времен, чем современной войной Фоша, и господство над пустыней принадлежало арабам. Не без основания верблюд был назван «кораблем пустыни». Операции в пустыне должны быть похожи на морские войны своей подвижностью, «своей повсеместностью, независимостью от баз и коммуникаций, отсутствием особенностей сухопутных войн — стратегических районов, определенных направлений, определенных пунктов.

Группы всадников на верблюдах, имеющих при себе, как и корабли, все необходимое, могут безопасно крейсеровать вдоль любой части сухопутного фронта противника. Находясь вне видимости его постов, они могут совершать набеги на линии противника в тех местах, где это оказывается легче всего осуществимым и наиболее выгодным, всегда имея за собой возможность отступить туда, куда турки войти не могут». Свобода передвижения арабов была

В этом отношении можно провести хорошую параллель для сравнения — единство народов, говорящих на английском языке. Мне никогда не приходило в голову объединять даже Геджас и Сирию. Я мыслил себе лишь возможность создания ряда государств». — *Л. Гарт.*

подкреплена исключительным знанием пустыни Сирии. Перед войной Лоуренс сам прошел бо́льшую часть ее пешком.

Тактика, которую Лоуренс собирался применить, всегда должна была соответствовать правилу «опрокинуть и бежать», «наносить не толчки, а удары». Арабы никогда не должны удерживать или развивать превосходство. «Они должны отступать и вновь наносить удар где-нибудь в другом месте».

Необходимые для этой «дальней войны» быстрота и радиус действия достигались выносливостью арабов и их умением управлять этим «сложным животным» — верблюдом, который, так же как танк, показывает в умелых руках удивительные результаты, в неумелых же легко «сдает». Арабы были свободны от затруднений, связанных с тщательно разработанной системой снабжения, которая также сковывала стратегическую способность передвижения современных армий, как пулемет сковал их тактическую подвижность. Каждый человек снабжал себя сам, имея в седле запас продовольствия на шесть недель — полмешка муки весом в 45 фунтов, из которой он сам выпекал себе лепешки. «Это определяло нашу возможность совершать большие переходы, давало нам жилье и... было больше того, что нам когда-либо требовалось даже в такой огромной стране, как Аравия». Да и сами верблюды на худой конец могли оказаться пайком, правда, настолько жестким, что справедливо назывались «железным пайком». Сами же верблюды жили тем кормом, который им встречался по дороге. В результате, после шести недель езды они становились тощими и нуждались в отправке их на продолжительный срок на пастбище, что фактически означало необходимость замены верблюдов или одного племени арабов другим.

Новая стратегия была хорошо приноровлена к условиям жизни племен. «Соединять или смешивать одни племена с другими было невозможно, так как они либо не нравились, либо не доверяли друг другу. Точно так же мы не могли воспользоваться людьми одного племени на территории другого». Для сосредоточения сил это обстоятельство являлось бы серьезнейшим препятствием, но оно вполне соответствовало принципу широчайшего рассредоточения сил, позволяя арабскому командованию осуществлять в одно и то же время наибольшее число набегов. «Используя в понедельник один район, во вторник — другой, а в среду — третий, мы достигали гибкости и маневренности».

ГЛАВА X

БОРЬБА ЗА БАЗУ

АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ 1917 г.

Первое определенное предложение Лоуренса в отношении новой кампании заключалось в том, чтобы оставить Вэдж и перевести все силы Фейсала в Акаба. Когда военное руководство в Каире стало проявлять колебание в отношении принятия этого смелого предложения, Лоуренс усилил свою настойчивость, требуя удаления с территории Янбо — Медины всех складов и денежных средств, которые использовались для поддержки операций Али и Абдуллы. Когда Фейсал был далеко на фланге Геджасской железной дороги, а войска Алленби находились перед Газа, угрожая вступлением в Палестину, турки, повидимому, не усиливали своего гарнизона в Медине. Важно было предотвратить возможность ослабления ими гарнизона, а также попытки оттянуть свои силы к северу. Ослабление нажима на юге могло бы помочь в этом отношении, не вызывая серьезной опасности для арабов в Геджасе

Акаба находился на расстоянии всего лишь 225 *км* от позиции британских войск, в то время как от Мекки отстоял на расстоянии 1 225 *км*. Поэтому Лоуренс предложил, чтобы отряд Фейсала был переведен из сферы руководства Гуссейна и превратился бы в автономную армию под начальством Фейсала, подчиненную верховному командованию Алленби. Оправдывалось это также и тем, что их будущие линии военных действий шли в одном направлении.

Прежде чем это предложение могло быть принято, пришлось преодолеть три весьма серьезных препятствия: в лице Фейсала, Вингейта и Гуссейна. Лоуренс был в со-

стоянии дать заверение, что Фейсал согласится с намеченным предложением, поскольку он разговаривал с ним по этому вопросу в Вэдже несколько месяцев тому назад. Согласится ли Вингейт передать другому попечение о своем, в настоящее время выросшем младенце, поскольку им было затрачено столько усилий, чтобы его вскормить? Клейтон поддерживал его; Лоуренс установил, что последний склонен принять участие в более обширной операции и передать армию Фейсала в распоряжение Алленби. Таким образом из возможных препятствий оставался только Гуссейн. Лоуренс предложил отправиться к нему и уговорить его.

Британский корабль «Дафферин» только что вернулся из Акаба, и ему было приказано доставить Лоуренса в Джидду. По дороге «Дафферин» зашел в Вэдж; здесь Лоуренс сошел с корабля и вылетел на самолете в Джидду, совершив перелет в несколько сот километров на передовую базу, к которой передвинулась армия Фейсала в начале июля с целью предпринять более эффективные действия против железной дороги. Перелет по воздуху являлся весьма приятным контрастом по сравнению с последним путешествием Лоуренса в этом районе. В Джидде его ожидала радость встречи со своими старыми товарищами, которые теперь сами достигли успехов в проведении набегов на железную дорогу. Они услышали от Лоуренса об отдельных эпизодах его приключений на севере, а он от них узнал о том, что произошло за истекшие три месяца.

Неприятным моментом оказалась измена племени билли делу шерифа. В начале мая их шейх присоединился к туркам с 400 арабами. Правда, шейх племени билли отказался от приглашения турок атаковать Фейсала, но он все же заставил своего брата покинуть армию Фейсала, приведя с собой своих людей и захватив оружие, которым они были снабжены. Другим успехом противника был переход к туркам эмира Хайла. В апреле, конвоируя большой транспорт припасов для турок в Медине, он попал в ловушку и был обойден Зеидом. Зеид захватил в плен 3 000 сильно нагруженных верблюдов, такое же число овец, 4 горных орудия и 250 пленных, главным образом турок. Это было одним из самых важных событий войны в Геджасе, и успех значительно перевешивал тот факт, что сам эмир примерно с 1 000 своих сторонников присоединился затем к туркам.

В налетах на железную дорогу, которые затрудняли ее нормальное функционирование, горсточка английских офицеров продолжала играть выдающуюся роль. Арабы фак-

тически рассматривали их как неистощимых союзников и жаловались, что «Ньюкомб — как огонь: он сжигает и друга и недруга». Лоуренс, который по стратегическим соображениям желал, чтобы Ньюкомб не уделял слишком большого внимания набегам на железную дорогу, заметил, что он сделал в четыре раза больше того, что сделал бы любой другой англичанин, и в десять раз больше того, что считалось необходимым арабами! Их пассивное сопротивление сыграло свою роль для предотвращения первоначального намерения англичан совершенно разрушить железную дорогу. Со своей стороны, и турки предприняли остроумное мероприятие для того, чтобы противодействовать усилившимся набегам со стороны англичан, а именно — начали заполнять и разрушать колодцы, находившиеся близ главных станций. В середине мая Ньюкомб произвел несколько разрушений железной дороги и ускользнул до того, как турецкие отряды, высланные со станций, могли с ним сблизиться. В своих донесениях он сообщал, что для исправлений поврежденных путей применяются старые рельсы. Это определенно указывало на то, что турки получили удар по их слабому месту — материальной стороне. В июле Ньюкомб произвел чрезвычайно успешно большой набег на участок, находившийся в 245 *км* к северу от Медины, в то время как арабы захватили соседнюю станцию. Джойс выполнил ряд набегов далее к югу около Товейра со смешанными частями египетских, французских, алжирских и арабских войск, разрушив много рельсов и несколько крупных дренажных труб.

Под давлением Вильсона и Абдуллы Фейсал передвинулся без особого энтузиазма. Его мысли все время были прикованы к Акаба и Сирии. Поэтому он с большим удовольствием приветствовал те распоряжения, которые привез Лоуренс. Он сразу же принял новый план, приказал своим всадникам на верблюдах выступить к Акаба и провел ряд приготовлений, для того чтобы арабские регулярные части, численность которых доходила теперь до 1 800 человек, были как можно быстрее отправлены туда со всеми складами из Вэджа. Он также дал Лоуренсу письмо для Гуссейна.

На рассвете Лоуренс вылетел обратно в Вэдж и пересел на «Дафферин», чтобы отправиться в Джидду, где получил обещание Вильсона оказывать ему всяческую моральную и материальную поддержку. Вскоре прибыл из Мекки Гуссейн и под влиянием Вильсона согласился на перевод частей Фейсала.

Однако сам Лоуренс был встревожен, когда прибывшая из Каира телеграмма сообщила, что арабы племени ховэйтат находились в переписке с турками у Ма'ана. За ней последовала вторая телеграмма, в которой высказывалось предположение о том, что Ауда участвовал в заговоре. Поскольку последний фактически держал ключи к Акаба, угроза была очевидной. Лоуренс сел на «Хардиндж» и тотчас же отправился в Акаба, куда и прибыл в полдень 5 августа.

Высадившись, Лоуренс не сказал Назиру о полученном им сообщении, а лишь попросил быстрого верблюда и проводника. Он сказал Назиру, что Гуссейн предоставил ему месячный отпуск для посещения Мекки. Давнишним желанием Назира было хоть на время избавиться от Лоуренса, поэтому это сообщение настолько его обрадовало, что он продал Лоуренсу лучшего из своих верблюдов. Отправившись ночью в поход, Лоуренс к утру достиг Гувейра и застал Ауду в палатке беседовавшим с другими вождями. Увидев его, они проявили некоторые признаки смущения. Однако он весело их приветствовал и болтал о пустяках, пока не представился случай поговорить с Ауда и его двоюродным братом наедине.

Когда он коснулся вопроса об их переписке с турками, они рассказали ему придуманную историю о той хитрости, с помощью которой они якобы решили провести турок. История была слишком надуманной, чтобы быть убедительной. Лоуренс сделал вид, что он хочет принять участие в этой шутке, но дал почувствовать, что за ней крылось нечто более серьезное. Ауда и его брат со своей стороны высказали неудовольствие, что еще не прибыли ни пушки, ни войска для их поддержки и что им не было дано никакого вознаграждения за взятие Акаба. «Им очень хотелось узнать, каким образом мне стало известно об их тайных делах и много ли я еще знаю. Игра была на скользком пути». Но на этом же пути был и Лоуренс. Он играл на их опасениях, беззаботно цитируя слова из телеграммы, как будто это были его собственные слова, и приводя фактические фразы из тех писем, которыми они обменялись с турками. Затем он как бы невзначай упомянул о том, что прибывает вся армия Фейсала и что Алленби высылает боевые запасы и деньги. В заключение он спросил, не желает ли Ауда получить какой-либо аванс от Фейсала.

Ауда чувствовал, что подобный момент упускать нельзя; он понимал, что прибытие Фейсала для него окажется

весьма выгодным и что турки всегда пойдут ему навстречу, если другие ресурсы окажутся ненадежными. Придя в очень хорошее настроение, он согласился взять от Лоуренса аванс, для того чтобы содержать арабов племени ховэйтат хорошо накормленными и поддерживать в них бодрое настроение духа.

Лоуренсу стало легче, и с наступлением темноты он отправился обратно в Акаба. Проехав всю ночь, он по прибытии в Акаба снова повидался с Назиром, а на рассвете сел в оставленную кем-то на берегу лодку и добрался к «Хардинджу». Поскольку он выехал из Акаба всего лишь 36 часов назад, его возвращения ожидали не раньше чем через неделю. Когда он сошел вниз в каюту, чтобы уснуть, судно снялось с якоря и полным ходом направилось в Суэц. Оттуда Лоуренс сообщил по телефону в Каир утешительную весть о том, что предположения об измене Ауда не подтвердились.

«В действительности это, конечно, не вполне соответствовало истине, но, поскольку Египет поддерживал нас, урезая себя, мы должны были преуменьшить правду».

Арабы, несомненно, стали смотреть на британскую казну как на неиссякаемый золотой душ, действовавший от нажатия рукоятки, и чем сильнее они нажимали, тем больше текло золото. Подобное представление распространилось среди всех арабов, начиная с высших слоев и кончая низшими, благодаря чему они не только ожидали получения денежных подарков, но даже не собирались платить и за товары, которые покупались на деньги. Они постоянно выпрашивали у английских офицеров подарки, не смущаясь ничем. Однажды, например, услышав, что один из старших офицеров миссии должен был поехать в Египет, Назир попросил его привезти ему пару сапог, дав ему совершенно ясно понять, что он ожидает их получить без всякой оплаты. Офицер, весьма удивленный, ответил ему, что «среди людей нашего положения это так не делается», добавив, что он, конечно, привезет сапоги, если Назир за них ему уплатит. На это последний, не скрывая своей досады, с огорчением заметил: «Лоуренс привозит мне все, что я его прошу». Вполне естественно, что случаи, подобные этому, дали повод некоторым предполагать, что подобное задабривание арабов и являлось причиной авторитета Лоуренса. Несомненно, что Лоуренс, который совершенно не берег своих собственных денег, в интересах ускорения дела был расточителен и с казенными деньгами, так как для военных целей эта расточительность заключала в себе

гораздо большую мудрость, чем любая попытка придерживаться финансовых положений или английских условностей. Кроме того, с военной точки зрения подобная расточительность имела гораздо большую ценность, чем ее вес в золоте. И все же лично Лоуренс потратил до конца войны менее 500 000 фунтов, тогда как общая сумма расходов Англии на поддержку восстания арабов достигала 4 000 000 фунтов стерлингов в золоте.

Тактично сделанный Ауде «денежный подарок» в размере 1 000 фунтов стерлингов помог удержать передовые укрепления Акаба во время наступления турок в те критические недели, когда происходила переброска сил Фейсала к Акаба. 7 августа Джойс погрузил на корабль в Вэдж 400 человек из регулярных частей арабов и пулеметное отделение французов; 1 000 человек отправились 10 дней спустя и, наконец, 23-го прибыл сам Фейсал и с ним еще 400 арабов и отряд египтян. Были посланы также бронечасти. Обеспечить наличие самолетов в то время не представилось возможности, так как их пришлось вернуть обратно в Египет из-за жары, вызвавшей не только чрезмерное изнурение людей, но и износ машин. В то время как прибывали эти силы, «Эурайлас» — флагманское судно Вэмисса — отечески охраняло Акаба, причем моральный эффект его четырех труб распространялся в глубь страны на значительно большее расстояние, чем то, на которое могли стрелять его пушки. Кроме того, команда «Эурайласа» построила пристань, весьма пригодившуюся в дальнейшем, когда прибыл заведующий снабжением офицер, который в свое время привел в порядок Вэдж.

Эти мероприятия по обеспечению безопасности являлись очень своевременными, так как турки на этот раз действовали с нежелательной поспешностью. К началу сентября они перебросили к Ма'ану 6 000 человек и 16 орудий — все с севера. В течение месяца эти силы еще более возросли, так как с палестинского фронта был переброшен один кавалерийский полк и там осталось всего лишь два полка. Отряд в 2 000 человек был переброшен для укрепления Абу-Эль-Лиссала.

«Мало что удалось бы сделать, чтобы остановить противника, если бы он предпринял решительное наступление; однако он был настолько изнурен, что ни разу не смог произвести в этом отношении какую-либо попытку». Таков приговор официальной английской истории палестинской кампании. В этом параличе, вызванном постоянными уколами, тактическая теория Лоуренса получила новое под-

тверждение. Использовались три средства: отвлечение с фланга, нападение с воздуха и разрушение железнодорожной линии.

Поскольку турки, очевидно, намеревались повести непосредственное наступление на Акаба, Лоуренс задумал осуществить косвенную угрозу их западному флангу с целью отвлечь их внимание и провоцировал атаку на Вади-Муса, что в 100 *км* к северу от Акаба.

Для приманки противника арабы начали беспокоить турок, которые были вынуждены произвести контрудар, но отступили, оставив добычу в руках арабов. Лоуренс не пренебрег этим случаем, чтобы подействовать на крестьян Вади-Муса. Для оказания им моральной поддержки к ним был послан Молад со своими всадниками на мулах. Его появление развязало наклонности местных племен к угону животных и к грабежу оружия у турок.

В отношении помощи авиации имелась договоренность с командующим воздушными силами на Центральном Востоке. По его распоряжению вылетел отряд самолетов капитана Стэйнта. В Восточном Синае, в 70 *км* к северо-западу от Акаба, была выбрана посадочная площадка. На подготовку ее и доставку необходимых для полетов припасов Лоуренс затратил два дня. 28 августа отряд, низко летя, появился над Ма'аном и сбросил 32 бомбы. Было замечено восемь попаданий в гараж и два в казармы, вызвавшие большие потери в личном составе. Остатки дня отряд был занят исправлением машин, пострадавших от разрывов турецкой шрапнели. На следующий день рано утром три самолета вылетели по направлению к Абу-Эль-Лиссал, где произвели бомбардировку лагеря, рассеяв турок и их лошадей. Самолеты летели так низко, что оказались простреленными пулями, однако ни один из них не был сбит. На «прощание» Стэйнт и его летчики в полуденную жару, когда турки были погружены в спячку, сбросили ряд бомб на обычно обстреливавшую их батарею. После этого сам Лоуренс взялся за руководство операциями против железной дороги. Он решил произвести опыт непосредственного подрыва мины с помощью электричества в тот момент, когда паровоз поезда будет проходить под определенным местом. Он имел в виду также захватить остановившийся поезд. Для этого в дополнение к арабам племени ховэйтат он получил двух сержантов-инструкторов из армейской школы, один из которых, англичанин, обучил взвод арабов обращению с мортирами Стокса, а другой, австралиец, обучил другой взвод арабов обращению с пулеме-

том Льюиса. Впоследствии один взвод стал называться взводом Стокса, а другой — Льюиса. Хотя в обязанности инструкторов и не входило участвовать в набегах, тем не менее оба они добровольно участвовали в операции. Лоуренс был в восторге от этой помощи.

В качестве своего первого объекта Лоуренс выбрал станцию Мудовара. Он считал, что если ему удастся разрушить ее колодец — единственный источник воды в этом секторе, то движение поездов на участке будет экономически невыгодным. 9 сентября отряд достиг Гувейра, где ему пришлось встретиться с двумя неприятностями: во-первых, вылетавший каждое утро из Ма'ана турецкий самолет регулярно сбрасывал на них бомбы, а во-вторых, и это было более серьезным, между Ауда и другими кланами племени ховэйтат происходили не прекращавшиеся ссоры из-за денег, достигшие теперь угрожающих размеров. Некоторые из кланов собирались уйти совсем, и это могло сорвать задуманную Лоуренсом операцию. Ауда упорствовал и не уступал даже под влиянием красноречия Лоуренса.

В ожидании событий Лоуренс выступил со своим отрядом в долину Рамм — переход, который навсегда остался у него в памяти. Долина превратилась в проспект шириной в 3 *км,* находившийся между огромными стенами скал, придававших этой дороге сходство с собором в византийском стиле, без купола. По прибытии к источникам Лоуренс был встречен вождями недовольных кланов. Оказавшись не в состоянии уладить их распри и достать необходимых грузовых верблюдов, он уехал с одним сопровождающим обратно в Акаба, пробравшись через горы по не известному ему до той поры кратчайшему пути, т. е. по третьей стороне треугольника. В Акаба он объяснил создавшееся положение Фейсалу и получил в качестве посредника для переговоров шерифа Абдуллу-Эль-Фэир и 20 грузовых верблюдов для перевозки запаса взрывчатых веществ. По возвращении к источникам шерифу удалось достигнуть некоторого успеха в переговорах и завербовать для Лоуренса 100 человек из племени ховэйтат, но это число составляло лишь треть требуемого.

Отряд выступил в дальнейший путь 16 сентября, причем различные части его гневно поглядывали друг на друга. Никто из них, за исключением людей самого Заала, не хотел ему повиноваться, так как они считали его прислужником Ауды, и, таким образом, Лоуренсу пришлось взять на себя непосредственное руководство людьми, казавшимися ему зловещей и весьма ненадежной бандой. На следующий

день они достигли колодца, находившегося в долине в нескольких километрах от станции Мудовара, и нашли воду испорченной, так как в ней находились разложившиеся трупы верблюдов.

Когда стемнело, Лоуренс и Заал с сержантами отправились к станции на разведку. Последняя выглядела настолько прочно выложенной из камня, что, казалось, снаряды мортиры Стокса не смогут ее разрушить; численность же гарнизона оказалась увеличенной почти вдвое. Поэтому Лоуренс решил оставить свой проект взятия станции штурмом и направить все усилия на подрыв поезда. На следующее утро отряд перешел в другое место, где железнодорожный путь делал поворот, а вершины холмов могли быть использованы для засады, обеспечивая хорошую площадь обстрела.

Вскоре Лоуренс нашел подходящий дренажный сток, разрушение которого наверняка заставило бы поезд сойти с рельсов даже в том случае, если бы паровоз не удалось взорвать. Здесь между концами двух стальных поперечин он выкопал яму, в которую заложил 50 фунтов динамита, установил запалы и уничтожил следы своей работы. На это потребовалось около 2 часов. Затем он раскатал провода, идущие к детонатору, закапывая их в песке по мере продвижения к отстоявшему примерно в 200 ярдах холму, откуда он намеревался взорвать мину. Прошло еще часа три, прежде чем все было окончательно готово. Тем временем на высоком выступе горы, над железнодорожной линией, было выбрано подходящее место для установки мортир Стокса и пулеметов, гарантировавших безопасность отступления. Оставив одного человека в дозоре, они удалились в скрытый ими в прилегающей долине лагерь.

Теперь задача сводилась к тому, чтобы удержать бедуинов до появления поезда в укрытии. Но бедуинам надоело сидеть в напряженном выжидании, и они вопреки всем приказаниям двигались с места на место. На следующий день, часов в девять утра, со стороны находившейся южнее станции Халлат-Аммар появился турецкий патруль численностью около 40 человек. Для предотвращения возникшей угрозы навстречу туркам была послана группа арабов, которой было поручено, симулируя отступление в холмы, заставить патруль отойти в сторону. Маневр удался. Другой тревожный момент был около полудня, когда один из небольших регулярных патрулей совершал обход линии. К великому облегчению Лоуренса, турки прошли под заложенной миной и тем местом, где он

укрылся, ничего не заметив. Однако немного позднее он увидел в свой сильный бинокль отряд пеших турок примерно в 100 человек, появившийся со стороны станции и двигавшийся к югу. Поскольку казалось, что единственным выходом из положения является бегство, отряд стал спешно собираться.

В это время часовой неожиданно сообщил, что виден дым. Лоуренс и Заал бросились на холм и увидели приближавшийся поезд. С дикой суматохой арабы заняли свои места, растянувшись вдоль насыпи, чтобы иметь возможность произвести обстрел вагонов с близкого расстояния. По мере приближения поезда, который тащили два паровоза, с него был открыт беспорядочный огонь. Оказалось, что за паровозами шло десять вагонов, переполненных войсковыми частями.

В тот момент, когда второй паровоз проходил над миной, Лоуренс подал сигнал. Мина взорвалась, подбросив столб пыли и дыма, в котором были видны летящие куски железа и даже целое колесо. Затем наступила мертвая тишина. Лоуренс бросился бежать к арабам, в то время как град пуль осыпал поезд, из которого выскакивали оставшиеся в живых турки, искавшие укрытия на противоположной стороне. Однако здесь они попали под огонь мортир, а дальше во время бега их скашивали пулеметы. Арабы бросились грабить разрушенный поезд.

Жажда грабежа заставила отделившийся для отвлечения турок отряд поспешить обратно, забыв свою главную цель. Лоуренс понял, что скоро он может оказаться зажатым между поездом и подходившим с юга новым отрядом турок. Но отвлечь арабов от их добычи, прежде чем они насытятся грабежом, было делом безнадежным. Арабы совершенно обезумели от своей страсти грабежа и, побуждаемые жадностью, дрались друг с другом из-за добычи. Они разбивали вагоны и вытаскивали из них содержимое на насыпь, где в диком беспорядке были разбросаны ковры, одеяла, одежда, часы, продовольственные припасы и оружие. Тем временем группа плачущих женщин бросилась к Лоуренсу, умоляя его защитить их, но они были сейчас же отстранены еще более напуганными мужьями. Лоуренс успокоил их, но когда он отвернулся, произошел спор, во время которого арабы в припадке бешенства бо́льшую часть из них убили.

Помимо 70 человек убитых, 90 человек было захвачено в плен. У арабов был убит только один человек, но вскоре они «пропали» все, разбежавшись со своей добычей. Та-

ким образом у разрушенного поезда остались покинутыми три англичанина. К счастью, когда они уже собирались оставить пулеметы, прибыл Заал с одним из арабов; приведя с собой верблюдов, они помогли погрузить на них мортиры и пулеметы. Поскольку боевые припасы пришлось оставить, их сложили в кучу и подожгли, и под прикрытием взрывов, задерживавших приближение турок, ускользнули.

Однако когда они добрались до главных сил, то оказалось, что человек, который взрывал мину, исчез. Лоуренс вызвал добровольцев пойти обратно на его розыски. После минутного размышления согласился Заал и с ним 12 арабов племени новасера. Лоуренс поехал с ними обратно, но обнаружил у разрушенного поезда множество турок, которые, завидев их, начали погоню. Преследование становилось все более и более опасным, как вдруг неожиданно появился инструктор со своим пулеметом, который один вернулся к ним на помощь. Турки были остановлены. Добыча, захваченная с собой, превратила отряд из подвижной военной силы в «останавливающийся нагруженный товарами караван». К тому же, прежде чем достигнуть долины Рамм, им пришлось запастись водой из колодца в неприятной близости к туркам. Все же к долине Рамм им удалось добраться без столкновений.

«Два дня спустя мы оказались в Акаба, покрытые славой, с ценной добычей и хвастаясь тем, что поезда были в нашей власти».

Вскоре Лоуренс отправился в новый набег, взяв с собой на этот раз учеников для подготовки к искусству разрушения, а именно — французского офицера капитана Пизани и 150 арабов. Из предосторожности он выступил с большим караваном фиктивно нагруженных верблюдов. «Для разнообразия» Лоуренс решил произвести операцию на севере около Ма'ана. Найдя подходящее место на железной дороге — насыпь с вделанными в нее мостами, Лоуренс заложил автоматическую мину нового образца и устроил засаду. Прождал весь день и следующую ночь, а когда, наконец, появился поезд, то он безболезненно прошел над миной, которая не взорвалась.

Тогда Лоуренс спустился к линии и заложил под зарядом лиддита электрический запал. Патрули ходили взад и вперед, не подозревая присутствия мины. На второе утро вдали показался патруль, а за ним на некотором расстоянии поезд. Лоуренс прикинул, что поезд может прибыть

раньше патруля, опередив его на несколько сот метров. Так и оказалось. В тот момент, когда паровоз был над аркой моста, Лоуренс дал сигнал. Опять поднялся к небу столб пыли и дыма, а пулеметы стали осыпать остатки поезда. На буферах одного из товарных вагонов, находившихся в «хвосте» поезда, появился турок, который, отцепив последние четыре вагона из двенадцати, заставил их покатиться по уклону в обратном направлении. Турецкий офицер выстрелил из окна в Лоуренса и слегка задел ему бедро. Тем временем арабы под командой Пизани атаковали остальную часть поезда, в которой они захватили 70 *т* продовольственных грузов. Было убито около 20 турок и еще большее число захвачено в плен.

У нападавших потерь не было, хотя они второй раз чуть не лишились своего вождя, так как, охваченные желанием унести свою добычу, они оставили Лоуренса одного сматывать электрические провода; когда же двое из арабов вернулись, чтобы его разыскать, то с двух сторон приближались партии турок, причем ближайшая из них находилась на расстоянии всего лишь полкилометра. Однако Лоуренсу удалось ускользнуть как раз во-время.

После того как отряд благополучно возвратился в Акаба, Лоуренс написал доклад, содержавший следующее интересное донесение: «Особенность племени ховэйтат заключается в том, что каждый четвертый или пятый человек является шейхом. В результате главный шейх вообще не имеет никакого авторитета, и мне, как и в предыдущем набеге, пришлось командовать всей экспедицией. Последнее не должно быть делом иностранцев, поскольку мы не знаем семей арабов настолько близко, чтобы быть в состоянии справедливо поделить между ними общую добычу. Однако в этом набеге бедуины вели себя исключительно хорошо, и все делалось в точности так, как я этого хотел. Но все же в течение одной поездки мне приходилось выносить судебное решение по 12 случаям нападений с оружием в руках, четырем делам о кражах верблюдов, одному брачному делу, 14 ссорам, двум последствиям от «дурного глаза» и одному случаю колдовства. Подобные дела отнимали все свободное время».

В течение следующих четырех месяцев было уничтожено 17 паровозов и большое количество товарных вагонов. «Фактически движение было дезорганизовано, так как мы расклеили объявления в Дамаске, предостерегавшие «наших друзей» от поездок по северным дорогам, потому что вскоре собирались перенести свои операции туда. Вслед-

ствие этого туркам вскоре придется охранять железнодо
рожный путь уже до Алеппо». Поскольку подвижной со
став для Палестины и Геджаса приходилось черпать из од
ного общего источника, успех стратегии «разрушения па
ровозов» не только лишал турок возможности осуществит
эвакуацию Медины, но и сокращал ту жизненную артерию
от которой зависела турецкая армия, и притом в момент
когда ей требовалась максимальная сила для противодей
ствия угрозе со стороны британских войск.

ГЛАВА XI

НАЖИМ НА ПАЛЕСТИНУ

ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1917 г.

Между турецкими оборонительными линиями, начинавшимися с моря у Газа и тянувшимися на восток, и отдельными укреплениями Бершеба, прикрывавшими фланг главной позиции, имелся промежуток. Британская армия после тяжелого перехода через пустыню Синай дважды безуспешно пыталась форсировать сильно защищенные ворота Газа. Менее укрепленный искусственными сооружениями Бершеба фактически, в силу природных условий, был защищен трудностями переброски войск и доставки воды.

В оценке обстановки, сделанной Филиппом Чэтвуд и начальником его штаба еще до прибытия Алленби, указывалось, что атака Газа означает атаку наиболее укрепленной позиции противника. Успех мог быть достигнут только артиллерийским огнем и оказался бы только местным успехом, так как турки имели возможность отойти на вторую линию обороны. Эта линия, являвшаяся «нервным центром и осью» и фактически недоступная для штурма, могла быть подвергнута нападению с юго-востока. Для обеспечения развертывания наступающих сил и получения воды было бы необходимо до развития наступления на фланг главной позиции противника захватить Бершеба.

Этот план не был достаточно оценен теми генералами, которые отдавали предпочтение позиционной войне и придерживались той догмы, что победа над противником на его самом сильном участке приводит к поражению всего фронта. Несмотря на то, что подобная попытка дважды оканчивалась неудачей, вера генералов в эту догму осталась непоколебленной, так как они приписывали

неудачу скорее плохому руководству, чем неправильному принципу.

Хотя сам Алленби по прибытии в Египет все еще находился под впечатлением массовых методов войны, применявшихся на Западном фронте, все же он, обладая инстинктом кавалериста, был больше расположен к маневренным действиям и без больших колебаний решил принять за основу операции план, схематически набросанный в докладе Чэтвуда.

Для возможности сосредоточить необходимую массу на слабом участке противника необходимо было ввести неприятеля в заблуждение. Для этого первым условием являлась конспирация. Все приготовления велись в секрете, причем основные силы удерживались на фланге у Газа до самой последней минуты. В сокрытии приготовлений главную роль сыграли военно-воздушные силы, только что усиленные и перевооруженные новыми, более быстроходными самолетами. Все же разведке противника удалось получить кое-какие сведения.

Поэтому для введения противника в заблуждение потребовалась активная операция. План подобной операции был разработан британским офицером разведки и представлен на рассмотрение штаба. Этим планом предусматривалось, что главной атаке на Газа должна предшествовать ложная атака на Бершеба. К плану были приложены соответствующие приказы. Чтобы придать намеченной демонстрации бо́льшую правдоподобность, разведка сочинила несколько писем, якобы полученных из Англии, а также частное письмо от воображаемого друга из штаба, в котором подвергался сильнейшей критике ложный план наступления и находилось 20 фунтов стерлингов банкнотами. Все это было уложено в вещевой мешок и запачкано свежей кровью. Затем 10 октября один из разведчиков выехал за линию фронта как бы на разведку, открыл огонь по дозору турецких кавалеристов и вынудил его к преследованию. Притворившись раненым, он откинулся с седла и как бы случайно выронил свой вещевой мешок, полевой бинокль и ряд других предметов. Через несколько дней в приказ по корпусу было включено объявление о том, что утеряна записная книжка. В этот приказ было завернуто несколько бутербродов и тоже подброшено за линию фронта.

Турецкий унтер-офицер, нашедший сумку, был награжден, а его корпусный командир опубликовал приказ, предостерегавший своих офицеров от ношения документов во

время нахождения в разведке. Однако с точки зрения англичан более важным было то, что турки после этого сосредоточили все свои усилия на укреплении позиций у Газа, пренебрегая позициями другого фланга. Кресс-фон-Крессенштейн также держал единственную резервную дивизию позади турецкого фланга у Газа, несмотря на указание своего далеко находившегося начальства — Фалькенгайна — о том, что ее следует расположить у самого Бершеба или позади него. Даже тогда, когда 31 октября в действительности началось наступление на Бершеба, Кресс отказал в присылке подкреплений. Произведенная противником неправильная расстановка сил была обязана главным образом хитрости разведки, но известная доля успеха должна быть приписана также и Муррею, которому последовательными неудачами британских войск у Газа, повидимому, удалось убедить турок в безграничной глупости англичан.

Необходимость отвлечения противника чувствовалась более, чем когда-либо. С момента прибытия Алленби британская армия была усилена не только новыми войсковыми частями, но и тяжелой артиллерией, что являлось результатом как его собственных требований, так и энергичного нажима Ллойд-Джорджа в Англии. Армия в Палестине была увеличена до 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий и имела общую численность 75 000 штыков и 17 000 сабель. Но силы турок тоже возросли и состояли из 8 слабых дивизий и 2 кавалерийских полков общей численностью в 30 000 штыков и 1 400 сабель.

Зловещим облаком на горизонте казалась «ударная» армейская группа, сформированная под руководством Фалькенгайна для создания перевеса на Среднем Востоке. Она состояла из семи турецких дивизий, комплектовавшихся в Алеппо, и «стального ядра» в виде нового германского «азиатского корпуса», сформированного главным образом из артиллерийских, пулеметных и других технических родов войск. Эта группа, первоначально намеченная турками для обратного взятия Багдада, по настоянию Фалькенгайна должна была быть использована для наступления на палестинском фронте. Последнее было едва предупреждено наступлением британских войск.

Рассматривая средства отвлечения противника, Алленби вспомнил о своих союзниках — арабах. Тотчас же была послана телеграмма Лоуренсу, которую последний получил по возвращении из набега в Ма'ан. Самолет доставил его через пустыню в штаб главнокомандующего, где он сделал доклад о существовавшей в районе Ма'ана обстановке и по-

яснил ценность частичного нажима на артерию Геджас вместо полного ее удушения. Это, по его мнению, должно было заставить турок держаться за Медину и одновременно лишить их возможности осуществления какой-либо серьезной операции.

В отношении оказания непосредственной помощи предстоявшему наступлению Алленби Лоуренс колебался в выборе решения.

«Нам следовало быть готовыми к моменту наступления Алленби и в таком месте, где наши силы и тактика ожидались бы меньше всего и оказались бы наиболее разрушительными. На мой взгляд, таким центром притяжения был Дераа, железнодорожный узел линии Иерусалим—Хайфа—Дамаск—Медина, являвшийся средоточием турецких армий в Сирии, общий пункт всех их фронтов и волей случая — районом, в котором находились огромные нетронутые резервы арабов-бойцов, обученных и вооруженных Фейсалом».

Одни лишь арабы благодаря их исключительной подвижности имели все шансы нанести удар по этому солнечному сплетению турецкого организма. Лоуренс обдумывал некоторое время, как призвать к оружию всех своих сторонников и разбить турецкие линии сообщения силой. В штабе Алленби были уверены, что при любом руководстве 12 000 арабов будет достаточно для того, чтобы произвести стремительный натиск на Дераа, разрушить все железнодорожные линии и даже захватить внезапным ударом Дамаск. Любая из этих операций сделала бы положение армии в Бершеба критическим.

Причиной воздержания Лоуренса явилось его сомнение в способностях британской армии и учет последствий возможной неудачи для конечной цели. Хотя арабы в районе Дераа и были достаточно подготовлены к восстанию, но Лоуренс чувствовал, что призывать их к выступлению теперь означало рискнуть наилучшим резервом, который Фейсал берег для последнего момента успеха в расчете, что первая же атака Алленби сметет противника и погода в ноябре будет благоприятствовать быстрому наступлению.

«Я мысленно оценил британские войска и почувствовал, что не могу убедить себя положиться на них. Рядовые солдаты зачастую были прекрасными бойцами, но их генералы столь же часто проявляли свою глупость и проигрывали то, что первым удавалось выиграть на незнании противником обстановки. Алленби еще не имел никакого опыта, а его войска были задержаны на месте и подорваны

Схема 3. Действия арабов в районе Акаба—Ма'ан—Тафила

периодом командования Муррея. Казалось, что может на ступить время для другой попытки в следующем году. По этому для блага арабов я решил не рисковать».

Сомнение, которое удерживало Лоуренса, в данном слу чае подсказало ему лучшее решение, чем его обоснованны расчеты.

Но если чувство долга по отношению к арабам удержал Лоуренса от возможности поставить на карту их будуще то чувство долга по отношению к Алленби заставило ег пойти на риск собой и предпринять удар по сообщения находящегося перед войсками Алленби противника.

Участком, выбранным Лоуренсом для нанесения против нику удара, была долина реки Ярмук, представлявшая со бой узкое и обрывистое ущелье, над которым поднималас вверх железная дорога из Палестины к Дераа. Этот же лезнодорожный участок образовывал правую половину го ризонтальной черты маленькой буквы «т», соединявшейс с большим «Т» в виде «тТ». Линия, шедшая вверх с целы рядом поворотов, несколько раз проходила над горным по током через многочисленные мосты. Наиболее трудными для исправления были мосты, находившиеся дальше всег на запад и на восток. Разрушить любой из этих мосто означало отрезать турецкую армию в Палестине от е базы — Дамаска — по крайней мере недели на две и ли шить ее при наступлении Алленби возможности отхода С практической точки зрения достоинство этого плана за ключалось в том, что турки, считая мосты находящимися почти в полной безопасности и поскольку они далеко от стояли от Акаба, охраняли их очень слабо. В отношени же своего возможного эффекта план имел еще то преиму щество, что в случае поражения турецкой армии под двой ным натиском с фронта и с тыла набег на Ярмук мог быть превращен в общее восстание арабов, которое понесло бы их волной на Дамаск вместе с наступавшим вслед за ними Алленби.

Алленби согласился с этим предложением и решил по пытаться нанести удар 5 ноября или же в один из следую щих трех дней. Его наступление на Бершеба было наме чено на 31 октября, и он надеялся сопроводить его главным ударом на внутренний фланг турок несколькими днями спу стя.

Затем Лоуренс вернулся в Акаба для подготовки экспе диции. Поскольку Назир все еще отсутствовал, он догово рился с Фейсалом об использовании для набега Гуссейна — молодого и отважного вождя, который «превзошел самого

Ньюкомба» за время набегов на железнодорожную линию имел необходимый престиж для того, чтобы повлиять на арабские племена. Симпатизирующие восстанию арабы в Дараске также были предупреждены о необходимости быть готовыми и в особенности Ази-Риза-паша — начальник турецкой базы и тайный союзник шерифа. Учитывая трудность подрыва большого стального моста, который являлся объектом задуманного Лоуренсом набега, и возможность сделаться жертвой несчастного случая, он захватил с собой дублера в лице базового инженера из Акаба. Для предотвращения подхода подкреплений противника во время уничтожения им моста Лоуренс решил взять с собой также группу пулеметчиков-индусов, которые уже принимали участие в набегах раньше.

В последний момент к ним присоединился эмир Абд-Эль-Кадер — внук человека, который оказывал сопротивление французским войскам в 40-х годах. Он был главой алжирских изгнанников, живших на северном берегу Ярмука. Абд-Эль-Кадер возвращался обратно из поездки в Мекку. Предложенная им помощь была желательной, потому что она давала возможность осуществления контроля средней части Ярмука через его людей без риска поднятия восстания во всей местности в целом. Однако, дав согласие на принятие помощи, Лоуренс был встревожен телеграммой, полученной от Бермона и предостерегавшей его о том, что Абд-Эль-Кадер получает деньги от турок. Трудно было сказать, являлось ли это подозрение более обоснованным, чем антифранцузские взгляды Кадера. Лоуренс, читая телеграмму Бремона, решил взять своего нового союзника под сомнение. Фейсал заметил: «Я знаю, что он сумасшедший, но я думаю, что он честен. Берегите свои головы, но используйте его». В результате Лоуренс пошел на риск, оказывая Абд-Эль-Кадеру «полное доверие, исходя из того принципа, что жулик не повредит нашей честности, а честный человек делается жуликом скорее всего благодаря подозрению». Но Абд-Эль-Кадер все же оказался палкой в колесах не столько из-за своего плутовства, сколько из-за своей глупости. Отличительными чертами последней являлись его фанатизм и оскорбленное достоинство.

24 октября экспедиция выехала из Акаба, направившись к лагерю Ауда. До Джефира их сопровождал Ллойд, который с сожалением возвращался в Египет, для того чтобы оттуда выехать в Европу, так как он получил приказ о переводе его в межсоюзнический штаб в Версале. Лоуренс имел тем больше оснований сожалеть об его отъезде, что

между Али и Абд-Эль-Кадером уже начинались трения. Ауда также был еще в ссоре со своими младшими вождями. Заал же, на чью опытность в проведении набегов Лоуренс особенно рассчитывал, не проявил никакого желания принять участие в операции. Пресыщение богатством превратило этого «храброго рыцаря» в мудрого человека: вновь приобретенное им богатство сделало жизнь слишком драгоценной для него.

Сидя ночью вокруг костра, прежде чем отправиться в поход из Джефира, они «слышали где-то далеко гул раскатов, слишком неясных для того, чтобы их можно было хорошо различить, и похожих на отдаленную грозу». Это была бомбардировка укреплений Газа английскими орудиями, подготавливавшими наступление для войск Алленби.

Две дивизии кавалерийского корпуса и четыре пехотные дивизии 20-го корпуса, совершая переходы ночью, уже начали обход в восточном направлении для нанесения противнику решительного удара. Таким образом близ Бершеба оказались сосредоточенными 60 000 штыков и сабель против менее чем 5 000 турок. Пригвожденные к своим позициям атакой британской пехоты 31 октября, турки не были в состоянии воспрепятствовать обходу их восточного фланга австралийскими и новозеландскими кавалерийскими частями. Незадолго до наступления сумерек город был взят. В результате левый фланг главной позиции турок оказался обнаженным.

Прежде чем могла быть начата вторая фаза наступления, необходимо было усилить доставку воды к Бершеба. Масса кавалерийских частей являлась тормозом. К счастью, колодцы были захвачены почти нетронутыми, и Алленби мог рассчитывать на готовность своих войск к атаке на позиции у Шериа 3-го или рано утром 4 ноября. Ей предшествовала атака в ночь на 1 ноября, направленная против участка укреплений Газа.

Однако проблема воды в Бершеба расстроила оптимистические надежды и скомкала все наступление. Отчасти это было вызвано и ошибками руководства. Люди и лошади Алленби, конечно, не имели такой выносливости, как арабы и верблюды. Задул горячий ветер, который, подняв облака пыли, вызвал сильную жажду, расстроившую в отношении расхода воды все расчеты.

К тому же не оправдались и надежды найти достаточное количество воды к северу от Бершеба, чтобы пополнить израсходованные запасы.

По этим причинам пришлось отложить вторую фазу на-

ступления до 5 ноября. Задержка предоставила туркам длительную передышку, во время которой они могли укрепить свой угрожаемый участок, но им не удалось этого сделать вследствие инициативы, проявленной Ньюкомбом.

В июле больной Ньюкомб был отправлен в Египет. Находясь в Каире, он высказал Алленби свое желание отправиться с небольшим отрядом арабов в пустыню, находившуюся к востоку от Бершеба, и поднять восстание бедуинов против турок во время наступления британских войск. После же того как будет взят Бершеба, Ньюкомб предлагал отрезать дорогу, идущую к северу от Хеброна и Иерусалима. Алленби согласился на это предложение. Ньюкомб подобрал для своего отряда 70 бедуинов на верблюдах и несколько арабов в качестве разведчиков. Для своей численности этот отряд обладал очень сильной огневой мощью, имея, помимо пушек Льюиса и взрывчатых веществ, еще десять пулеметов.

30 октября отряд Ньюкомба вышел из Аслуджа и сделал большой круг в 35 *км* к северо-востоку от Бершеба. Вечером 31-го отряд спустился к дороге Бершеба—Хеброн и перерезал телеграфные провода, шедшие в Иерусалим. Услышав ночью от дружественно расположенного к ним бедуина о взятии Бершеба, Ньюкомб решил закупорить дорогу на Хеброн с целью перерезать противнику путь отступления в северном направлении. Рискуя таким образом своим маленьким отрядом, Ньюкомб рассчитывал, что к нему на помощь быстро подоспеет британская кавалерия, но надежда эта, к сожалению, не оправдалась. Осуществленное им отвлечение турецких сил открыло проход для британской армии через центр противника и создало в тылу у турок такую тревогу, что вызвало стратегический мираж. В воображении противника рисовалась картина наступления главных сил британских войск по хевронской дороге прямо на Иерусалим. Заблуждение турок было настолько сильным, что они забыли, что британская армия идет на «голодный желудок». Имея с самого начала свои главные силы расположенными слишком близко у Газа, турки теперь ударились в противоположную крайность. Они не только направили на фланг у Хеврона одну дивизию из общего резерва, но и перебросили резервы с сектора Шериа, где удар войск Алленби уже начинал ослабевать. Таким образом они обрекли на бездействие в течение недели после взятия Шериа почти половину своих сил на холмах Иудеи.

Известная доля достигнутого успеха, несомненно, принадлежит британским кавалерийским патрулям, которые

после взятия Бершеба продвинулись вперед на север, не судя по показаниям немцев и турок, является несомнен ным, что львиная доля успеха принадлежала Ньюкомбу Надежды последнего на присоединение к нему арабо с гор не оправдались. В противоположность туркам он предпочитали скорее подождать выяснения действительно обстановки, чем хвататься за обещания. Однако страх пе ред возможностью восстания арабов в течение некоторог времени производил на турок почти такой же эффект, ка и фактическое восстание. 1 ноября отряд Ньюкомба бы атакован почти сотней турок; атака была отражена с боль шими потерями для противника. Затем бой возобновилс снова. После того как 20 человек из его отряда был убиты и большая часть пулеметов вышла из строя, Ньюкомб сдался, так как турки под командой немцев заняли позиции, с которых могли перебить всех оставшихся в жи вых.

Факт появления отряда Ньюкомба с востока, несомненно оказал гораздо больше эффекта, чем сами его действия так как это вызвало у противника впечатление о наличии глубокого обходного движения британских кавалерийских сил в направлении на Иерусалим.

К вечеру того же дня две турецкие дивизии и два кавалерийских полка заняли линию холмов близ хевронской дороги, а третья дивизия спешила к ним на помощь. Поддерживая соприкосновение с выступавшим вперед клином фланга британской армии, турки выдержали ряд стычек пока 6 ноября Чэтвуд не нанес настоящего удара по укреплениям Шериа, который можно было сравнить с ударом кулака по картонной стене, так как в Шериа для удержания фронта протяжением в 10 *км* имелось всего лишь два турецких полка.

14 ноября англичанам удалось захватить узловую станцию, обеспечив этим себе контроль над железнодорожной веткой, шедшей на Иерусалим, и вновь принудить турок к отступлению в различных направлениях: одна часть турок откатилась к северу, а другая отошла к востоку для прикрытия Иерусалима. Затем подошла армия Алленби, пробивавшая себе путь на восток, пока, наконец, 9 декабря не был взят Иерусалим.

Захват британскими войсками Иерусалима был тяжелым ударом для турецкого престижа. Однако моральный эффект, произведенный этим на западных союзников, был еще шире и глубже, так как он помог смягчить боль целого ряда неудач и поражений.

Что же делал тем временем Лоуренс? В выполнении возложенных на него поручений он оказался менее счастливым, чем Ньюкомб, но более счастливым в своей попытке избегнуть опасности, которая была бы хуже, чем захват в плен. При отправлении из Джефира, Ауда прошептал ему на ухо: «Берегись Абд-Эль-Кадера». На следующий день произошел другой тревожный случай: с нескольких сторон появилась банда, угрожающе стреляя в воздух. Когда враждебные арабы увидели, что отряд Лоуренса хорошо подготовлен к обороне, они изменили свой метод действия, притворились, что по недоразумению произошла ошибка, и заявили, что у них такой обычай — встречать чужеземцев стрельбой в воздух. Внезапно превратившись из добычи в почетных гостей, отряд был встречен группой всадников, которые приветствовали Али криком: «Да подаст бог победу нашему шерифу!» и кричали Лоуренсу: «Привет тебе, предвестник боя!» Абд-Эль-Кадер, считая необходимым обратить на себя внимание, сел на коня и «начал гарцевать по-близости, покрикивая своим хриплым голосом «хоп! хоп!» и беспрестанно стреляя в воздух из револьвера. Его посадка на лошади и стрельба были настолько неудачны, что это сольное выступление прошло почти незамеченным. За пиршеством, которое вскоре последовало, он снова пытался поддержать свое достоинство, встав от еды прежде, чем закончили другие, и ворча, что мясо было жестким.

Подкрепленный вождем Мифлех и шестнадцатью его сторонниками, отряд на следующий день двинулся к северу, подбадриваемый громыханием британских орудий, доносившимся издалека через впадину Мертвого моря. Однако арабы реагировали на это по-разному. Лоуренс слышал, как они говорили: «Они приближаются; англичане наступают; хорошо, если бы пошел дождь». Отвращение, которое испытывали арабы к артиллерийскому огню, порождало в них чувство симпатии к туркам.

На следующий день, 4 ноября, отряд Лоуренса достиг Азрака — волшебного места, населенного тенями поэтов, королей и римских легионеров. Однако склонность предаваться грезам была развеяна известием о том, что Абд-Эль-Кадер исчез в неизвестном направлении. Это означало сужение их цели, а также угрозу предательства. «От наших трех вариантов пришлось отказаться; по необходимости мы попытались разрушить мост у Тель-Эль-Шехаба.

Отсутствие других вариантов означало серьезное усиление шансов у противника на то, чтобы помешать нашей

операции, или возможности возникновения какого-либо несчастного случая, могущего стать на выбранном нами единственном пути. Неизбежным объектом нападения являлся теперь ближайший мост, что делало возможным нас обнаружить. Возможно, что Абд-Эль-Кадер уже перешел на сторону противника, и турки, если только они предприняли соответствующие меры предосторожности, поймают нас у моста в ловушку».

Тем не менее, посоветовавшись, решили попытаться сыграть на неспособности турок что-либо быстро предпринять. В ночь на 6-е пересекли Геджасскую железную дорогу несколько ниже Дераа в каменистой местности, где их проезд не оставил никаких следов. Турецкая железнодорожная охрана не проявила особой активности, что являлось несколько успокаивающим в отношении действий Абд-Эль-Кадера. Немного времени спустя нашли впадину, где залегли, чтобы укрыться. Она должна была послужить в качестве отправного пункта для осуществления рейда через открытое пространство, который надлежало совершить под покровом темноты.

Достигнуть Тель-Эль-Шехаба, расположенного на палестинской ветке, взорвать мост и вернуться обратно между сумерками и рассветом в безопасное место к востоку от линии Геджасской железной дороги означало совершить переход в 140 *км* за 13 часов. Лоуренс с сожалением должен был согласиться с тем, что это превышало возможности большинства солдат-индусов. Поэтому он выбрал из них 6 наилучших с расчетом иметь команду для одного пулемета. Помимо его небольшой личной охраны, отряд состоял из 20 арабов в качестве ударных частей и 40 арабов, менее надежных как бойцов и потому выделенных для охраны верблюдов и переноски взрывчатых веществ.

Вдалеке на севере, как маяк в море, светились станционные огни Дераа. Отряд начал спускаться вниз и услышал «слабое шуршанье, похожее на отдаленный шум ветра среди деревьев, но непрерывно и медленно усиливавшееся». Они поняли, что приблизились к большому водопаду, находившемуся у самой цели. Это был берег реки Армук. Мост находился справа.

Подрывные средства были бесшумно распределены среди носильщиков. «Немного поодаль, в темноте обрыва, мы увидели нечто черное, а на другом конце — мигающие огоньки». Это были мост и палатка охраны на берегу. Вуд расставил индусов-пулеметчиков, приготовившихся изрешетить палатку пулями, а остальная часть отряда продвину-

лась к каменному устью моста. К досаде Лоуренса, на противоположном конце стоял часовой.

Вдруг послышался стук упавшей винтовки. Часовой подскочил; его крик заставил выбежать охрану из палатки. Индусы запоздали открыть огонь, и турки успели спрятаться под прикрытие. Арабы-подносчики побросали свою ношу в овраг и бросились бежать из страха погибнуть от попадания пуль в подрывные заряды.

С утратой средств разрушения налет потерял свою цель. Единственно, что оставалось делать, это бежать пока еще было время. Переполох поднял на ноги все соседние деревни, но после бешеной езды отряд на рассвете добрался до железной дороги. Горечь этой неудачи привела Лоуренса в ярость.

«Мы были дураками, все без исключения, и наш гнев был бесцельным. Ахмет и Авад опять затеяли драку; молодой Мустафа отказался готовить рис; Фараж и Дауд били его до тех пор, пока он не стал кричать. У Али двое из его слуг были избиты, и никто из нас не обращал на это ни малейшего внимания. Мы были удручены неудачей и после 150 *км* напряженнейшей езды от восхода до захода солнца без остановки и без еды мы чувствовали себя физически разбитыми».

Никто из арабов не собирался возвратиться в Азрак с пустыми руками, и поэтому, когда Али неожиданно предложил взорвать поезд, это было встречено всеобщими криками одобрения. Взгляды всех обратились на Лоуренса как на эксперта. Он не разделял их восторга. «Подрывание поездов было точной наукой, требующей расчета, достаточных сил и соответствующе расставленных пулеметов. Выполняемое как попало, оно становилось опасным». Лоуренс чувствовал, что индусы, бывшие пулеметчиками, уже достаточно настрадались от голода и холода. Его выступление в защиту интересов индусов встретило одобрение арабов, но, поскольку они все же хотели во что бы то ни стало подорвать поезд, Лоуренс уступил их настояниям.

На рассвете Лоуренс с 60 арабами вернулся к железной дороге на свой старый участок в Минифир и заложил под исправленный дренажный сток электрическую мину. Однако у него имелось лишь 60 *м* кабеля, вследствие чего место производства взрыва находилось на опасном расстоянии от линии. Мелкий кустарник высотой не больше фута давал возможность спрятать провода, но не человека. Один поезд прошел прежде, чем все было подготовлено для взрыва, приближение же другого выставленный вперед

часовой прозевал из-за мглы и дождя. Казалось, все шло не так, как нужно. Однако плохая погода создавала для Лоуренса и некоторое утешение, позволяя ему предполагать, что вряд ли Алленби успеет закончить свои операции, прежде чем арабы сумеют подготовиться к другой, более удачной попытке оказать ему помощь.

10-го дождь все еще застилал горизонт. Около полудня был дан сигнал о приближении поезда, и Лоуренс поспешил к насыпи, чтобы взорвать мину. Когда поезд, наконец, подошел ближе, тяжело пыхтя на подъеме, Лоуренс увидел, что поезд был переполнен воинскими частями. Менять план было слишком поздно, поэтому, когда паровоз поравнялся с ним, Лоуренс нажал рукоятку взрывателя. Взрыва не произошло. Когда поезд прошел мимо него и был на расстоянии 50 *м*, он понял, что стоял на виду. «Куст, который, казалось, имел в вышину 1 фут, пригнулся и сделался меньше фигового листка». Единственный шаг на спасение у Лоуренса заключался в том, что турки могли его принять за случайно встретившегося бедуина, в которого не стоило и стрелять. К счастью, грязь и дождь запачкали великолепие его белой, украшенной золотом одежды. Как только поезд прошел, Лоуренс воткнул провода в землю и, как кролик, бросился под прикрытие. Через несколько метров поезд остановился, и, пока он нагонял пары, группа офицеров пошла посмотреть то место, где перед этим находился Лоуренс, но ничего подозрительного не обнаружила.

Прошел другой безрадостный день для голодного и промокшего отряда. На следующее утро, как и предсказывал Али, счастье им улыбнулось. Показался поезд, состоявший из двух паровозов и 12 пассажирских вагонов, и Лоуренс взорвал мину в тот момент, когда над ней проходил первый паровоз. Лоуренс находился так близко от места взрыва, что был отброшен назад. Одежда на нем оказалась порванной, руки поцарапаны и палец на ноге сломан. Наполовину оглушенный взрывом, он, шатаясь, бросился в сторону от разбитого поезда; в это время арабы, находившиеся на склоне, и турки на линии открыли перестрелку, во время которой было ранено семь арабов, бросившихся на выручку Лоуренса. Оказалось, что в поезде ехал новый турецкий командующий, назначенный для руководства обороной Иерусалима, с охраной численностью в несколько сот человек, которая, оправившись от неожиданности, приняла все меры к тому, чтобы воспрепятствовать дальнейшему нападению на поезд. Теперь арабам пришлось пожа-

леть об отсутствии пулеметов. Они едва сдерживали преследование турок, пока не достигли вершины холма; здесь каждый вскочил на верблюда и помчался в пустыню, где они в дальнейшем вновь собрались вместе. Единственная добыча, которая могла компенсировать их за потерю нескольких человек, состояла примерно из 60 винтовок, захваченных при первом налете. «На следующий день мы направились в Азрак, где нам была оказана торжественная встреча и где мы, да простит нам господь, хвалились, что мы были победителями».

Зиму отряд решил оставаться в Азраке, используя его как базу пропагандистской деятельности и центр разведки. Этим создавался новый клин, отделяющий Нури Шаалана от турок. Отряд расположился на зимние квартиры в старом форту, который отремонтировали. Для сбора провианта был отправлен караван. К нему устремился из пустыни поток арабов, приходивших обмениваться подарками и слушать рассказы об Акаба, его силах и богатствах. Али, соединявший в себе безрассудную отвагу и величавое обаяние, явился солидным представителем Фейсала. В нем чувствовалось также наличие странной замкнутости, присущей и Лоуренсу.

В обществе Али и в атмосфере Азрака Лоуренс мог быть доволен, предаваясь своим мечтаниям. Лишь сделав над собой усилие, он оторвался от этого занятия для того, чтобы провести разведку находившейся вокруг местности.

Поскольку Дераа являлся будущим объектом действий Лоуренса, он чувствовал себя обязанным осмотреть его своими собственными глазами. Для этого он облачился в рваную одежду араба и отправился в сопровождении старика крестьянина через оборонительную полосу.

Некоторое время никто не обращал на него никакого внимания, но у аэродрома он внезапно был схвачен за руку сержантом, заявившим, что его хочет видеть бей. Протестовать было бесцельно, и Лоуренс был доставлен в канцелярию, где в ответ на ряд вопросов он выдал себя за черкеса, что могло послужить оправданием белизны его кожи. Однако это лишь запутало Лоуренса еще больше. Второй раз в своей жизни он оказался насильно зачисленным в турецкую армию и на этот раз с целью, за которую турецкие офицеры снискали себе дурную славу, имея склонность пользоваться новобранцами. В ту же ночь началось испытание, и, поскольку Лоуренс сопротивлялся, он был передан в руки стражи, для того чтобы она его укротила. После того как различные неприятные способы наси-

лия не удались, он был избит до потери сознания. Только окровавленный вид избавил его от дальнейших проявлений внимания со стороны турок, и ему удалось бежать из госпиталя, куда его перенесли. Когда Лоуренс, прихрамывая, тащился по дороге, какой-то араб сжалился над ним и, посадив его на верблюда, доставил в Насибин, где он нашел свой отряд. По злой иронии судьбы, именно во время этого бегства ему удалось обнаружить тот скрытый подход к Дераа, на поиски которого он отправился из Азрака.

По возвращении в Азрак у Лоуренса наступила реакция. В результате длительного нервного напряжения и последнего потрясения, место и окружавшие его люди стали для него непереносимыми. Пропаганда ему надоела. «Они все время сознавали, что я чужестранец, и чувствовали всю нелепость положения, когда чужестранец проповедует национальное освобождение. Для меня война представляла также и побочную цель — добиться такого настроения народа, когда он принимает восстание как нечто естественное, на что можно положиться. Мне приходилось убеждать себя в том, что британское правительство действительно сможет выполнить свои обещания». Физическое страдание настолько усилило в нем ясность мышления, что Лоуренс не мог уже пользоваться той разговорной «водицей», которая была необходима для практических целей. Льстивое же подобострастие городских сирийцев раздражало его. Лоуренс решил все бросить и отправиться на юг на поиски встречи с противником.

Поздно вечером 23 ноября Лоуренс покинул Азрак, захватив с собой лишь одного спутника Рахаила. Несмотря на физическую слабость Лоуренса, они ехали быстро. «У меня был сильный приступ лихорадки, который привел в бешенство, и я не обращал никакого внимания на просьбы Рахаила об отдыхе. Перед рассветом он рыдал от жалости к самому себе, но тихо, чтобы я не услышал». В полдень они достигли лагеря Ауды, но остановились лишь для того, чтобы обменяться несколькими приветствиями и поесть немного фиников. Рахаил уже не протестовал, а ехал с мрачной решимостью перебороть Лоуренса. «Даже если бы мы начали путешествие в одинаковом состоянии, он, во всяком случае, превосходил меня силой; теперь же я чувствовал себя почти конченным».

Те, кто видел Лоуренса 26-го, когда он, наконец, прибыл в Акаба, говорят, что он был похож на призрак — настолько он был бледен и казался «не от мира сего». Он

лишь промолвил несколько слов о постигшей его неудаче с мостом в долине реки Ярмук и удалился к себе в палатку. Через несколько дней Лоуренс получил приказание прибыть в Палестину. Вылетев в Суэц на самолете и прибыв в штаб Алленби, он почувствовал, что все были настолько упоены достигнутой победой, что отголоски его неудачи у Ярмука, распространяться о которой он не имел ни малейшего желания, потонули в общем ликовании. Однако его деятельность не прошла незамеченной. За взятие Акаба он был произведен в чин майора и награжден орденом Бани. Он также был представлен Вингейтом к кресту «Виктории», но обстоятельства не соответствовали обычным условиям, требовавшимся для награждения этим орденом. Он больше оценил предоставленную ему возможность присутствовать при официальном вступлении британских войск в Иерусалим. Обмундированный наспех своими друзьями из штаба, Лоуренс принял участие в церемонии, происходившей у ворот Яффы, «что для меня было одним из величайших моментов удовлетворения за время войны». За завтраком после церемонии он с большим удовольствием услышал упрек Алленби, сделанный М. Пико за его предложение установить в Иерусалиме гражданскую власть. Сразу же после завтрака Лоуренс воспользовался случаем обсудить с Алленби новые проекты военных операций.

План Алленби заключался прежде всего в том, чтобы закрепить достигнутые успехи обеспечением известного простора действий к северу от Иерусалима путем восстановления там железнодорожной линии; затем нажимом справа в восточном направлении отбросить турок от Иерихона и очистить долину Иордана к северу от Мертвого моря. Алленби предложил, чтобы Фейсал продвинулся теперь к северу от Акаба по направлению к Тафила, расположенному близ южной части Мертвого моря. Это позволило бы ему соединиться с британскими войсками на другой стороне и помочь им отрезать турок от хлебного района, находившегося между Мертвым морем и Геджасской железной дорогой, откуда они получали свое продовольствие. Суда с хлебом, поднимавшиеся к северу по Мертвому морю, являлись серьезной поддержкой силы сопротивления турок. Поэтому уничтожение их являлось весьма важным.

Лоуренс не только согласился с этим планом, но и внес дополнительные предложения, состоявшие в том, чтобы после занятия Иерихона туда была переведена база Фейсала из Акаба и ежедневно доставлялось 50 т продовольствия и боевых припасов.

На это Алленби дал свое согласие, и Лоуренс отправился обратно в Акаба, чтобы постепенно подготовиться к осуществлению намеченного плана.

Одним из его первых мероприятий был подбор охраны для себя лично. Необходимость этого вызывалась тем обстоятельством, что с момента, когда он подорвал поезд, в котором ехал Джемаль-паша, турки значительно повысили вознаграждение за поимку или убийство Лоуренса.

Начало было обещающим. Когда однажды днем Лоуренс сидел в своей палатке и читал, к нему подкрался молодой араб племени аджейн, положил на землю великолепный седельный вьюк и исчез. На следующий день он явился снова и принес «такой же красоты седло для верблюда». На третий день он явился, не принеся ничего, и попросил Лоуренса принять его к себе на службу. Звали его Абдулла-«разбойник». Он сослался на рекомендацию старого капитана отряда телохранителей Фейсала и оказался одним из самых опытных. «Поскольку чувствовалось, что он был вполне подходящим, я тотчас же взял его к себе. Он проводил проверку остальных желающих поступить ко мне на службу, и благодаря ему и моему другому помощнику вокруг меня выросла замечательная банда знатоков своего дела. Англичане в Акаба называли их головорезами, но они резали головы только по моему приказанию. Мне нужны были хорошие наездники и люди, не дорожившие своей жизнью, гордые собой и без семейных уз».

Лоуренс платил им по 6 фунтов стерлингов в месяц — нормальное жалованье для араба, который содержал своего верблюда. «Они могли тратить деньги на украшение своих собственных персон и вырядились так, что были похожи на клумбу тюльпанов, так как носили все цвета, кроме белого, который постоянно носил я, и они не считали это возможным для себя».

Охрана служила Лоуренсу не только для защиты от нападения, но и являлась ядром того отряда, из которого он формировал свои маневренные группы. Численность охраны доходила в общем до 90 человек, однако Лоуренс редко когда брал с собой более тридцати, исходя из соображений подвижности и уменьшения потерь. «За время нахождения у меня на службе около шестидесяти из них умерло». Однако наступательная сила личной охраны Лоуренса была гораздо больше номинальной вследствие хорошего вооружения и морального состояния.

Лоуренс использовал маневренные возможности легких пулеметов в большей степени, чем в любой другой армии.

В своей следующей кампании он ввел пробную атаку легкими автоматическими «пальцами» за два месяца до того, как немцы стали пронизывать британский фронт во Франции с помощью подобной же, но менее экономной тактики «просачивания». Своим методом использования пулеметов на верблюдах с командой всего лишь из двух человек (они иногда стреляли даже с седла) он опередил послевоенное развитие механизированного передвижения пулеметов.

Сам Лоуренс возил с собой на верблюде «воздушный Льюис» без радиатора и чехла. Помимо того, что этот пулемет был весьма удобен, он стрелял с таким замечательным рассеиванием, что Лоуренс предпочел его винтовке, которую он раньше носил. Винтовка эта имела свою историю: это была обыкновенная британская укороченная винтовка, захваченная турками у Дарданелл, а затем с соответствующей надписью, выгравированной золотом, была подарена Фейсалу. Лоуренс в свою очередь получил ее от Фейсала. После войны он хотел передать ее по принадлежности в Эссекский полк — ее первоначальному владельцу, но на свое предложение ответа не получил. Вместо этого король Георг взял ее себе, воспользовавшись возможностью пополнить коллекцию оружия в своем частном военном музее в Виндзоре. На винтовке имеется ряд зловещих отметок: их делал Лоуренс каждый раз, как сбивал турка, пока не потерял интереса к ведению подобного учета.

В остальном его личное вооружение состояло из револьвера и кривого кинжала с рукояткой, украшенной золотом и красивой резьбой, какие носили главным образом шерифы. Кинжал этот явился поводом для создания легенды о том, что Лоуренс якобы получил звание шерифа или, что было гораздо красочнее, «принца Мекки». В действительности шериф приобретал свой титул по праву рождения как потомок пророка, так что «почетного шерифа» вообще быть не может. Единственно, чему может быть приписано возникновение этой легенды,— это случаю, когда однажды арабы от безделия стали давать друг другу различные прозвища и титулы. Когда Лоуренса спросили, какой бы титул он себе выбрал, тот ответил: «эмир Динамит». Это так к нему подходило, что на некоторое время титул «эмира Динамит» стал его прозвищем у арабов.

ГЛАВА XII

«РЕГУЛЯРНАЯ» КАМПАНИЯ

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1918 г.

В кампанию 1918 г. силы арабов под начальством Фейсала имели не только косвенное влияние на положение войск Алленби, но сделались составной частью его армии, действуя совместно с ней. Это, конечно, изменило форму операций арабских частей, придав ей характер более регулярных военных действий. Уже само название «Северной арабской армии» содержало в себе идею кристаллизации ее движений и целей. Последняя имела свои недостатки и в первую половину года привела к разочарованиям. Однако даже в течение этого периода казалось, что в целом силы арабов создали для британских войск больше возможностей, чем последние для арабов. Кроме того, кампания предоставила Лоуренсу случай проявить свои способности в регулярных военных действиях, которые он до некоторой степени презирал.

Параллельно железной дороге, вдоль «хлебного пояса», были расположены небольшие города, далеко отстоявшие один от другого и представлявшие собою те пункты, на которые господствующая сила могла опереться. Самым южным был Шобек, находившийся в 35 *км* к северо-западу от Ма'ана. Дальше за ним лежал Керак и на самом северном конце Мертвого моря — Мадеба.

В начале октября арабы начали свои набеги, причем захватили на несколько дней Шобек и разрушили железнодорожные ветки, которыми пользовались турки для подвоза дров для Геджасской железной дороги. В результате создавшаяся угроза заставила турок действовать и вовлекла их в ту ловушку, которую подготовил для них Лоу-

ренс. Турки начали свое контрнаступление 27 октября, в тот самый момент, когда Лоуренс отправлялся в свой набег в долину реки Ярмук. Экспедиционный отряд в составе 4 батальонов пехоты и кавалерийского полка с 10 орудиями выступил из Ма'ана; численность этого отряда едва достигала 350 человек, включая в эту цифру около 200 человек из состава иррегулярных частей бедуинов. После артиллерийского обстрела, продолжавшегося в течение часа, и бомбометания с самолетов турки повели наступление. Плохо подготовленные арабы на верблюдах не выдержали натиска и отошли назад к частям Молада, которые, засев в крутых скалах, задержали наступление турок. Тогда бедуины обошли с обеих сторон фланги турок и начали тревожить их непрерывными набегами. В результате вечером турки отступили с тяжелыми потерями. Таким образом, благодаря природным условиям и умелому применению Молада принципа Канн, предсказания Лоуренса сбылись.

Продолжение набегов на железнодорожную линию, наряду с перехватом караванов с продовольствием, заставило турок сначала оттянуть войска от Абу-Эль-Лиссала, а затем и вовсе покинуть его. Турки были принуждены отойти обратно к Ма'ану, причем сужение района действий неизбежно привело с ослаблению их власти над территорией, что позволило арабам проникнуть в «хлебный пояс» с севера.

В то время как Молад, воспользовавшись наступлением сильных холодов, загонял турок обратно в Ма'ан, Лоуренс занялся новыми экспериментами, а именно — развитием механизированных сил. Факт использования им подвижности отрядов на верблюдах до той степени, которая, судя по общепринятым стандартам, была неосуществима, не заслонил от него возможности использования механизации, как это имело место у столь большого числа профессиональных военных, являвшихся поклонниками кавалерии.

После нескольких дней отдыха мысли его снова вернулись к тем прогалинам, покрытым засохшей грязью, которые он видел в сентябре во время своего набега на Мудовар. Через узкий проход Вади-Итм была проведена дорога, и туда были доставлены бронемашины. Лоуренс и Джойс решили произвести разведку. Машины, идя по полированной грязи, давали скорость свыше 100 *км* в час, выдержав без всяких аварий тяжелые переходы между прогалинами.

Опыт оказался настолько многообещающим, что, проехав почти до Мудовара, они решили попытаться немедленно провести операцию и для этой цели вернулись обратно,

чтобы получить необходимые бронемашины, которые они усилили десятифунтовыми горными орудиями. Накануне нового года они добрались до железной дороги и обнаружили турецкий пост, представлявший собой подходящую для них цель. На следующее утро Джойс руководил атакой, находясь на вершине холма, расположенного близ поста, в то время как Лоуренс испытывал двойное удовольствие присутствовать в качестве наблюдателя за боем, в котором нападающие совершенно не рисковали жизнью, так как турецкий обстрел бронемашин казался ему чем-то вроде стрельбы дробью по носорогу. С другой стороны, машинам недоставало проходимости танков, поэтому они и не смогли выгнать турок из их норы. Когда они вернулись обратно из этой увеселительной прогулки, ее единственным результатом было приобретение Лоуренсом нового опыта. Благодаря бронемашинам не только железная дорога оказалась на расстоянии однодневного перехода, но и представлялось возможным создать угрозу любым передвижениям турок с помощью средства, бороться с которым в открытой местности они не были в состоянии. Таким образом, для того чтобы парализовать противника, англичанам потребовалось лишь развить применение этого нового вида оружия.

К несчастью, Лоуренс не только не мог в силу своего положения получить соответствующее количество нужных ему типов машин, но и добиться принятия своей новой теории стратегии. Британское командование все еще жаждало взятия Медины. Его мысли шли по прямому пути, и оно стремилось совершенно вычеркнуть из баланса турецкие силы в Геджасе, вместо того чтобы поощрять турок вкладывать в это невыгодное для них предприятие все бо́льшие и бо́льшие капиталы.

Лоуренс проявлял тонкость понимания обстановки не только в теории. По мере того как он все больше убеждался в правильности своей теории, он принимал меры к тому, чтобы при всех военных действиях арабов движение по Геджасской железной дороге никогда не прерывалось, достигая этого своего рода фабианской тактикой. При этом Лоуренс заметил, что проведение такой тактики было менее хлопотливо, чем осуществление «детских» замыслов британского штаба.

Намеченный план захвата Тафила предусматривал наступление с трех сторон: с востока, юга и запада. Первым выступил Назир, направившийся в восточном направлении,

имея в виду атаковать Джурф-эд-Дерауиш — ближайшую железнодорожную станцию, расположенную в 50 *км* от Ма'ана. Его силы состояли из отряда регулярных войск арабов численностью в 300 человек под командованием Нури Саида и одного горного орудия. Наступление Назира было направлено к находившемуся близ станции горному кряжу. Лоуренс со свойственной ему осторожностью отправился туда за несколько дней перед тем с целью выяснить наиболее подходящую позицию для орудия. Кряж заняли под прикрытием темноты, и железнодорожная линия была разрушена по обе стороны от станции. На рассвете открыли огонь из орудия, причем удачными попаданиями были приведены к молчанию находившиеся на нижнем холме турецкие орудия.

Затем арабы верхом на верблюдах произвели обход основания кряжа. Появление их с неожиданного направления создало панику среди турок и быстро принудило последних к сдаче. В результате было захвачено свыше 200 пленных турок, арабы же потеряли всего лишь двух человек. Находившиеся на станции два поезда были совершенно разграблены, но не очень сильно испорчены.

Следующие три дня шел сильный снег с градом, причем холод был настолько велик, что в один день умерло десять арабов. Это обстоятельство, а также желание спрятать свою добычу заставили их отойти обратно к своим палаткам. Известие о взятии Джурфа явилось сигналом для нападения на Шобек горных арабов, живших близ Петри. Холодная погода их не остановила, и турок вновь постигла неудача. Весть о захвате Шобека вдохновила Назира на следующий набег. После быстрого ночного перехода под снегом он добрался до скалы, находившейся у Тафила, и стал призывать жителей и небольшой турецкий гарнизон сдаться, угрожая в противном случае начать бомбардировку города. Угроза эта была чистейшим блефом, так как регулярных частей Нури Саида с ним не было. Возможно, что его блеф и был бы обнаружен, если бы внезапно к черте города не выехал Ауда и не закричал: «Собаки! Разве вы не знаете Ауда?» Стены Тафила пали от голоса Ауды так же, как некогда пали стены Иерихона от голоса Иисуса Навина. Город сдался задолго до того, как с запада прибыли арабы под начальством Мастура.

Однако захватить город было легче, чем его удержать. Среди кланов имелись старые счеты, и они начали ссориться друг с другом. Ауда, как всегда, был центром бури. Слухи о происходившем ускорили прибытие Зеида, кото-

рый был поставлен Фейсалом во главе всех операций в районе Мертвого моря. Его сопровождал Лоуренс, а кроме того, за ними с максимальной быстротой, которую позволяли плохие дороги, следовал небольшой отряд численностью около 100 человек, составленный из арабов регулярных войск с двумя горными орудиями. Зеид сделал все, что было можно, чтобы уладить распри с помощью золота. С Аудой разделались по принципу уличного певца, которому платят только за то, чтобы он убрался. Но не успели еще достигнуть полного согласия, как турки вновь внесли раздор.

Лоуренс, расценивая Тафила лишь как дальнейший шаг на пути к Мертвому морю, совершенно не предполагал, что турки придадут этому городу такое значение, что даже оттянут к нему часть своих сил, сдерживавших наступление Алленби. Поэтому, когда наскоро собранные в Аммане турецкие части бросились к югу, чтобы вернуть обратно Тафила, для Лоуренса это оказалось совершенно неожиданным. Турецкий отряд состоял из трех слабых батальонов пехоты, 100 человек кавалерии, двух горных гаубиц и 27 пулеметов. Выступив 23 января из Керака, отряд на следующий день, в полдень, наткнулся на передовые заставы арабов, охранявших ущелье. Это ущелье представляло собою явно неприступный подход к Тафила, но внезапное появление противника заставило охранение быстро отойти назад задолго до того, как оно могло получить подкрепление.

«БИТВА» ПРИ ТАФИЛА

В предвидении возможности атаки Джафар выбрал оборонительную позицию на высотах над глубоким ущельем Тафила. Лоуренс был не согласен с этим планом и по тактическим, и по политическим соображениям. Отвесные склоны были недоступны для атакующего, но он мог обойти позицию с восточного фланга, будучи совершенно укрытым от огня. С другой стороны, оставление города означало, что население его попадет в руки турок. Однако внезапно создавшаяся критическая обстановка не давала времени для долгих размышлений, и около полуночи Зеид отдал приказ отойти назад на выбранную позицию за городом. Отход, как это и предвидел Лоуренс, вызвал в городе панику.

После того как последние части покинули город, Лоуренс вместе со своей охраной остался позади. «Сильно подмораживало; кругом был снег и лед; в темных узких

улицах города царило невероятное смятение. Я вышел один и стал ходить по улицам, прислушиваясь к тому, что говорили вокруг. Люди были охвачены страхом и сделались почти опасными, но не для меня, так как я был закутан в темный плащ и меня различить было невозможно. В случае какого-либо инцидента возле меня находилась моя охрана. Весьма важно было узнать подлинное настроение населения. Вскоре мы увидели, что жители города испытывают ужас перед турками и готовы сделать все физически выполнимое для того, чтобы поддержать в борьбе против них вождя, способного сопротивляться. Это доставило нам удовлетворение».

Тогда Лоуренс взял инициативу в свои руки и отправил 20 арабов на помощь тем крестьянам, которые все еще сдерживали наступавших турок, сам же пошел на розыски Зеида, спокойствие которого в момент кризиса казалось хорошим предзнаменованием. Воспользовавшись этим обстоятельством, Лоуренс предложил ему план боя. Последний должен был закончиться победой, которой могло бы гордиться большинство полководцев. Однако сам Лоуренс, по его собственному признанию впоследствии, испытывал бесконечное чувство стыда за свой план боя. Он приписывает это припадку охватившей его ярости. Приводимое им объяснение не только поучительно, но и интересно с точки зрения аргументации.

«По всем правилам здравой военной тактики турки никогда не должны были возвращаться в Тафила вообще. Их возвращение можно было объяснить просто жадностью — политикой «собаки на сене», недостойной серьезного противника, просто безрассудным шагом, на который могли решиться только турки».

Перейдя через овраг Тафила, Лоуренс взобрался на находившееся за оврагом плато, где нашел рубеж: «низкий, узкий вал на остатках византийского фундамента — настоящее место для резервной или для последней линии обороны». Этот низкий рубеж являлся основанием треугольной равнины и имел поперек около 3 *км*; остальные стороны этого треугольника были ограждены рубежами, покрытыми зеленью. Вершина треугольника была обращена к северо-востоку, и через нее шла дорога из Керака, по которой теперь наступали турки.

Лоуренсу удалось собрать несколько скрывавшихся арабов из личной охраны Зеида и заставить их засесть в «резервном» рубеже. «На расстоянии они выглядели весьма внушительно (их было примерно человек двадцать), как

будто отдельные точки значительных сил. К ним должны были присоединиться все вновь прибывшие арабы и в особенности мои негодяи со своим пулеметом.

Судя по скорости продвижения, турок должно было быть немного. Мы имели пушки и легко могли задержать их продвижение. Однако я в своей ярости зашел слишком далеко и решил принять их метод войны, а именно — дать им в карликовом масштабе нашего арабского фронта то регулярное сражение, которого они хотели, и перебить их всех. Я решил собрать все старые прописные истины и правила военных учебников и сделать из этой «битвы» пародию на них. И сила, и преимущество местности были на моей стороне; я мог бы выиграть, просто отказавшись от боя и побив турок маневром, как в двадцати подобных же случаях перед тем и после. Но плохое расположение духа и самоуверенность не позволяли мне довольствоваться только сознанием моей силы, а заставили стремиться открыто показать ее и арабам и противнику».

Зеид осознал недостатки выбранной им позиции и с готовностью принял предложение Лоуренса отправить вперед Абдуллу — начальника личной охраны — с несколькими людьми на мулах и парой легких пулеметов, чтобы «пощупать» силу турок и выяснить расположение их частей. Высланное подкрепление подбодрило арабов и крестьян, которые отогнали передовой отряд турецкой кавалерии обратно к только что выступившим после холодной ночи, проведенной на биваке, главным силам. Лоуренс и Зеид уже слышали отдаленную трескотню пулеметов. В то время как Зеид хотел ждать на месте получения от Абдуллы новых данных о продвижении противника, Лоуренс горел желанием ускорить ход событий и сам отправился вперед. На улицах Тафила он встретил несколько человек из своей охраны, рывшихся среди вещей, разбросанных на мостовой. Он приказал им привести верблюдов и захватить с собой легкий пулемет. Затем он отправился через равнину и встретил Абдуллу, возвращавшегося с известиями для Зеида. Его боеприпасы иссякли; от орудийного огня он потерял пять человек, но все еще горел желанием сражаться и лишь намеревался убедить Зеида придвинуться ближе. Оставив его выполнять задуманное, Лоуренс отправился дальше. На равнине рвались уже снаряды; беспокойство причиняли также стебли полыни, которые обжигали его голые ноги. Когда он достиг вершины треугольника, то нашел там около 60 человек, удерживавших угол западного рубежа, в то время как турки продвигались вдоль восточ-

ного рубежа с целью обойти их с фланга. Сначала Лоуренс наткнулся на группу крестьян. Последние сообщили ему, что у них нет боеприпасов и что все кончено. «Я уверил их, что все только начиналось, и указал им на мой многолюдный резервный рубеж». Предложив им перейти туда и собрать боеприпасы, Лоуренс забрался на вал, где все еще держались арабы, и предупредил их, что они не должны прекращать огня с одной позиции, пока не приготовятся начать обстрел с другой.

«Во главе арабов был молодой Метааб, который, для того чтобы легче сражаться, снял с себя все и остался в трусиках».

Лоуренс попросил Метааба продержаться еще минут десять, сам же, не имея лошади, побежал, «не забывая при этом считать свои шаги, чтобы в дальнейшем иметь возможность определить дистанцию обстрела позиции, когда она будет занята турками».

Благополучно достигнув резервного рубежа, Лоуренс нашел на нем уже около 80 человек, к которым продолжали прибывать новые подкрепления. Накопившиеся 200 человек задерживали наступление турок, пока около 3 часов дня не прибыл со своей старой позиции Зеид примерно с 50 людьми своей охраны и 200 крестьянами. Он захватил с собой также девять пулеметов и несколько легких автоматических ружей, а для усиления огневой защиты — горное орудие.

«Как раз в нужный момент мы вспомнили, что движение есть закон стратегии, и начали продвигаться. Отряд в 80 всадников на лошадях, верблюдах и мулах с пятью легкими автоматическими пулеметами был отправлен в обход восточного рубежа и для охвата левого фланга противника.

Тем временем турки на противоположном рубеже втаскивали, повидимому, бесконечное количество пулеметов и устанавливали их вдоль рубежа, как в музее. Это была тактика лунатика. Рубеж был гол и не имел прикрытия даже для ящерицы». Благодаря измеренному Лоуренсом шагами расстоянию арабы уже имели прицел установленным на 3 100 *м* и только ожидали момента, чтобы смести турецкий рубеж.

Затем прибыло новое подкрепление в составе примерно 100 человек из соседней деревни. «Их прибытие заставило нас отбросить советы маршала Фоша и произвести атаку сразу, по крайней мере, с трех сторон. Для этого мы отправили группу людей с тремя легкими пулеметами для об-

Схема 4. Занятие Палестины и Дамаска

хода правого или западного фланга противника. Примитивные люди, которые не знают маршала Фоша, имеют здравый инстинкт для нахождения тыла противника, особенно когда он, как например в данном случае, предоставляет скрытый подход».

В то время как четыре пулемета, находившиеся на резервном рубеже, обстреливали позицию турок и отвлекали их внимание, пять легких пулеметов (которые для маскировки обслуживались каждый только двумя человеками)

были незаметно продвинуты вперед и внезапным огнем смяли левый фланг турок. Чтобы использовать замешательство противника, сразу же врезалась «кавалерия». Как только был достигнут перевес сил, резерв арабов отправился через центральную равнину с красным знаменем, чтобы закончить победу.

Турки бежали в смятении, оставив на месте боя своего убитого командира, две гаубицы, все свои 27 пулеметов и обоз. Их кавалерия благодаря усталости арабов сумела остановить преследование. Тем не менее при отступлении противника бедуинами из Керака было захвачено свыше 200 пленных и еще больше было убито. Точная цифра потерь не установлена. Лоуренс слышал, что вернулось якобы только 50 беглецов, в то время как турецкий отчет увеличивает эту цифру примерно до четырехсот; немецкий отчет, хотя и не вполне определенный, высказывает предположение, что удалось спастись гораздо меньшему количеству.

Сильный снег и резкий ветер подавили имевшееся у арабов желание добиться дальнейших успехов, и даже Лоуренс был вынужден признать, что продолжение действий потребовало бы у людей слишком сильного напряжения. Полная беспомощность верблюдов в ходьбе по грязи также могла оказаться тактически опасной.

Хотя отряд Лоуренса и был прикован к Тафила, его мысли были направлены к основной цели у Мертвого моря, с тем чтобы там успешно проявить стратегическое влияние. Он вспомнил Абдуллу-Эль-Фэйра, лагерь которого находился в залитой солнцем равнине на южном берегу Мертвого моря. Лоуренс отправился к Абдулле-Эль-Фэйру, рассказал ему об одержанной победе и уговорил его воспользоваться случаем, чтобы произвести набег на небольшой порт близ Мезраа на восточном берегу, откуда хлеб, поступавший из района Керака, отправлялся на судах на север для снабжения турецких армий.

Абдулла-Эль-Фэйр собрал около 70 всадников-бедуинов и отправился туда по узкой тропе между холмами и берегом моря. К рассвету 28 января, всего лишь три дня спустя после «битвы» при Тафила, они достигли бухты, где увидели стоявшими на якоре моторный катер и шесть барж. Команды отдыхали на берегу. Абдулла-Эль-Фэйр атаковал их с суши и этим достиг весьма редкого успеха, а именно — захвата флота кавалерией. Было захвачено 10 *т* зерна и 60 пленных. Затопив баржи и уничтожив постройки, экспедиция вернулась без всяких потерь.

Это достижение стратегической цели — нарушение снабжения турок — обрадовало Лоуренса гораздо больше, чем его тактическая победа. Оно помогло ему забыть о пролитой крови и привело его в хорошее настроение, в котором он написал отчет об операции при Тафила для штаба в Палестине. Составленный им отчет явился еще большей пародией на ортодоксальность, чем сама «битва», поскольку он составил его в обезличенном тоне, применив профессиональный жаргон, который полюбили военные начиная с того момента, когда Цезарь написал свой мастерски придуманный официальный отчет о Галльской войне. Таким образом, по словам Лоуренса, профессиональное начальство могло принять его за исправившегося человека-любителя, скромно следовавшего по стопам авторитетов, вместо клоуна, потешавшегося над процессией военных авторитетов, которая во главе с Фошем в качестве дирижера шла с барабанным боем по старой дороге крови.

Лоуренс получил в награду орден за боевые заслуги. Когда он в следующий раз увидел Алленби, то заявил, что для него, пожалуй, больше подошел бы морской орден. А несколько месяцев спустя, когда Лоуренс находился с экспедицией в пустыне, два британских самолета, завидев караван верблюдов, устроили за ним охоту. Напрасно Лоуренс заставлял своих людей ездить по кругу — обычный сигнал самолету, который показывал, что войска свои,— самолеты продолжали по ним обстрел, но, к счастью, безрезультатно. В своем донесении об этом случае Лоуренс просил о награждении его летным орденом за боевые заслуги со следующей мотивировкой: «За присутствие духа и воздержание от обстрела двух истребителей типа «Бристоль», которые пытались уничтожить пулеметным огнем с воздуха мой отряд».

В течение ряда недель, последовавших после успеха у Тафила, его юмор был ему весьма нужен. Продолжавшийся период плохой погоды расстроил его дальнейший план захвата всего «хлебного пояса» и установления связи с Алленби у северного побережья Мертвого моря. Племена, находившиеся впереди, обещали свою поддержку, но арабов, которые были с ним, задерживал снег, и чем больше они стояли, тем больше охладевали к его идее проведения активных действий. Необходимость отправить верблюдов на теплые пастбища в долине окончательно обрекла их на неподвижность.

Лоуренс, которому надоело оставаться в непривлекательной и населенной насекомыми квартире Тафила, решил

в начале февраля вернуться в свою базу и раздобыть еще денег для финансирования весенней кампании. Переезд по размякшей почве был очень тяжел; верблюды все время скользили по грязи, холодный ветер пронизывал всадников, но не замораживал дороги. Они проехали пост Молада, где никто их не приветствовал, так как несчастные арабы регулярных частей, снабженные только английским обмундированием летнего образца, потеряли половину своей силы в борьбе с непогодой, которая препятствовала туркам разбить оставшихся. Наконец они достигли Гувейра, где Лоуренс встретил не только Джойса, но и Алана Доунэй, прозванного «ежом»,— начальника вновь организованного штаба операций в Геджасе, сформированного в ноябре в Каире для обеспечения лучшей связи и лучшей организации операций арабов. Лоуренс пробыл там три ночи, а затем, получив 30 000 фунтов, присланных Фейсалом, отправился обратно в Тафила, куда он доехал один после еще более утомительного путешествия. В Тафила он встретил прибывшего с палестинского фронта молодого офицера разведывательной службы, говорившего на арабском языке.

Теперь продвижение вперед было осуществимо, поэтому Лоуренс произвел разведку в направлении к Мертвому морю. Однако, когда он по возвращении стал настаивать на этом перед Зеидом, то встретился с затруднениями, вызванными главным образом окружавшими Зеида людьми. Основной причиной отказа от выступления была отговорка, что Зеид израсходовал все деньги, предназначавшиеся на подачки местным племенам, которые никуда не желали двигаться. Убедившись в том, что разговоры ни к чему не приведут, Лоуренс заявил Зеиду, что если деньги не будут возвращены, он от него уедет.

Разочарование, происшедшее после длительного периода напряжения, вызвало у Лоуренса желание бросить все дело. К тому же он чувствовал, что теперь имеет для этого достаточно оснований, так как считал, что расстройство намеченных им военных планов указывало на недостаточность его власти над арабами и сводило к нулю ту цель, для которой Алленби его использовал. В результате Лоуренс отправился на запад к Алленби с намерением вручить ему прошение об отставке.

Проехав почти 120 *км,* он узнал радостную весть о взятии Иерихона. Тогда он отправился дальше в штаб-квартиру Алленби и случайно встретил человека, который мог его заменить. За моральное разложение Зеида Лоуренс винил самого себя. Он заявил, что чувствует отвращение

к ответственности, жаловался, что ему была предоставлена полная свобода действий, и сожалел, что он ею воспользовался. Его личным желанием было вернуться обратно и сделаться колесиком военной машины, имея вокруг себя все удобства. Он пришел к убеждению, что находиться в упряжи повиновения было легче, чем пришпоривать самого себя, являясь начальником.

Подобное настроение Лоуренса частично объяснялось его физическим состоянием: «Я был очень больным человеком, почти дошедшим до точки надлома». Но за этим имелось еще кое-что. Несомненно, что те несколько дней, которые он провел с автобронеотрядом в обычной обстановке британских солдат, показали ему привлекательность этого беззаботного существования в подчинении. Кроме того, для поддержания энергии и боевого духа автомашины, несомненно, являлись лучшим средством передвижения, чем верблюды. Впечатления тех дней, подкрепленные дальнейшим опытом, повлияли на выбор им занятия после войны.

Во время завтрака у Клейтона, последний предъявил новый спрос на услуги Лоуренса, отклонив все его протесты требованием обстановки. Уже в течение нескольких дней до неожиданного прибытия Лоуренса штаб командования безуспешно пытался установить с ним контакт, отправив за ним самолеты.

Этот срочный вызов Лоуренса явился следствием нового призыва к Алленби с запада.

ГЛАВА XIII

КАМПАНИЯ СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ «РЕГУЛЯРНОЙ»

МАРТ—ИЮЛЬ 1918 г.

Немедленно после взятия Иерусалима Алленби было обещано прислать подкрепления. В свою очередь его просили сообщить в общих чертах дальнейший план действий. В своем ответе Алленби подчеркнул трудности дождливого сезона, но сообщил, что в этот период он намеревается вести военные действия против Геджасской железной дороги с целью отрезать 20 000 турок, находившихся к югу от Аммана, затем, слегка продвинув вперед свой левый фланг, приготовиться к новому наступлению в большом масштабе совместно с морскими силами.

Когда Ллойд-Джордж ознакомился с этими планами, они показались ему слишком узкими. Он жаждал вывести Турцию из войны и для этой цели желал бы видеть Алеппо взятым. Это позволило бы отрезать турецкие силы в Месопотамии или в крайнем случае удовольствоваться полной оккупацией Палестины. В связи с этим Алленби был запрошен о том, какие дополнительные силы потребуются ему для осуществления указанных планов.

Алленби ответил, что он надеется осуществить меньшую задачу к середине лета, но для более крупных задач ему потребуется, по крайней мере, 16 пехотных дивизий, т. е. количество, превышавшее более чем вдвое его наличные силы. Но если бы даже Алленби и получил требуемое подкрепление, то все же он не был уверен в возможности обеспечить его снабжение. Алленби объяснил правительству,

что предпочел бы продолжать итти уверенно шаг за шагом вперед в соответствии с заранее намеченным планом, чем следовать полетам фантазии Ллойд-Джорджа.

Робертсон был одним из главных ораторов, доказывавших «невозможность» осуществления желаний Ллойд-Джорджа. Но его влияние постепенно ослабевало. 21 января представители нового высшего военного совета союзников приняли, под давлением Ллойд-Джорджа, решение оставаться в состоянии обороны во Франции, Италии и на Балканах и «предпринять решительное наступление на Турцию в целях уничтожения турецких армий и сокрушения сопротивления турок».

Для подготовки этого британское правительство отправило генерала Смутса со специальным заданием проинспектировать положение британских сил в Палестине и Месопотамии. После ряда совещаний, которые затем последовали, Смутс пришел к убеждению, что ему придется претворить в жизнь желания Ллойд-Джорджа; при этом, пожалуй, наибольшие затруднения представляли не конкретные препятствия — турки или топографические условия, а принципы ведения войны.

Окончательный проект предусматривал, что Алленби должен получить подкрепления в виде британской и индусской пехотных дивизий из Месопотамии и индийской кавалерийской дивизии из Франции. Таким образом в его распоряжении должно было находиться десять пехотных и четыре кавалерийские дивизии. При наличии этих сил Алленби обещал осуществить настолько решительное наступление, насколько это позволил бы успех строительства им железной дороги. План его заключался в том, чтобы начать те мероприятия и те шаги, которые он уже намечал ранее, а затем развить продвижение в северном направлении по побережью, согласуя это наступление с продвижением строительства железной дороги. С помощью арабов и друзов небольшая колонна должна была попытаться продвинуться внутрь страны на Дамаск.

Однако вследствие прорыва на Западном фронте, явившегося результатом германского наступления 21 марта, была осуществлена только первая часть намеченного плана. Кризис, возникший во Франции, привел не только к отмене директив, преподанных Алленби, но и к переброске части его сил на Запад. Туда были переброшены 2 полные дивизии, 9 кавалерийских полков и 23 пехотных батальона, сформированных из оставшихся дивизий. На их место прислали

войска из Индии, которые были наскоро ознакомлены с обстановкой, насколько это представлялось возможным.

Переформированные силы составляли, как и прежде, семь пехотных и четыре кавалерийские дивизии вместо трех. В конечном счете уменьшение сил оказалось благоприятным, так как заставило британское командование развивать идею мобильности и освободило его от скопления масс, слишком больших с точки зрения снабжения при передвижениях. В результате эти силы достигли в сентябре быстрого и сокрушительного успеха.

Согласно оценке официальной истории, план весенней кампании Алленби был «правильным, но жестким и делал транспорт основой всего, вместо того чтобы отвести ему вспомогательную роль. Но Алленби настолько реорганизовал транспорт, что добился менее чем в две недели того, на что потребовалось бы несколько месяцев».

Имея в виду, что к сентябрю условия сопротивления противника сильно изменились, небезынтересно взглянуть и «по другую сторону холма».

Лиман-фон-Сандерс, успешный защитник Галлиполи, принявший в феврале верховное командование над турецкими силами в Палестине, по прибытии к месту нового назначения был информирован, что «британские силы имели настолько значительное превосходство по всей линии фронта, что могли прорвать фронт в любой момент и в любом выбранном ими месте». После инспекторской поездки по фронту Лиман-фон-Сандерс с этим согласился.

Фалькенгаузен был начальником штаба так называемой 7-й армии, находившейся во внутреннем секторе, обращенном к Иерусалиму. По данным Лиман-фон-Сандерса, там для обороны фронта протяжением в 30 *км* имелось всего лишь 3 900 штыков. 8-я армия удерживала береговой сектор. 4-я армия, находившаяся к востоку от Иордана, включала все войска, охранявшие Геджасскую железную дорогу вниз до Ма'ана. Десять дивизий 2-й армии, стоявших против британских войск между Иорданом и морем, были доведены в среднем примерно до 1 300 штыков, т. е. соотношение сил было примерно в три раза больше в пользу англичан. Фактически турки имели значительно большее число пулеметов, чем англичане, — шестьдесят на дивизию, и в этом заключалась реальная сила их обороны. Средством, которое могло ее преодолеть, была подвижность, но в этом отношении британские войска уже давно поставили себя в невыгодное положение.

Другой серьезный момент заключался в том, что силы турок весной, когда Алленби собирался их атаковать, были слабее, чем осенью, когда он нанес им поражение. В сентябре прибыло восемь свежих турецких батальонов, а наряду с этим 10 000 человек маршевых рот для замещения выбывших из строя. Кроме того, к уже имевшимся трем отборным германским батальонам были добавлены еще три. Однако последние, так же как и четыре турецких батальона, были отправлены в 4-ю армию, т. е. в зону арабов. В результате, когда в сентябре Алленби нанес удар, имелось столько же турок, оказавшихся в вынужденном бездействии на востоке от Иордана, сколько стояло против британских войск к западу от Иордана.

Приезд Смутса явился причиной вызова Лоуренса. Алленби хотел знать, какую помощь смогли бы оказать арабы в большом плане наступления, который его вынуждали предпринять. Поскольку Алленби собирался продвигаться к северу, арабы были ему нужны для прикрытия восточного фланга. Это означало, что армия Фейсала должна была сосредоточиться в одном месте для нанесения внезапного местного удара.

(Таким образом из лойяльности к Алленби Лоуренс был вынужден теперь предложить то, против чего он сам до сих пор возражал, а именно — взятие Ма'ана. При наличии большего количества перевозочных средств он просит 700 вьючных верблюдов, а также больше пушек и пулеметов. Арабы «могли бы взять позицию, находившуюся на расстоянии нескольких миль к северу от Ма'ана, и совершенно перерезать железную дорогу, тем самым заставив гарнизон Ма'ана выйти и вступить в бой; в открытой же местности арабы смогли бы легко справиться с турками».)

Для того чтобы произвести это нападение, армии арабов потребовалось бы обезопасить себя от прихода турок по железной дороге. Алленби ответил, что это будет достигнуто его подготовкой наступления на Амман. Он также отправил в Акаба два каравана верблюдов, которые давали возможность регулярной армии арабов оставаться в 140 *км* от базы.

28 февраля было решено, что арабская армия сразу же выступит на плато Ма'ана и займет его, а британские войска должны будут перейти через Иордан и разрушить железную дорогу к югу от Аммана. Начальник штаба Алленби хотел, чтобы арабы, находившиеся на севере, также по-

могли британскому наступлению. Однако Лоуренс не считал подобное близкое сотрудничество практически осуществимым. Он высказывал тот взгляд, что было бы лучше дождаться окончания набега на Амман, так как намеренный отход от железной дороги мог быть истолкован как вынужденное отступление и тем самым вызвал бы реакцию у арабов.

Однако всем этим планам не суждено было сбыться, хотя путь к их осуществлению и был расчищен успехом Лоуренса у Тафила.

Дело в том, что турки, ожесточившись после поражения у Тафила, решили отомстить за него. Для этой цели они отправили основные силы гарнизона Аммана в экспедицию для взятия вновь Тафила как раз в тот момент, когда британские войска готовились к наступлению на Амман. С этого момента все свелось к вопросу времени.

Экспедиция была отправлена по Геджасской железной дороге. Одна колонна была высажена в 60 *км* к северо-востоку от Тафила, другая — в 30 *км* к юго-востоку. Обе колонны сошлись у Тафила, и хотя Зеид оказал упорное сопротивление значительно превосходившим его турецким силам, все же 6 марта он был вынужден эвакуировать город. Турки стали его преследовать и в течение следующего дня снова отогнали по направлению к Шобек. Однако Зеиду удалось избежать каких-либо материальных потерь. После этого бессмысленного парада экспедиция спустя две недели отправилась обратно. Арабы вновь заняли Тафила.

Однако, прежде чем главные силы экспедиционного отряда успели вернуться обратно, британские войска в ночь на 21 марта начали переправу через Иордан для набега на Амман. Против 60-й британской дивизии, конной дивизии Анзак и имперской бригады на верблюдах у турок было всего лишь 1 000 штыков.

К несчастью, пошли сильные дожди, и Иордан вышел из берегов. Британские войска в надежде на улучшение погоды отложили свою попытку на два дня. Затем незначительный удар, нанесенный турками на одной из переправ, вызвал длительную задержку, так что переправа закончилась лишь к утру 24-го. В дальнейшем время было также потеряно при переходе через большое плато вследствие плохого состояния дорог. Таким образом Амман, находившийся примерно в 40 *км* от Иордана, был достигнут лишь утром 27-го.

Эти задержки позволили германскому и турецкому ба-

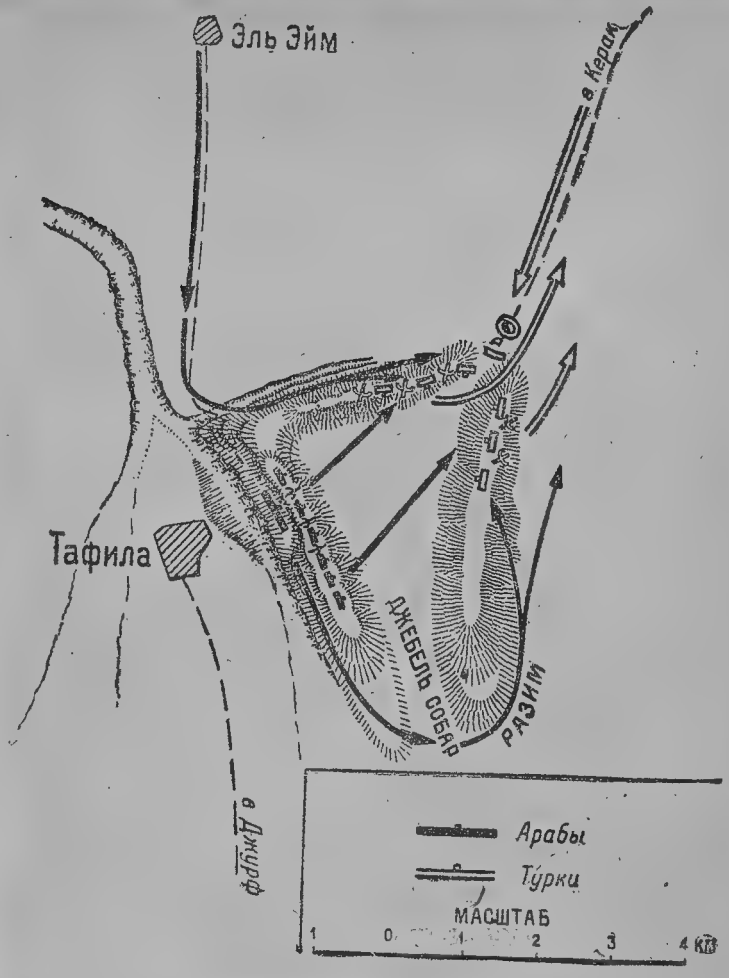


Схема 5. Бой у Тафила

тальонам вернуться на мулах обратно из экспедиции в Тафила и заставили Лиман-фон-Сандерса поспешить с переброской крупных подкреплений по железной дороге из Дамаска. В течение следующих четырех дней происходили бесплодные атаки укреплений Аммана. В конце концов благодаря хорошо выполненному ночному переходу новозеландцам удалось 30-го утром захватить высоту 3039, являвшуюся командной высотой к югу от города, и получить в свои руки то, что, согласно военным учебникам, очевидно,

являлось «ключом позиции». Однако турки отказались признать этот факт, и, таким образом, «ключ в замке не поворачивался». С негодованием и, пожалуй, довольно поздно признав силу непреодолимых фактов, британские войска ночью начали свое отступление. К тому же они совершили еще одну ошибку, причинив железной дороге в течение тех четырех дней, во время которых она находилась в их руках, лишь весьма незначительные повреждения. Лоуренс назвал это «непростительной беспечностью». Британские войска были направлены в Амман не для того, чтобы взять эту деревушку, но для того, чтобы разрушить железную дорогу, а в результате они, имея в своих руках несколько десятков километров линии к югу от Аммана, почти не тронули рельсов.

Отступление через покрытое грязью плато среди толп плачущих беженцев было удручающим и весьма утомительным. При создавшейся обстановке первоначальное намерение навсегда захватить Эс-Сальт было, повидимому, забыто, так как 1 апреля к всеобщему отступлению присоединился и гарнизон.

С экономической точки зрения «набег» оказался не слишком выгодным, так как захват примерно 1 000 пленных только компенсировал британские потери. Морально для англичан эффект был настолько же тяжел, насколько он был подбадривающим для турок.

Лоуренс поехал к северу, будучи готовым воспользоваться занятием Эс-Сальта войсками Алленби. Он выступил 3 апреля с караваном в 2 000 вьючных верблюдов, нагруженных боеприпасами и продовольствием. Размер каравана показывает тот масштаб, в котором он приготовился действовать в районе Мадеба: «это были запасы для 10 000 чел. иррегулярных войск на целый месяц».

6 апреля, после четырех легких переходов, караван достиг хорошо снабженного водой участка Атара к юго-востоку от Аммана и здесь нашел расположившуюся лагерем часть своих союзников. Планом предусматривалось, что, как только британские войска захватят Эс-Сальт, племена бени-сахр начнут продвигаться в западном направлении через железную дорогу на Темид — главный источник получения воды, а затем под прикрытием кавалерии Алленби расположатся в Мадеба. Однако из-за неудачи британских войск у Аммана всем этим замыслам так и не суждено было сбыться.

В первый раз оказалось, что новости в пустыне распро-

странялись с удивительной медлительностью. Так, по расчету Лоуренса он только примерно через две недели узнал о неудаче, постигшей англичан у Аммана.

Сообщения, что британские силы отступают от Аммана, а затем, что они «бежали» от Эс-Сальта, оказались для арабов чем-то в роде холодного душа. Сам Лоуренс серьезно встревожился противоречивостью слухов и отправил Азуба, на которого можно было положиться, в Сальт с письмом для Чэтвуда, прося его уведомить о подлинной обстановке. Однако эта попытка получить информацию оказалась слишком запоздалой. «Поздней ночью Азуба, добравшись на сказковом коне до долины, узнал, что Джемаль-паша действительно находился в Сальте, празднуя свою победу и вешая тех местных арабов, которые приветствовали приход англичан. Турки все еще гнали войска Алленби по долине Иордана, теша себя надеждой, что им удастся вернуть Иерусалим». Но Лоуренс достаточно хорошо знал своих соотечественников и считал это невозможным. Тем не менее было ясно, что дела очень плохи. «Потрясенные неожиданной вестью, мы снова ускользнули в Ататир».

«Этот поворот дела, застав нас врасплох, удручал меня особенно сильно, — признавался Лоуренс. — План Алленби казался весьма скромным, и то обстоятельство, что мы так низко пали в глазах арабов, было особенно неприятным. Арабы никогда не верили тому, что мы сможем осуществить те великие дела, о которых я им говорил, и теперь они свободно высказывали свои мысли».

Прибытие табора цыган дало другое направление неиссякаемой энергии Лоуренса. Он нанял трех женщин в качестве своих спутников для разведки в районе Аммана, переоделся сам с несколькими арабами в цыганские одежды и побывал в городе. Внешний вид Лоуренса и его спутников был слишком соблазнительным для некоторых турецких солдат. В результате, чтобы избежать нежелательных приставаний, им пришлось пуститься наутек. Это приключение убедило Лоуренса, что в дальнейшем, как это было подтверждено и его посещением Бальбека в июне предыдущего года, будет лучше всего носить английскую форму, так как появление в ней окажется слишком наглым, чтобы вызвать подозрение.

Видя, что перспективы на севере для данного времени были неблагоприятны, Лоуренс решил снова присоединиться к Фейсалу, а также отправить обратно индусов из Азрака, где гарнизон провел очень тяжелую зиму. Одним из тех,

кто скончался от холода, был Дод. Его закадычный друг Фарраж не надолго его пережил. Он был тяжело ранен в стычке с турецким железнодорожным патрулем. Когда Лоуренс попытался перетащить его в одеяле, то Фарраж так жалобно стонал от боли, что его снова положили на землю. Чтобы избавить его перед смертью от мучений турок, Лоуренс прикончил Фарража выстрелом в голову.

Когда два дня спустя Лоуренс прибыл в Ма'ан, его ожидали дальнейшие неприятности. На этот раз они были вызваны глупостью арабов, которые в противоположность бедуинам были насквозь пропитаны традициями регулярной войны. Дело в том, что Фейсал принял план Лоуренса о походе к Ма'ану, но это не удовлетворило большинства офицеров новой арабской регулярной армии. Вместо того чтобы действовать достаточно разумно и выманивать гарнизон на открытое место, расположив арабскую армию с двух сторон железной дороги, они решили произвести фронтальную атаку. Напрасно Джойс пытался удержать их от этого шага. Молад, добившийся штурма, пожаловался Фейсалу, что англичане вмешиваются и стесняют свободу арабов—в данном случае свободу повторять военные глупости Западного фронта. Вскоре Джойс заболел воспалением легких и был отправлен в Египет. К тому времени, когда прибыл Доунэй, чтобы отговорить арабских офицеров от их решения, возможность переговоров уже отпала, поскольку арабы считали себя обязанными оправдать свои хвастливые заявления.

Поэтому Доунэй придумал план, приноровленный к их желаниям. Имевшиеся силы [1] были распределены на три части: центральную колонну арабских регулярных частей под командованием Молада вместе с всадниками Ауды, северную колонну, также составленную из арабских регулярных

---

1 В то время северная «арабская армия» состояла из:

а) арабской регулярной армии под командованием Джафар-паши: пехотной бригады, батальона пехоты на мулах, батальона на верблюдах и примерно восьми орудий;

б) британских частей под командованием подполковника Джойса: геджасской автоброневой батареи (три машины Ролльс-Ройс с пулеметами и две десятифунтовые пушки на грузовиках Тальбот), роты египетского корпуса на верблюдах, отряда из четырех самолетов, транспортных частей и рабочих батальонов;

в) французского отряда с таким вооружением: два горных орудия, четыре пулемета и десять автоматических винтовок;

г) бедуинов и иррегулярных частей крестьян-арабов, привлеченных в различном числе к операциям на их собственных территориях, под командованием майора Т. Е. Лоуренса.

частей под начальством Джафара, и южную колонну под непосредственным руководством Доунэя, которая состояла из автобронемашин и египетских частей на верблюдах с незначительным числом бедуинов.

Центральная колонна Молада начала наступление ночью 11 апреля нападением на ближайшую станцию к югу от Ма'ана. Затем она двинулась на Ма'ан. В ночь на 12-е северная колонна Джафара захватила станцию Джердун, находившуюся как раз у Ма'ана, причем взяла в плен 200 турок и два пулемета. Разрушив станцию, колонна двинулась днем вниз по железнодорожной линии и разобрала 3 000 рельсов. Однако слабое место плана заключалось в том, что он предусматривал очень мало времени для того, чтобы турки пошли на приманку, каковой являлось разрушение дороги, прежде чем арабская регулярная армия приступила к штурму Ма'ана.

Когда рано утром 13 апреля Лоуренс прибыл к месту сражения, центральная колонна только что захватила небольшой холм, расположенный на юго-запад от Ма'ана; при этом сам Молад был тяжело ранен. Лоуренс поспешил к его носилкам. В ответ на расспросы старый боец пробормотал арабскую версию Нельсона при Трафальгаре: «Да, действительно, Лоуренс-бей, я ранен, но благодаря богу это ничего. Мы захватили высоту». К счастью, в дальнейшем он поправился. Однако атака развивалась не совсем успешно.

Успех при Семна ободрил горячие головы, и Фейсал получил петицию, подписанную всеми его офицерами, в которой они «умоляли разрешить сынам арабов самим атаковать турецкие окопы». Фейсал и его британские советники чувствовали, что спорить было бесполезно. Там, где рассудок уже не мог помочь, арабские офицеры могли быть излечены только опытом.

Для руководства операциями Джафар спустился к Ма'ану, и 16-го Зеид под прикрытием артиллерийского огня начал штурм станции. Но в это время артиллерия прекратила огонь. Лоуренс, который следовал за наступающими на «форде», поспешил обратно, чтобы выяснить этот зловещий промах артиллерийской поддержки. Оказалось, что все снаряды израсходованы.

Таким образом арабы, которым удалось захватить 70 пленных, были вынуждены оставить станцию и, как это часто бывает, понесли при отступлении по открытому месту значительно более тяжелые потери, чем при успешном наступ-

лении. Это было тем более неприятно, что являлось первым серьезным испытанием новой армии. Когда Ауда пришел в лагерь Фейсала и сказал: «Привет, Лоуренс!», Лоуренс ответил: «Привет за вчерашний вечер».

18-го Джафар попытался добиться сдачи Ма'ана. Хотя ответ турок и выявил их склонность принять это предложение, но в турецком ответе была ссылка одновременно на необходимость выполнения приказов высшего начальства — держаться до последнего патрона. Джафар высказал свою готовность облегчить этот процесс израсходованием ими боеприпасов, но тем временем Джемаль-паша, освободившийся от британского нажима на Амман, сумел отправить подкрепление для возвращения обратно станции Джердун и переправить в Ма'ан через разобранный железнодорожный путь караван с боеприпасами и продовольствием.

В это время южная колонна, состоявшая из британских, египетских и бедуинских частей, разрушала железнодорожный путь к югу от Ма'ана. Доунэй организовал это дело, как выразился Юнг, «по всем правилам военной академии».

Лоуренс же сразу после неудачи у Ма'ана поехал к Доунэю, будучи обеспокоен применением в партизанском бою самого сложного орудия—автобронемашины. Он сомневался также в том, что Доунэй, который не говорил по-арабски, учтет взаимную антипатию между бедуинами и египтянами и будет в состоянии устранить возможные трения между ними. Поэтому он решил предложить свои услуги «деликатным образом — в качестве переводчика».

Не страдая излишней гордостью, Доунэй радостно приветствовал Лоуренса, когда тот приехал 18-го к нему в лагерь. Увидя лагерь, Лоуренс пришел в восторг. В одном месте были расставлены геометрически автомашины, в другом—бронемашины, впереди с пулеметами наготове находились часовые и пикеты. Даже арабы были расположены в тактически правильно выбранном месте, за холмом, в качестве поддержки, но их не было видно и слышно. «У меня так и чесался язык от желания сказать, что единственно кого не было,—это противника».

Тонкая ирония Лоуренса была вызвана видом часовых, расхаживавших взад и вперед. Он взял на себя смелость расставить их в укрытии, приказав им только слушать и сидеть спокойно. Комедия «расхаживающих часовых» не раз обходилась дорого во время иррегулярных операций.

Еще большее впечатление производили оперативные приказы. Каждая боевая единица имела установленные обязан-

ности и время, в которое она должна была их выполнять; все было предусмотрено для того, чтобы можно было избежать каких бы то ни было недоразумений и обеспечить каждое передвижение надлежащей огневой поддержкой. Единственным затруднением было то, что шериф не мог согласовать установленные для него обязанности. Первое мероприятие, которое нужно было осуществить,—это занять пост, который Джойс и Лоуренс захватили накануне нового года; второе — захватить «южный пост»; третье — сблизиться и взять станцию.

На рассвете 19-го автобронемашины, которые «захватили» в темноте станцию, «бесшумно» пошли поверх окопов, разбудив спящих турок, которые начали выскакивать из окопов. Затем Хорнби направился со своими «тальботами», нагруженными взрывчатыми веществами, и уничтожил «мост А», взлетевший на воздух с сильным грохотом. Лоуренс был не только потрясен силой взрыва, но и неэкономным использованием пироксилина. Он побежал вперед, чтобы показать Хорнби свой более экономный способ забивания пироксилина в дренажные отверстия, которые он таким образом превращал в зарядные отделения мин. В результате с последующими мостами разделались более дешево, но не менее эффектно.

План атаки на «южный пост» был несколько нарушен «иррегулярным» поведением бедуинов. В то время как египтяне сознательно продвигались вперед в соответствии с обычным методом постепенных перебежек, арабы пошли в атаку на верблюдах прямо через брустверы и окопы. Турки, измученные войной, с негодованием сдались.

Последовал третий и окончательный шаг. Оперативный приказ гласил: «Станция должна быть взята в 11.30». Однако «турки, очевидно, не зная об этом, впопыхах сдались на 10 минут раньше. Это было единственным пятном за весь бескровный день». Египтяне подходили с севера под прикрытием артиллерийского огня, самолеты бросали бомбы, бронированные машины продвигались вперед, когда через дымку показались турки, размахивавшие белым флагом в знак своего желания преждевременной сдачи. Последовала гонка к станции. Лоуренс оказался первым и получил станционный колокол, следующему достался компостер, а третий получил железнодорожный штемпель. «Турки смотрели на нас с изумлением». Египтяне и бедуины из-за дележа добычи дошли почти до драки, как вдруг один из верблюдов, неожиданно наступив на турецкую мину и тем самым уни-

чтожив себя, временно отвлек внимание грабителей. Лоуренс сказал, что предвидение подобных трений являлось основной причиной, заставившей его поехать к Доунэю. Антипатии между египтянами и бедуинами были очень сильны, и попытки египтян спасти какую-либо часть добычи от грабежа чуть не вызвали схватку. «Меня позвали в самый последний момент, и я едва успел удержать арабов. В противном случае все регулярные солдаты были бы перебиты». Это объяснение может быть дополнено показаниями других очевидцев, которые говорили, что способ, которым пользовался Лоуренс для водворения спокойствия, был совершенно непонятным— чем-то «в роде гипнотического влияния укротителя львов».

Грабеж был настолько грандиозным, что весь план Доунэя рухнул, так как на утро большинство арабов сбежало. Оставшиеся верными арабы были вознаграждены, когда автобронемашины заняли следующую станцию—Рамла, где совсем не оказалось турок, но было оставлено много вещей. На следующий день бронемашины отправились на разведку к станции Мудовара.

Оказалось, что станция была слишком сильно укреплена, чтобы можно было совершить на нее нападение. Тем не менее Доунэй настолько энергично следовал своей тактике разрушения железной дороги, в чем ему помогал присланный Фейсалом отряд арабов, что 130 *км* пути между Ма'аном и Мудовара с семью небольшими промежуточными станциями были разрушены полностью. Поскольку у турок иссякли запасы рельсов, Геджасская линия была разрушена совершенно и Медина отрезана.

Таким образом Доунэй не только осознал необходимость расчета, но и необходимость проведения своих операций до конца. Оценка, данная ему Лоуренсом, заслуживает того, чтобы быть приведенной: «Доунэй был для нас лучшим подарком Алленби—лучшим даже, чем тысячи вьючных верблюдов. Как кадровый офицер, он являлся представителем своей касты; в нем всегда чувствовался подлинный военный. Он разбирался в вещах, инстинктивно чувствуя особенности восстания; в то же самое время военная подготовка облегчила ему понимание этого вопроса. Он ознакомился и с войной, и с восстанием; поскольку он был моим старым другом еще со времени Янбо, моей мечтой было видеть таким каждого кадрового офицера. Однако подобного успеха за три года достиг только Доунэй».

В то время как Доунэй возвращался обратно в Каир, Лоуренс обсуждал со своим вновь назначенным замести

телем, какие дальнейшие операции могут быть осуществлены. Было решено, что, в то время как небольшая часть арабской регулярной армии будет оставлена для сдерживания гарнизона Ма'ана, основные силы под командованием Зеида двинутся на север. Юнг должен был отправиться с Зеидом, войти в контакт с Мизруком и уговорить арабов присоединиться к нападению на Джурф-Эд-Дерауиш. После захвата Джурфа надлежало развертывать дальнейшие операции, для того чтобы добиться к северу от Ма'ана еще одного разрушения железнодорожного пути.

Согласовав план с Фейсалом, Лоуренс отправился в Египет, чтобы выяснить дальнейшие намерения Алленби. Доунэй сопровождал его до штаба. Когда они прибыли туда 2 мая, их ожидали там дальнейшие неприятные новости или, вернее, предчувствие их в ближайшем будущем. Болс с радостью сообщил им: «Ну-с, с Сальтом все обстоит хорошо». Далее он рассказал, что вожди арабов бени-сахр прибыли в Иерихон и предложили поддержку «20 000 арабов из Темида», в связи с чем Болс разработал новый план операций против Амманского плато. Утром 30 апреля британские войска вышли из Иордана, и в тот же самый вечер конные арабы Анзак, прорвавшись на север, заняли Эс-Сальт.

Хотя это звучало хорошо, но Лоуренс почувствовал, что в этом «скрывается обман». «Я спросил, кто был вождем арабов бени-сахр, и Болс ответил: «Фахад». Это становилось все глупее и глупее. Я знал, что Фахад не смог бы набрать и 400 человек и что в данный момент в Темиде не имеется ни одной палатки, так как бени-сахр двинулись на юг, к Юнгу. Мы поспешили в штаб, для того чтобы убедиться в действительном положении вещей, и, к несчастью, узнали, что все было так, как говорил Болс. Британская кавалерия неожиданно пробралась на холмы Моаба, основываясь на каком-то туманном обещании шейхов Зеби — жадных арабов, которые приехали в Иерусалим только для того, чтобы испытать щедрость Алленби, однако там их вскоре раскусили».

В действительности же Болс имел больше оправданий, чем это представлял себе Лоуренс, так как Мизрук, представитель Фейсала на севере, отправил шейхов через Иордан и дал им письмо для Алленби, в котором говорил, что ему нужна лишь небольшая поддержка со стороны британских войск, чтобы покончить с турками в Трансиордании. Его живое воображение, таким образом, разделяло ответственность за доверие, проявленное Болсом, но не извиняло его.

Алленби, конечно, был введен в заблуждение своим штабом в отношении этого вторичного наступления на Трансиорданию. Доунэй покинул его, уехав во Францию, а Бартоломью, который должен был разработать окончательную операцию войны, еще не перевелся из штаба Чэтвуда к Алленби.

Однако Алленби заранее написал Шовелю, которому было поручено произвести новую операцию: «Как только вы захватите фронт Амман—Эс-Сальт, вы должны сразу же подготовиться для дальнейших действий в северном направлении в целях быстрейшего наступления на Дераа». Становится ясным, что эта операция была вдохновлена чрезмерным честолюбием и что она являлась еще одним примером разницы, так хорошо знакомой историку, между намерением командующего и его последующим объяснением для истории.

С момента предыдущего наступления турецкие силы увеличились, причем их главная часть, численностью около 6 000 человек, удерживала чрезвычайно сильно укрепленную позицию поперек основной дороги к Амману. Последняя проходила по откосу большого плато, оставленного британскими войсками при предыдущем отступлении и явившегося теперь преградой на их пути. Для того чтобы преодолеть более сильное сопротивление, британские силы, в основном те же самые, получили в подкрепление австралийскую конную дивизию.

60-я дивизия, частично усиленная конной дивизией Анзак, была предназначена для фронтальной атаки позиции, в то время как остальные кавалерийские части должны были направиться к северу по долине Иордана, взобраться на откос и захватить Эс-Сальт, который удерживался лишь несколькими ротами турок. Оттуда им надлежало направиться к югу против тыла главной позиции. Представители арабов бени-сахр обещали тем временем перерезать пути к Амману, по которому шло снабжение турок. Таким образом теоретически турки должны были быть полностью отрезаны.

Однако 60-я дивизия вскоре имела случай осознать трудности возложенной на нее задачи. Несмотря на повторные попытки, ее атака задерживалась пулеметным огнем. Тем временем кавалерия прошла километров восемнадцать к северу. Здесь бригада была расположена поперек дороги для прикрытия фланга, но была разгромлена турками. Оставшиеся кавалерийские части пошли на восток двумя путями и взобрались на плато, растянувшись при подъеме. До вечера Эс-Сальт не был занят 5-я бригада, составленная из

английской добровольной кавалерии, которая задержалась еще больше, произвела атаку на следующее утро, но была встречена не турецкими пулями, а добродушными насмешками австралийцев.

60-я дивизия, попытавшаяся в то утро возобновить свои атаки на Шунет-Нимрин, встретила еще более серьезный отпор. Между тем командир 5-й кавалерийской бригады, вместо того чтобы притти на помощь пехоте, предпочитал, чтобы пехота пришла ему на помощь. В конце концов командир бригады поехал к командующему дивизией, который, согласившись с его оценкой крепости турецкой позиции, вместо того чтобы посмотреть ее самому, решил отложить дальнейший бой до следующего дня, когда можно будет использовать другую кавалерийскую бригаду. Решение было роковым, так как время шло и возможности пропадали.

С северо-запада через Иордан по мосту Дамие были доставлены турецкие подкрепления; выдвинувшись клином на восточном берегу, они угрожали линии отступления британских войск. Началась гонка между британской кавалерией, которая наступала на турецкий тыл, и турецкой пехотой, наступавшей на британский тыл. Кавалерия оказалась наименее способной к продвижению и наиболее чувствительной к опасности. Несмотря на категорические приказания, полученные от высшего командования, британские войска на следующий день, 2 мая, мало что сделали. К 3 мая положение кавалерии, у которой не оказалось продовольствия, несомненно было тяжелым. В полдень приехал Алленби, чтобы повидать Шовеля. Ознакомившись с «несколько преувеличенным докладом», он решил избегнуть дальнейших потерь и приказал приостановить операцию. Отход к Иордану был проведен достаточно умело и прошел без серьезного вмешательства со стороны противника.

Очевидная опасность потребовала срочного вызова Лоуренса. Его попросили быть готовым к полету в Эс-Сальт и провести обратно отрезанную кавалерию через Мадеба, Керак, Тафила. Это было вполне возможно, так как имелось много воды и достаточно продовольствия. Турки были бы весьма поражены. Штаб считал, что силы, находившиеся в Эс-Сальте, повидимому, оказались отрезанными от Иордана частями противника, слишком сильными, чтобы сквозь них можно было прорваться.

Арабы, на которых рассчитывал Болс, способствовали неудаче британских войск. За недостатком кавалерии они могли бы сломить турецкое сопротивление, лишив турок

снабжения. Официальная история высказывает предположение, что «они, повидимому, были подкуплены», воспользовавшись двойной выгодой за свое умышленное бездействие. Но действительное объяснение было, повидимому, дано Юнгом, который говорит, что когда Мизрук получил ответ от штаба командования, который показывал, что последний отклонил его предложение, он был напуган последствиями своего предложения и решил отказаться от попытки двинуть племя бени-сахр в наступление. «Он знал очень хорошо, что бени-сахр без орудий не смогут ничего сделать, а орудия не прибыли». В отношении этого Лоуренс дал следующее объяснение: «Мизрук не имел права перебрасывать их. После того как они месяц тому назад испытали потрясение, им нужно было бы подвигаться как следует».

Неудача этой второй попытки наступления на Трансиорданию в конечном счете оказалась тем не менее выгодной для англичан, так как она привлекла внимание командования противника к этому району. Алленби не замедлил этим воспользоваться. Репутация упорства британских войск в области стратегии «пытаться и вновь пытаться» заставила поверить, что они могут провести наступление на Трансиорданию и в третий раз.

С точки зрения Лоуренса, неудача имела одно преимущество, заключавшееся в том, что она сделала британский штаб более снисходительным к трудностям, встречавшимся у Фейсала. Неудача укрепила также и положение самого Лоуренса, так как британский штаб увидел, что операции иррегулярных частей являются таким же искусством, как и руководство регулярными войсками. Штаб обещал ставить его в известность в том случае, когда что-либо в этом роде потребуется в дальнейшем. Однако неудача осложнила взаимоотношения Фейсала с племенами, находившимися на севере, которые теперь высказывали меньше желания рисковать своим благополучием, опираясь на такую ненадежную поддержку, как британские войска. «Наше движение, совершенно ясное, когда мы действовали самостоятельно против неприятеля, теперь зависело от случайностей, возникавших у Алленби. Нам приходилось устанавливать нашу линию поведения в соответствии с требованиями Алленби, а его преследовали неудачи. Германское наступление во Франции оттягивало от него воинские части. Алленби мог удержать Иерусалим, но не был в состоянии допустить потери, а тем более начать наступление. В течение некоторого времени и мы, и он должны были просто держаться на занятых позициях».

Таково было положение вещей, о котором Лоуренс узнал 5 мая, когда, согласно первоначально намеченному плану, должно было начаться большое наступление в северном направлении. Лоуренс, конечно, не мог не понимать, что это его касается, потому что ослабление усилий британских войск означало, что армия Фейсала не сможет передвинуться к Иордану и будет вынуждена проводить неполную блокаду Ма'ана, которой турки в Аммане теперь легко могли помешать. Алленби обещал сделать все возможное, чтобы заставить противника предполагать возобновление наступления на Амман, что также помогло бы скрыть его собственные конечные намерения. Воздушные силы оказывали Фейсалу еще бо́льшую помощь, чем прежде, повторными воздушными бомбардировками железной дороги, расстроившими сообщение. По мнению Лоуренса, воздушные силы «теперь были неоценимы».

Лоуренс также получил от Алленби подарок, проявив еще раз свое умение обращать человеческие слабости в свою пользу. За чаем он слышал от Алленби, что бо́льшая часть имперской бригады на верблюдах должна быть расформирована, и пошел повидаться с главным квартирмейстером в надежде получить верблюдов для Фейсала. Квартирмейстер проявил свое полнейшее нежелание расстаться с верблюдами, так как они были намечены им для дивизионных транспортов.

«Я вернулся к Алленби и громко заявил перед собравшимися, что имеется 2 200 верховых верблюдов и 1 300 вьючных. Их всех намечали использовать для транспорта. Представители штаба сделали умное лицо, как будто они действительно сомневались в способности верховых верблюдов перевозить грузы.

После длительных уговоров и угроз я все же верблюдов получил. Арабы могли теперь выиграть свою войну, когда и где они этого хотели». Это дало толчок идее о самом смелом ударе, который Лоуренс когда-либо замышлял. Доложив свой план Алленби, он отправился на юг, чтобы начать подготовку.

Когда Лоуренс вернулся обратно в Акаба и сообщил вождям арабов о плане, они в восторге забыли все свое достоинство. В качестве дальнейшей помощи в отношении подвижности Лоуренс предложил отказаться от египтян, обслуживавших вьючных верблюдов, и заменить их арабами. Британское командование с такой радостью ухватилось за его предложение, что организация транспорта до прибытия погонщиков-арабов была временно нарушена.

Она была исправлена Юнгом, принявшим на себя должность квартирмейстера, дававшую ему больше возможности для проявления своих организаторских способностей, чем в попытках согласования операций бедуинов.

Едва Юнг уехал, как Назир с египетскими частями на верблюдах и Хорнби в качестве инструктора по подрывному делу двинулись на север, где настолько удачно разрушили железную дорогу на протяжении 26 *км,* что в течение критических недель угроза со стороны Аммана была устранена.

Наступление Назира застало турок врасплох. Сначала 23-го он разрушил станцию Хеза и на следующий день — станцию Фарайфра, не потеряв ни одного человека. В промежутки между набегами он отходил в скрытую долину с богатыми пастбищами, где всегда в случае необходимости мог рассчитывать на получение быстрой поддержки от Тафила. Это была та тактика «неуловимого привидения», о которой мечтал Лоуренс.

По возвращении на юг Лоуренс заверил Фейсала, что теперь обеспечена большая передышка до того момента, пока арабы с увеличенной подвижностью благодаря прибытию верблюдов не смогут возобновить свои наступательные операции с бо́льшим радиусом действия и в большем масштабе. Для того чтобы подготовиться к этим операциям, Лоуренс предложил перебросить все арабские регулярные части, находившиеся в то время в Геджасе с Али и Абдуллой, к Акаба. Это позволило бы довести регулярные силы Фейсала примерно до 10 000 человек. Лоуренс намечал разделить их на три части. Самая большая, но наименее подвижная должна была продолжать удерживать Ма'ан. Другая, состоявшая примерно из 2 000—3 000 пехоты, должна была направиться на Амманское плато в качестве ядра для бени-сахр и связаться с Алленби. Третья, чрезвычайно подвижная часть, на верблюдах, численностью около 1 000 человек, должна была совершить длительный переход к Дамаску, чтобы разрушить турецкие линии связи и таким образом затруднить сопротивление турок, стоявших против Алленби. Последняя часть являлась главной частью плана, так как в данном случае Лоуренс имел в виду нечто большее, чем набег.

«Мой план удержания Ма'ана и одновременного призыва к восстанию в действительности был направлен к тому, чтобы захватить Дамаск и уничтожить турецкую армию в Палестине между моим молотом и той наковальней, которой являлись войска Алленби. Последний уверял меня, что

он был приведен в состояние неподвижности... переброской его частей во Францию.

Теперь был 1918 год, и это наступление означало бы подъем движения Фейсала. Его арабы жили нервами (восстание тяжелее, чем война), и их нервы уже не выдерживали. Кроме того, большая война не имела особенно хороших перспектив.

Таким образом я решил предпринять наступление, подбадриваемый намеками из военного совета, который также чувствовал, что Дамаск будет взят или в 1918 г., или никогда. Алленби неофициально согласился, хотя и не давал обещаний, перейти через границу Палестины, однако я чувствовал, что если мне удастся подойти к Алеппо, то он, конечно, также подойдет».

Фейсал тоже согласился с этим планом и дал Лоуренсу несколько писем для передачи Гуссейну. Зная подозрительность Гуссейна к своему сыну, Лоуренс решил сначала добиться давления на него со стороны британских властей. Для этого он поехал в Каир и изложил свои намерения Доунэю, который полностью их одобрил. Затем 19-го они отправились в штаб Алленби, где их ожидал сюрприз.

Лоуренс почувствовал удивительное изменение атмосферы к лучшему. Реорганизация армии продвинулась настолько далеко, а перспективы ее начальников настолько расширились, что Алленби замышлял не только выполнить отложенное весеннее наступление, но и осуществить его в значительно более широких масштабах, имея конечной целью захват Дамаска и Алеппо. Наступление намечалось начать в сентябре, и арабы, как это было заранее договорено, должны были прикрывать фланг Алленби и отвлечь внимание турок ударом на Дераа.

Эти известия, обещавшие более быстрое развитие операций, уменьшили значение проектировавшейся переброски из Геджаса. Тем не менее Лоуренс по опыту прошлых разочарований считал разумным иметь по возможности готовую альтернативу. Получив письмо от Алленби, он отправился в Джидду. Однако Гуссейн, повидимому, был предупрежден о цели его посещения и нарушил планы Лоуренса, постоянно находясь в Мекке. Разговор по телефону оказался безрезультатным, давая возможность Гуссейну «не слышать» того, чего он не хотел. Поскольку Лоуренс уже не чувствовал той необходимости в осуществлении намеченных им мероприятий, какая была раньше, он повесил трубку и вернулся в Каир, чтобы заняться вопросами подготовки имевшихся сил арабов в соответствии с новым

планом Алленби. «Большое наступление будет проводить Алленби, а моя задача снова сведется к тому, чтобы нападать на части противника. Поэтому я уже не нуждался в войсках из Геджаса и был, пожалуй, рад оставить их одних».

Этот период являлся периодом самого длительного отсутствия Лоуренса с арабского фронта — он отсутствовал до 28 июля.

За время его отсутствия арабы потерпели несколько неудач. Особенно тяжелое поражение они потерпели 21 июля вследствие слишком регулярной дневной атаки на станцию Джердун.

Арабы, сосредоточив против турецкого гарнизона до 1 000 бедуинов при поддержке артиллерии, пулеметов и авиации, все же вынуждены были отступить, потеряв 80 человек убитыми. Их отступление дало возможность туркам снова подвезти припасы в Джердун и Ма'ан и произвело настолько тяжелое моральное впечатление, что породило страхи в отношении удержания арабами Абу-Эль-Лиссал. Эта потеря боевого духа, так же как и потеря Тафила в марте, является косвенным доказательством того, насколько приходилось считаться с влиянием Лоуренса; вместе с тем она заставляет предполагать, что необычная тактика и методы иррегулярной войны были наиболее пригодными для осуществления стратегии арабов, что Лоуренс всегда и доказывал.

ГЛАВА XIV

ПОДГОТОВКА К КОНЕЧНОМУ УДАРУ

ИЮЛЬ — АВГУСТ 1918 г.

11 июля Лоуренс и Доунэй снова были в штабе командования, где их ознакомили с основными моментами плана Алленби. Британское правительство не получило еще никаких сведений о намерениях командующего, — настолько тщательно последний скрывал их до того момента, пока его штаб не проработал расчетов, дававших уверенность в их осуществлении.

Опыт, имевшийся у Лоуренса в отношении расчетов британского штаба, всегда вызывал с его стороны здравую критику; поэтому он принял меры предосторожности и посетил отделы, чтобы самому убедиться в точности методов, которые в данном случае применялись. Его беспокойство несколько уменьшилось, когда он узнал, что начальник штаба, так же как и начальник отдела снабжения и перевозок, был в отпуску и что в отсутствии последних вопросы материального обеспечения прорабатывали их «правые руки» — Бартоломью и Эванс. Еще важней оказалось то, что они намечали перераспределение транспортов армейских корпусов не по стереотипному образцу, а методом, который соответствовал различной степени подвижности, в зависимости от стоявших перед ними задач. Таким образом стремительность наступления могла быть выдержана и преследование продлено. Далее, вместо того чтобы быть привязанными к линии снабжения определенного протяжения, боевые части армии получали сравнительную свободу передвижения. Имелось также определенное намерение использовать военные пайки только во время перехо-

дов, в остальное же время доставать продовольствие у населения.

Оперативный план представлял собой противоположность плану Газа — Бершеба. Вместо создания угрозы наступлением у берега, для прикрытия действительного удара внутри страны намечались всевозможные хитрости, чтобы вызвать у противника представление о том, что английские войска собираются двинуться через внутреннюю часть страны из долины реки Иордан, в то время как фактически прорыв совершался прибрежным коридором. Массы пехотных частей намечалось скрытно сосредоточить у Средиземного моря, а за ними в апельсинных рощах у Яффы — кавалерию. После того как 21-й корпус произведет прорыв в турецком фронте, через него должен был пройти конный корпус и преследовать противника. Отогнав противника в северном направлении на 25 *км*, он должен был свернуть на восток в холмы Самарии, чтобы захватить узловой пункт железной дороги у Себастие и перерезать турецкие линии сообщения. Тем временем 20-й корпус Чэтвуда должен был атаковать турецкий фронт на холмах. Это была прекрасно разработанная схема решительного обходного движения, могущая по своей полноте сравниться с Каннами. Спустя несколько недель она была еще более улучшена смелым расширением действий, которыми предусматривалось забросить сеть еще дальше на тыл турок и этим уменьшить их шансы на возможность ускользнуть до того момента, когда сеть будет туго затянута.

Однако совершенство этой схемы являлось одновременно и ее слабым местом, не давая возможности изменений в том случае, если бы первоначально намеченный план не был выполнен. План определялся топографическими условиями, так как только в прибрежном секторе, находившемся у начала железной дороги, могли быть собраны достаточные резервные припасы, а кавалерия могла найти подходящий путь для быстрого продвижения. Бартоломью не напрасно беспокоился в отношении чрезвычайно тонкой границы между полным успехом и полным провалом. Если бы турки только узнали о намеченном плане и оказались достаточно разумными, чтобы во-время отступить, британская армия, по выражению Лоуренса, оказалась бы «в положении рыбы, выброшенной на берег», с неудачно расположенными железными дорогами, тяжелой артиллерией, боевыми припасами, складами и лагерями.

Были приняты все меры к тому, чтобы турки оставались в состоянии заблуждения и их взоры были прикованы к

Иордану. Чтобы достигнуть этой цели, британский штаб придумывал целый ряд стратегически правдоподобных операций в масштабе большем, чем когда бы то ни было. Ложные маневры, которые для обычного генерала были лишь вводными эпизодами перед боем, у Алленби сделались основным моментом его стратегии.

Однако для действительного отвлечения внимания противника Алленби приходилось рассчитывать главным образом на отряды арабов, что и заставило его вызвать в Каир Лоуренса и Доунэя и обратиться к ним с просьбой проявить в этом деле всю их изобретательность.

В Каире их ожидало осложнение: поступили сведения о том, что турки замышляли нанести новый удар по Абу-Эль-Лиссал примерно в конце августа. Если бы это действительно произошло, то весьма вероятно, что план наступления на Дераа был бы расстроен. Теперь арабы также нуждались в отвлечении противника, чтобы обеспечить свой собственный план. О средствах для осуществления задуманного позаботился Доунэй, который предложил воспользоваться оставшимся батальоном разгромленной имперской бригады верблюдов. С помощью Бартоломью им удалось добиться временной переброски на месяц двух рот с условием, что последние будут избегать потерь.

Доунэй и Лоуренс набросали схему, согласно которой отряд Бакстона должен был совершить переход от Суэцкого канала к Акаба и оттуда ночной атакой захватить станцию Мудовара. Вторым большим переходом, повернув к северу, он должен был дойти до окрестности Аммана, уничтожить там мост и тоннель, а затем вернуться в Палестину.

В Акаба план не вызвал одобрения[1]. Джойс и Юнг, встречая на пути многочисленные трудности, прилагали все усилия к организации транспорта арабской регулярной армии для предстоящего наступления на Дераа. Юнг, в частности, считал, что Лоуренс относился слишком легкомысленно к административным вопросам, и был склонен думать, что арабские регулярные части могут передвигаться

---

1 О применявшихся тогда способах связи Лоуренс рассказал следующее:

«Каждое утро перед завтраком Алленби получал сводку всех турецких сообщений за предыдущие сутки. Мы читали все их телеграммы, и я полагаю, что они читали все наши. Для того чтобы держать наши передвижения в секрете, мы пользовались либо воздушной почтой, либо устной передачей. Желая нарушить связь турок, мне пришлось позаботиться о том, чтобы раздать у них в тылу ножницы для резки проводов и перерезать их телеграф хотя бы один раз в день».

так же легко, как и иррегулярные части бедуинов. Сам Юнг с чрезвычайной тщательностью разработал план организации хорошо снабженной базы в Азраке и промежуточных складов боевых припасов в Джефире и Баире.

Сообщение, полученное от Доунэя, являлось весьма неприятным. Джойс опасался реакции, которую могло вызвать вторжение британских сил в зону арабов, и не понимал, почему Лоуренс, всегда противившийся подобному соединению, внезапно изменил свою точку зрения. Возражение Юнга было «чисто арифметическим», так как в соответствии с новыми инструкциями он должен был организовать цепь временных складов фуража и продовольствия для похода отряда под руководством Бакстона. «Каждый груз верблюда, даваемый Бакстону, являлся грузом, который мы отнимали от нашего собственного летучего отряда, а нам требовалось все, что мы могли получить». Поэтому в своем срочном ответе, без особой охоты соглашаясь на проект захвата Мудовара, они возражали против второй, более дальней операции. Последняя, однако, по мнению Лоуренса, была основной, так как являлась средством для убеждения турок в том, что британские войска намереваются произвести еще третье наступление на Трансиорданию. Лоуренс считал, что благодаря этому можно будет искупить потери первых двух ошибочных попыток, превратив их в звенья одной цепи преднамеренной стратегии. То обстоятельство, что корпус верблюдов уже принимал участие в предыдущих наступлениях, могло лишь помочь введению противника в заблуждение.

Имея перед собой более широкие стратегические проблемы, Лоуренс также критически подошел и к оценке присланного в Каир плана Юнга. Зная «грязные, непроходимые дороги» Хаурама зимой, он видел практическую слабость плана в том, что последний предусматривал отправку туда сил в слишком позднее время года. Еще более неудачным было то, что план не был пригоден и для данного частного случая, так как Алленби собирался начать наступление в конце сентября. Наличие любых сил именно в нужный момент было бы лучше самых совершенных и прекрасно снабженных сил, но прибывших слишком поздно.

Поэтому Лоуренс вылетел в Акаба, чтобы ознакомить Джойса и Юнга с новым планом. Хотя его объяснение и было убедительным, оно все же не устранило полностью всех разногласий. «Отношения между Лоуренсом и нами, — говорит Юнг, — на некоторое время сделались несколько

натянутыми, и вид маленького человека, читавшего с лукавым видом в углу общей палатки книгу, был мало утешительным». В данном случае Юнг говорит, повидимому, о себе, так как сомнения Джойса рассеялись, когда Лоуренс указал, что отряд Бакстона не войдет в соприкосновение с арабской армией, но в то же время слух о присутствии этого отряда может вызвать у турок преувеличенное представление об его численности и удержать их от вмешательства в действия арабов. Что касается Юнга, то между ними произошла интересная стычка. Взяв расписание Юнга, составленное им применительно к набегу на Дераа, Лоуренс вычеркнул из него заготовку фуража в районе, лежащем за подвижным складом в Баире, заявив, что в этом году в районе Ахрак — Дераа имеются прекрасные пастбища. Таким образом отпала самая трудная для выполнения статья. Затем он урезал отпуск на продовольствие, заявив, что люди смогут прожить на то, что им удастся раздобыть на месте.

На это Юнг с сарказмом заметил, что десятидневное путешествие обратно превратится в длительный пост. Лоуренс возразил, что он вовсе и не намеревается возвращаться в Акаба. Разговор продолжался в таком духе и дальше, причем Лоуренс парировал «регулярные» возражения Юнга повторением своей «иррегулярной» истины о том, что арабы живут, довольствуясь малым, и одерживают победы над турками благодаря своей неуязвимости [1].

Если Юнг все еще испытывал досаду, а Джойс — некоторые сомнения, то в желании достичь больше того, что казалось возможным, все колебания были забыты. И удивительно, как много удалось добиться такого, что казалось

---

[1] В этом отношении пояснение, сделанное Лоуренсом, показывает ту его заботу, которую он проявлял к получению информации как основы для расчета.

«Прежде чем разработать план наступления на Дераа, я побеспокоился о том, чтобы ознакомиться с местностью, и, перед тем как туда отправиться в августе и сентябре, я изучил пастбища и места нахождения воды. Таким образом (возражая Юнгу) я знал:

а) те части страны, где имеются пастбища для прокорма 2 000 верблюдов, а потому и те дороги, по которым нам нужно было итти;

б) те места, где находились водохранилища (между Азраком и Музейрибом колодезной воды нет, а только водохранилища); последние заполнялись водой весной при разливе реки в долине, и наши места стоянки целиком обусловливались этими водохранилищами; если бы водохранилище в Умтайе весной не заполнялось водой, мы, конечно, не должны были бы итти этим путем.

Что касается отступления, то в случае неудачи для нас была открыта вся область Вади-Сирхан, а за ней Акаба. В сентябре в Сир-

невозможным. Уверенность Лоуренса действовала так же, как подкожное впрыскивание: она производила местный укол, но давала всюду проникающий эффект. Как он заметил сам, она вызывалась не столько верой в свои силы сделать «что-либо» отлично, сколько желанием сделать это «что-либо» хотя бы как-нибудь, чем не сделать его совсем.

Осуществить внешние приготовления к наступлению оказалось легче, чем те дипломатические переговоры, которые полностью выпали на долю Лоуренса. Та лестница, с помощью которой силы арабов стремились добраться до Дераа и Дамаска, должна была создаваться из ступенек, являвшихся рядом племен, каждая из которой должна была хорошо входить в свое место, а все в целом прочно держаться. Наиболее важным моментом являлась возможность обеспечения поддержки Нури Шаалана, без которого экспедиция имела мало шансов взбираться по лестнице. Последний для этой цели был приглашен к Фейсалу.

Интересное впечатление о Лоуренсе того времени высказал майор Стэрлинг, сделавшийся в дальнейшем офицером для связи со штабом британских войск. «Прибыв в Абу-Эль-Лиссал, расположенный примерно в 5 000 футов над уровнем моря, я нашел Лоуренса, только что возвратившегося из успешного набега на железную дорогу, в его палатке сидящим на великолепном персидском ковре, добытом из какого-либо турецкого поезда. Он был одет, как обычно, в белоснежные одеяния с золотым кинжалом Мекки за поясом. Снаружи, развалившись на песке, находилось несколько арабов из его охраны, занятых чисткой винтовок. Арабы, напевая про себя, несомненно, наслаждались воспоминаниями о каких-либо особенно интересных подробностях той дьявольской проделки, которую они только что закончили. Они представляли собой чрезвычайно интересную компанию численностью около 100 человек. Большинство из них являлось по профессии наемными солдатами. Каждый прославился каким-либо отважным подвигом, а с точки зрения умения ездить верхом и ругаться они были самыми искусными в Аравии. Охрана была весьма необходимой предосторожностью, так как

хане изобилие овец, муки и фиников. Кроме того, мы имели 2 000 верблюдов, из которых каждый давал мясной паек для 200 человек.

Я знал свое арабское воинство, как свои пять пальцев, и мог с уверенностью заявить, что оно довольствовалось гораздо меньшим и накормить его было легче, чем англичан. Юнг смотрел на отряд арабов как на армию, я же хотел, чтобы он рассматривал их просто как крестьян в военной форме, каковыми они по сути дела и были».

голова Лоуренса была оценена в 20 000 фунтов стерлингов, а арабы являлись вероломным народом, пока они вам не присягнули и пока они не получают от вас денежного вознаграждения. Любой человек из охраны Лоуренса с восторгом отдал бы за него жизнь. Имелась и другая причина, почему были нужны отборные люди. Передвижения Лоуренса были внезапными, а его поездки — продолжительными и тяжелыми, и лишь немногие обыкновенные арабы были в состоянии покрывать такие расстояния. Как это ни удивительно, но англичанин смог побить все рекорды Аравии и по быстроте передвижения, и по выдержке.

Что же позволяло Лоуренсу овладеть и держать в своем подчинении арабов? На этот вопрос ответить трудно. Арабы отличаются своим индивидуализмом и дисциплине не поддаются, но, несмотря на это, любому из нас было достаточно сказать, что Лоуренс хочет, чтобы то или другое было сделано, и это делалось. Каким образом он приобрел себе такую власть над ними? Частично это может быть объяснено тем, что Лоуренс являлся как бы душой освободительного движения арабов. Последние поняли, что он оживлял их дело, что он может сделать все и выдержать все даже несколько лучше, чем сами арабы, и что, имея золотой кинжал Мекки, он стоял наравне с шейхами или потомками пророка, что эмир Фейсал обходился с ним, как со своим братом, как с равным, что он, повидимому, обладал безграничным запасом золота, а средний араб является самым продажным человеком. Однако я думаю, что искать ответа мы должны главным образом в таинственной способности Лоуренса воздействовать на чувства любой группы людей, среди которых он находился, в его умении читать их задние мысли и обнаруживать силы, заставлявшие их предпринимать те или иные действия.

Способность эта часто подвергалась испытанию, но, пожалуй, никогда еще столь сильному, как в последнее лето войны, когда Лоуренс обнаружил, что Фейсал, считая британские силы ненадежными, вел переговоры с турками. Извиняющими обстоятельствами для Фейсала были не только поражения, которые несли англичане, но также и установленный им ранее факт, что сами англичане вели переговоры с турками и притом с той их частью, которая была наиболее враждебна его намерениям. Переговоры между англичанами и турками дошли до ушей Фейсала через неделю после того, как они произошли. После оставления

британскими войсками Эс-Сальта, Джемаль-паша отправил к Фейсалу из Дамаска Мохаммед-Саида, и результатом их переговоров явилось согласие Фейсала покинуть англичан, если турки эвакуируют Амман и передадут провинцию арабам. Однако об этих переговорах не был предварительно поставлен в известность король Гуссейн в Мекке. Когда он услышал о них, он был ошеломлен и отправил гневную телеграмму протеста, в которой заявил, что он никогда не поддержит подобного соглашения и туркам надо ответить, что «между нами лежит только меч».

Британские представители в Акаба и Египте тогда об этом, конечно, ничего не знали. Однако, несмотря на всю осторожность Фейсала, Лоуренс быстро понял действительное положение вещей.

Способ вмешательства Лоуренса в это дело являлся весьма для него характерным. Осторожно дав понять Фейсалу, что его переговоры с турками ему известны, Лоуренс притворился, что он расценивает их как ловкий дипломатический шаг, предназначенный усыпить бдительность турок, и предложил Фейсалу вести их дальше. Последний последовал его совету, и торговля с турками некоторое время продолжалась, так как Лоуренс правильно учел, что Фейсал, как только его союзникам станет известно о переговорах, будет вынужден превратить свою умышленную политику в невинное отвлечение противника.

Другим примером искусства Лоуренса в обращении с арабами являлся его метод руководства их природным инстинктом, чтобы извлечь из него всю выгоду и в то же время предупредить опасное сумасбродство. Целью Лоуренса было нанести удар так, чтобы не получить удара самому, и ударить в то место, где будет больнее. Предоставленные самим себе, арабы, как он однажды сказал мне, «срубили бы все дерево, вместо того чтобы перерубить его корни». Поэтому, стимулируя активность арабов по свойственным им направлениям, он нашел способы избегать малообещающих начинаний. Иногда он достигал этого посещением Фейсала, которому говорил: «Мы не будем платить за подобное представление».

В других случаях он расстраивал планы более тонко, вызывая среди вождей, которые собирались принять участие в их осуществлении, временные разногласия.

Выработанные Лоуренсом методы объединения арабов для выполнения определенной цели были тесно связаны с его тщательно продуманными стратегическими методами; сосредоточенность мысли порождала сосредоточение сил

если не с внешней стороны, то во всяком случае в действительности.

30 июля Бакстон прибыл в Акаба с двумя эскадронами на верблюдах, численностью в 300 человек, после семидневного перехода из Кабри, находившегося на Суэцком канале. Фейсал частным порядком был уведомлен об их предстоящем прибытии, в связи с чем Лоуренс выехал им навстречу в Акаба. Чтобы уменьшить возможность возникновения трений, Лоуренс из предосторожности обратился к присутствовавшим с речью, которую многие запомнили. Стэрлинг приводит полное описание того, что происходило, по рассказу одного из очевидцев.

«После ужина Лоуренс собрал людей вокруг костра и обратился к ним с самой откровенной речью, какую я когда-либо слышал. Он объяснил им общую обстановку и сказал, что он собирается взять их с собой для перехода через такую часть Аравии, где никогда еще не ступала нога белого человека и арабские племена не были настроены слишком благожелательно. Поэтому не приходилось беспокоиться насчет турок, а, наоборот, требовалось обратить все внимание на наших союзников-бедуинов: они были недоверчивы и, по всей вероятности, будут думать, что мы пришли забрать их пастбища. Поэтому основное, что требовалось, — это избегать какого бы то ни было повода к трениям. Если кто-либо из англичан окажется обиженным или оскорбленным, он просил их «подставить другую щеку», потому что англичане лучше воспитаны, менее предубеждены, а также потому, что их было так мало. Люди были в восторге и пошли спать, думая, что они попали в величайшую кашу военной истории. И это, пожалуй, соответствовало действительности».

2 августа они выступили. Чтобы избежать потерь, Лоуренс сам провел их через первый критический этап, которым являлась область Ховэйтат. Если бы им встретился кто-либо из представителей неблагожелательно настроенных племен, то присутствие Лоуренса помогло бы успокоить последних и предотвратить передачу какого-либо предостережения туркам. То, что Лоуренс отправился вместе с ними, было весьма удачным, так как, когда отряд добрался к долине Рамма, то оказалось, что арабы племени ховэйтат, имевшие там лагерь, были настроены весьма злобно в отношении английского вторжения. Хотя усилия Лоуренса и шерифа смягчили неприятные взаимоотношения с воождями, все же некоторые представители племени в темноте производили иногда одиночные выстрелы по отряду.

Однако, когда наступило утро, для дипломатии оказалось больше шансов на успех, а к полудню Лоуренс чувствовал, что он смело может ехать обратно, в то время как Стэрлинг, приобревший удивительно быстро влияние на арабов, остался вместе с Бакстоном.

Находясь среди массы английских солдат, отличавшихся своей простотой и добродушием, Лоуренс испытывал странное ощущение: это была тоска по родине. Лоуренс почувствовал себя отверженным. Это заставило его еще глубже осознать роль, которую он играл в интересах Англии, используя для этого арабов.

Возвратясь обратно, он узнал, что его ждет самолет, чтобы доставить в Джефир для встречи с тем самым Нури Шааланом, который год назад обвинял Лоуренса, что Англия давала арабам одни обещания, а французам — другие.

Однако беседа с Нури Шааланом и его шейхами оказалась вовсе не такой неприятной, как ожидал Лоуренс. Подавляя в себе по временам угрызения совести, Лоуренс вместе с Фейсалом дипломатично апеллировал к идее арабской национальности, подчеркивая мистическое очарование жертвы за свободу, пока арабы под действием этого двойного красноречия не оказались охваченными порывом к восстанию, а Нури Шаалан со своим племенем не перешел на сторону англичан. Это был один из тех моментов триумфа, которые в дальнейшем, когда Лоуренс вспоминал о них, вызывали в нем мучительные переживания. Из Джефира Лоуренс полетел обратно в Гувейра, а затем поехал в Акаба.

После предварительной разведки на автомобиле, которая убедила Бакстона в том, что все спокойно, рано утром 8 августа отряд тремя колоннами с разных сторон подошел к станции Мудовара. Этот день оказался «черным днем» для турецкого гарнизона Мудовара. Идея британского плана заключалась в том, чтобы окольными подступами пробраться между станцией и оборонительными позициями турок, имея в виду атаковать с тыла и станцию, и позиции. До полуночи к исходной точке были проложены белые ленты, но так как никто не знал хорошо местности, ознакомившись с ней только по снимкам с самолета, то вести части к исходной позиции было чрезвычайно трудно. Время шло, и когда подготовка к штурму была, наконец, закончена, уже начинали проявляться слабые проблески утренней зари. Еще одна десятиминутная задержка — и результат мог бы оказаться плачевным. К счастью, бомбометчики уже пробрались вперед и захватили врасплох два редута и станцию.

Но северный редут в течение часа оказывал упорное сопротивление, пока не был принужден к сдаче орудиями автобронемашин. Было захвачено в плен 150 турок, потери же англичан составляли 7 убитых и 10 раненых. Разрушив станцию с водокачкой и паровыми насосами, а также колодцы, отряд Бакстона вечером направился обратно.

12 августа их приветствовали Лоуренс и Джойс, которые пошли с ними дальше, преследуя двойную цель — произвести разведку дороги для бронемашин к предстоящему наступлению на Дераа и подготовить путь для Бакстона. Лоуренс и Джойс выехали на автомобиле в сопровождении охранявшей их автобронемашины. Бедуины впервые увидели в этих северных частях пустыни столь странное механическое животное, которое, конечно, их чрезвычайно поразило. Однако наряду с этим оно заставило их проявить и более дружеские чувства по сравнению с теми, которые они выказывали безоружным путешественникам. Это первое путешествие «Роллье-Ройсов», освещавших пустынную дорогу снопами света, было в некотором роде триумфальным проездом. Они быстро достигли Азрака и вернулись обратно еще быстрее, по временам несясь со скоростью 70 *км* в час; уже к вечеру следующего дня они завидели лагерные огни Бакстона.

Здесь их ждала неприятность. Юнг своевременно отправил им продовольствие на две недели, но запасы прибыли только на восемь дней, так как часть погонщиков верблюдов свернула в сторону. Это потребовало изменения плана. «Бакстон облегчил свою колонну, оставив все несущественное, я же отказался от двух машин, воспользовавшись лишь одной, и изменил маршрут».

Пребывание Лоуренса среди британских солдат еще раз вызвало в нем смешанное чувство удовольствия и горечи. Он гордился своими соотечественниками, они были для него дорогими и близкими, и также естественно было их видеть в таком странном окружении. Однако наряду с этим он чувствовал себя чужим. Был день его рождения: ему исполнилось 30 лет, и он решил вспомнить свою жизнь. Четыре года назад, когда он пошел на войну, странный порыв честолюбия заставил его решиться сделаться к 30 годам генералом и получить титул баронета. Теперь, если он останется в живых, это являлось для него достижимым, но теперь эти детские мечты утратили для него интерес. Осталось лишь одно честолюбивое стремление пользоваться уважением людей. Это стремление делало Лоуренса особенно чувствительным к вопросу о правдивости

перед самим собой. Он думал о том, как ему доверяли Алленби и арабы и как были готовы умереть за него люди из личной охраны. Он был слишком умен, чтобы рассматривать себя как сверхчеловека. Он понимал стремление обычного человека иметь себе идолов — может быть потому, что не был свободен от этого и сам. Поэтому он был склонен приписать успех своему искусству актера и спрашивал себя: неужели вся слава построена на обмане?

Он был тем более расположен критиковать себя, поскольку обладал инстинктивной стыдливостью. Эта стыдливость зачастую приводила к порицанию скромности, которая в условном смысле заключает в себе слепоту. Чрезмерное осознание им своих мыслей и действий породило в нем исключительную силу самоанализа, сделавшегося у него постоянной привычкой, от которой он освобождался лишь в тех случаях, когда был охвачен неистовым усилием. Отсюда в нем проявилось любопытство к себе, которое являлось главной пружиной большей части его поступков. Пожалуй, Лоуренс вовсе не так уж отличался от других мыслящих людей, как это ему казалось.

Лоуренс сознавал, что наслаждался той славой, которой он достиг, но вследствие своего чрезвычайного чувства отдаленности от других людей он боялся этого наслаждения, становившегося им известным. Это привело его к тому, что он стал отклонять те почести, которых вначале жаждал.

Когда движение возобновилось, он получил мимолетное удовлетворение своего военного инстинкта, заметив умение Бакстона быстро приспособиться к условиям иррегулярной войны. Бакстон разделил свою колонну, являвшуюся негибким соединением, на ряд групп, из которых каждая шла со скоростью, определявшейся условиями местности. Поклажа верблюдов была облегчена и размещена по-новому. Система привалов, определявшаяся временем, была отменена, а сами привалы делались скорее для кормления животных. Все эти перемены весьма радовали знатока иррегулярной войны. «Наш имперский верблюжий корпус сделался быстрым, эластичным, выносливым и бесшумным», хотя уже теперь верблюды Лоуренса, обученные езде по арабскому методу, делали в среднем по 7 *км* в час и таким образом выгадывали себе дополнительное время для прикорма.

20-го группы Бакстона достигли Муаггара, расположенного в 25 *км* к юго-востоку от Аммана, где они намеревались нанести удар. К несчастью, в то время над колонной пролетел турецкий самолет. Кроме того, от крестьян

узнали, что несколько частей турецкой пехоты на мулах было расквартировано в деревнях у моста для охраны сборщиков налогов. Хотя силы эти и не были настолько значительны, чтобы помешать успеху, все же они могли сделать его слишком дорогостоящим. Учитывая приказ избегать потерь, Лоуренс с сожалением решил отказаться от попытки нанесения удара, к большому разочарованию «верблюжьего корпуса».

Для того чтобы добиться максимума возможного, в деревнях стали распространять слухи о том, что этот небольшой отряд является якобы разведывательными частями армии Фейсала, которая в начале следующего месяца должна была захватить штурмом Амман. Это была выдумка, верить которой турки боялись, но возможность подобной операции они себе представляли и удара ее страшились. Они осторожно выслали кавалерию на разведку в Муаггар, где нашли подтверждение диких слухов, распространявшихся крестьянами, так как вершина холма была завалена пустыми банками из-под мясных консервов, а долина была изрезана глубокими следами громадных машин. И сколько следов там было! Это вызвало у турок беспокойство, которое остановило их и заставило быть в нерешительности в течение целой недели. Разрушение же моста дало бы арабам недели две. Играя таким образом на страхе турок за Амман, Лоуренс достиг отвлечения сосредоточения их сил для атаки на силы Джафара у Ма'ана. «Мне хотелось, чтобы Джафар не слишком активно сражался с наступавшим противником, когда мы отводили его конные части по направлению к Дераа».

Однако от этого подготовительного блефа выиграло не только предстоявшее движение арабов; повидимому, он заставил турецкое командование перебросить вновь прибывшие подкрепления для 4-й армии у Аммана за счет прибрежного сектора, находившегося под угрозой англичан.

К вечеру 20-го отряд Бакстона вышел на Азрак.

В Азраке Лоуренс «похоронил» пироксилин, приготовленный для использования в предстоящем набеге на Дераа. 26-го вернулись обратно в Баир.

Здесь его ожидала неприятность, хотя он и должен был знать, что она произойдет именно теперь. С почтой была получена официальная газета, издававшаяся в Мекке и содержавшая объявление, в котором указывалось, что только дураки могут приписывать Джафару присвоенное ему англичанами звание главнокомандующего Северной арабской

армией, так как у арабов такого звания не существует. По-видимому, объявление было напечатано Гуссейном из зависти, после того как он услышал о получении Джафаром британского ордена. В результате Джафар отправил Фейсалу свою просьбу об отставке, и его примеру последовали все старшие арабские офицеры. Фейсал и Лоуренс сделали все, что могли, чтобы устранить вызванное чувство обиды, но когда Фейсал отправил своему отцу телеграмму с протестом, то получил язвительный ответ. Тогда Фейсал по телеграфу предложил свою собственную отставку. В ответ на это Гуссейн прислал еще одну телеграмму, назначая Зеида, но последний сразу же отказался от предложенного ему поста. В течение нескольких дней обменивались негодующими телеграммами в обоих направлениях.

Трудно было выбрать более неудачное время для этой неприятности, поскольку она грозила сорвать намечавшуюся операцию, которая была основана на ряде отдельных передвижений арабов и в которой все должно было происходить по расписанию.

Жертвуя меньшим для большего, Лоуренс первым делом отправил курьера к Нури Шаалану с целью предупредить его о том, что ему не следует, как он сообщил, обращаться с речью к племенам.

Затем Лоуренс принялся за упорядочение дел у Абу-Эль-Лиссал. Нури Саид, сделавшийся в последующие годы премьер-министром Ирака, оказал ему неоценимую помощь и доказал, что его способности политика являлись столь же выдающимися, как и его военные таланты. Такую же помощь оказал и Стэрлинг. Под руководством Нури арабские офицеры в ожидании извинений со стороны Гуссейна согласились отправиться в Азрак. «Если бы эти извинения оказались неудовлетворительными, они могли бы или вернуться, или отказаться от своей клятвы верности». Что касается методов дипломатии лично Лоуренса, то Стэрлинг дает забавные пояснения: «Слышать Лоуренса на одном из совещаний арабов было весьма поучительно. Когда во время дебатов кто-либо из шейхов попадал в затруднительное положение, Лоуренс благодаря своему поразительному знанию прошлой жизни и биографии каждого руководящего араба вставлял замечание, относившееся к какому-нибудь малоизвестному, но позорному случаю из прошлого этого шейха, и такого замечания обычно бывало достаточно для того, чтобы заставить его замолчать и привести остальных членов совещания в веселое настроение». Также часто Лоуренс добивался того, что́ ему было нужно,

своевременным указанием на какое-либо достижение. «Я мог не только хвалить, но и приводить в смущение».

Особенно же удивительные способности Лоуренс проявил тогда, когда потребовалось добиться извинения Гуссейна, которое удовлетворило бы самолюбие Фейсала и восстановило бы его положение среди арабских офицеров,— вопрос, которому Лоуренс придавал большое значение не только с военной точки зрения, но и с политической. Атака на Дераа не могла быть осуществлена без Фейсала, он один мог скрепить успех арабов по взятии ими Дамаска. Но прежде чем Фейсал мог сыграть роль воскресшего пророка, нужно было восстановить его престиж. Алленби и Вильсон помогали словесным нажимом на Гуссейна, однако старик упорствовал. Его телеграммы приходили к Лоуренсу для доставки Фейсалу. Расшифровав телеграммы, Лоуренс, прежде чем доставить их в зашифрованном виде Фейсалу, «искажал нежелательные слова, превращая их цифровые группы в бессмыслицу». Столь простым путем Лоуренс достигал того, что предотвращал излишнее возбуждение у окружавшей Фейсала свиты. Наконец, Гуссейн отправил длинную телеграмму, которая начиналась довольно-таки неубедительными извинениями, но в конце содержала повторные оскорбления. Прежде чем передать депешу Фейсалу, который находился в это время на совещании, Лоуренс выкинул из нее всю вторую часть. Фейсал прочел телеграмму вслух и затем решительно заявил: «Телеграф спас нашу честь». Арабские офицеры стали хором выражать свою радость, чем воспользовался Фейсал, чтобы шепнуть Лоуренсу: «Я имею в виду честь почти всех нас». Лоуренс притворился, что не понимает, в связи с чем Фейсал добавил: «Я предложил совершить этот последний поход под вашим командованием: почему этого недостаточно?» — «Потому что это несовместимо с вашей честью». Фейсал пробормотал: «Вы всегда предпочитаете мою честь своей». Однако кризис был улажен.

Благодаря усилиям, проявленным Лоуренсом, первый караван, состоявший из 600 вьючных верблюдов, уже 30 августа отправился в свой трехсотмильный переход в Азрак под охраной 30 пулеметчиков и 35 всадников на верблюдах. Ко 2 сентября возбуждение, царившее среди арабских солдат, настолько улеглось, что позволило отправить второй караван из 800 верблюдов. Вооруженный отряд состоял из 450 арабов регулярных частей на верблюдах с 20 пулеметами Гочкиса, 2 бронемашин, 5 грузовиков, 2 са-

молетов и французской горной батареи Пизани. 4 сентября на грузовике «Роллс-Ройс» выехал сам Лоуренс, надеясь прибыть во-время, чтобы снова добиться помощи со стороны местных арабов. Его сопровождали Назир и новый помощник лорд Винтертон. За ними должны были следовать Фейсал и Джойс.

Таким образом пустыня сделалась военной дорогой, усеянной колоннами войск, двигавшихся в северном направлении и упорно приближавшихся к Азраку, неся с собой угрозу ничего не подозревавшим туркам. Трудности, которые были преодолены, и достигнутая ими цель породили у британских солдат вполне естественное чувство гордости. У Лоуренса же, когда он ехал за передвигавшимися с большим трудом по сравнению с его бедуинами колоннами, переход вызвал смешанные чувства. Подобный комфортабельный метод путешествия на автомобиле казался ему постыдным, хотя Назир, ехавший сзади и давившийся от пыли, не разделял этого взгляда, особенно в тех случаях, когда грузовик, шедший со скоростью свыше 105 *км* в час, ударялся о края засохшей на дороге грязи. Да и сама пустыня казалась чересчур многолюдной, так как по ней двигались бесконечные колонны войск. Некоторым утешением явилось сообщение о том, что, в то время как они двигались на север, турки отправили еще одну экспедицию к югу, в Тафила. Полученная новость свидетельствовала о том, что стратегически скопление войск не было столь заметно, по крайней мере для турок, как это казалось самому Лоуренсу. «Наши «страшные» разговоры о наступлении через Амман заставили турок почти совсем покинуть Дамаск, а «невинные» — привели их к намерению отразить нашу ложную атаку».

По мнению Лоуренса, Геджас был уже перевернутой страницей, сброшенной картой. Его мысли теперь были обращены к Дамаску, в то время как мысли других все еще были прикованы к Мекке и Медине. Его чувство реализма уже давно отбросило идею о том, что бесплодный и изолированный Геджас будет в состоянии править или даже разделять будущее плодородных и населенных территорий на севере. Восстание в Геджасе послужило рычагом для поднятия восстания арабов вообще; чудом удалось прекратить раздоры и добиться примирения между арабами, по крайней мере на этот месяц. Таким образом от Акаба до Дамаска все шло хорошо. Лоуренс устранил все препятствия и проложил путь. Остальное должно было зависеть от его умения пользоваться обстановкой.

ГЛАВА XV

НАНЕСЕНИЕ КОНЕЧНОГО УДАРА

СЕНТЯБРЬ 1918 г.

Большое британское наступление должно было начаться 19 сентября. Лоуренс обещал Алленби, что арабы окружат Дераа и перережут железную дорогу, от которой зависели турецкие армии. Поскольку это обещание было дано, Алленби расширил свой план и тем самым уменьшил риск от ударов противника. В силу ряда обстоятельств армия еще стояла неподвижно, но была эластичной в своей потенции. План Лоуренса был более инициативным и более твердым в отношении конечной цели.

Однажды в середине августа, возвратясь из поездки, Алленби неожиданно заявил своему штабу о решении направить кавалерию к прибрежной равнине с целью пересечь Кармель близ Мэджиддо, спуститься в равнину Эздраелон и захватить дорогу и железнодорожные центры у Эль-Афуле и Бейзан. Таким образом кавалерия должна была расположиться с двух сторон линии отступления 7-й и 8-й турецких армий и настолько близко к их тылу, чтобы последние имели очень мало шансов на прорыв. Единственный остававшийся выход был бы чрезвычайно затруднителен, а именно — через Иордан в восточном направлении, в пустынную область, где арабы напали бы на них, как осы.

Дераа являлся еще более важным пунктом, так как там находился центр железнодорожных сообщений всех трех турецких армий и линия отхода 4-й армии. Однако она находилась за пределами действия кавалерийского налета даже в теперешнем растянутом положении. До нее могли добраться только арабы. От них зависело многое, для того

чтобы парализовать расположение турецких войск как до начала удара Алленби, так и в период его развития.

Планы Лоуренса заключались в том, чтобы «...произвести ложную атаку на Амман, а в действительности уничтожить железную дорогу у Дераа. Дальше этого мы не шли».

Лоуренс тщательно рассчитал, что одним лишь фактом расстановки сил арабов у Азрака прямо против Аммана первая часть плана, а именно ложная атака, осуществлялась. «Нам нужно было послать наших «всадников св. Георга»— золотые соверины — тысячами к бени-сахр, для того чтобы скупить весь ячмень с их гумен, прося их об этом не упоминать, так как он потребуется нам для наших животных и для наших английских союзников недели через две».

Эти краткие сведения не вскрывают всей тонкости мероприятий Лоуренса, предпринятых им для того, чтобы убедить турок, что целью предстоящего наступления является Амман. Он отправил несколько скупщиков в гумна арабов и закупил на наличные деньги все стога кормового ячменя для лошадей, которые бени-сахр только имели; поставленные им условия предусматривали, что арабы будут его сохранять для Лоуренса до тех пор, пока не получат предупреждения, для какого лагеря, находящегося на расстоянии дневного перехода, ячмень должен быть доставлен. Кроме того, он произвел перепись всех могущих быть приобретенными овец и с помощью четырех местных агентов заключил временные контракты на поставку овец, которых надлежало доставить в лагерь. За это Лоуренс заплатил комиссионные, хотя фактически не приобрел ничего.

Далее он посетил район Мадеба незадолго перед наступлением и там отметил две небольшие посадочные площадки для самолетов, нанял арабов сторожить их и оставил дымовые сигналы и посадочные знаки с инструкциями о том, как ими пользоваться. «Конечно, я выбрал людей, которые сидели бы там на заборе для моего собственного успокоения». Он также воспользовался преимуществом контакта со штабными офицерами-арабами 4-й армии. «Я предупредил их, что в ближайшее время затевается нанесение удара на Амман с востока и запада, и уговорил их расположить свои войска так, чтобы в нужный день не иметь возможности осуществить ни то, ни другое».

Тот же самый оттенок двойного блефа вдохновил его набросать проект атаки на Мадеба под руководством Хорнби с его арабами. «Я использовал все мое влияние для того, чтобы обеспечить нанесение удара Хорнби лично,

прикрепив к нему всех шейхов бени-сахр, и заявил им, что он пойдет с юга, в то время как я отрежу турок с севера и востока. Я также придал ему Зиаба из Тафила — старого болтуна и шейхов Маджалли из Керака, которые имели связь в каждом лагере». Обеспечив гарантией, что их цель отвлечения противника будет выполнена, Лоуренс позаботился о том, чтобы они имели возможность провести ее в жизнь, снабдив их орудиями, деньгами, войсками, снарядами, частью своей личной охраны.

В основе отвлечения лежала цель: ложная атака в случае успеха Лоуренса у Дераа. Тот факт, что турки предугадали это наступление своим новым переходом против Тафила, не только показал, что они попались на приманку, но и являлся косвенным свидетельством значения наличия альтернативы. Более того, альтернатива могла быть возобновлена, так как по нанесении удара силами Дераа турецкие силы у Тафила, весьма вероятно, поспешно отойдут на север. В этом случае атака Лоуренса на Хаурам создаст благоприятную возможность для действий Хорнби. Столь хитро задуманный и в то же время гибкий план должен был вызвать чувство одобрения у самого большого знатока военного искусства.

«В качестве предварительного мероприятия мы решили перерезать линию у Аммана, преградив тем самым возможность подхода подкреплений из Дераа к Амману и заставляя турок думать, что наша ложная атака против Аммана являлась настоящей. Мне казалось, что это предварительное мероприятие (с египтянами, которые фактически должны были выполнить разрушение) могло быть предпринято как ночная операция, которая не должна была отвлекать наших сил от главной задачи».

Задача эта заключалась в том, чтобы перерезать железные дороги в районе Хаурам и держать их в таком состоянии, по крайней мере, в течение недели. Для осуществления этого имелось три способа. Первый — «выступить к северу от Дераа к Дамасской железной дороге, аналогично моему набегу с Таллалом зимой, и перерезать ее, а затем направиться к железной дороге на Ярмук. Второй способ заключался в том, чтобы пойти на юг от Дераа к Ярмуку, как в ноябре 1917 г. с Али Ибн-Эль-Хуссейном. Третий заключался в том, чтобы направиться прямо на город Дераа.

Третий способ мог быть предпринят лишь в том случае, если бы авиация обещала настолько сильную дневную бомбардировку станции Дераа, что эффект ее оказался бы сильнее артиллерийской бомбардировки и позволил бы нам

рискнуть пойти на штурм с небольшим количеством людей. Самонд надеялся осуществить это, но все зависело от того, сколько тяжелых машин он смог бы получить и собрать к необходимому времени.

Доунэй с последними сведениями прилетел бы к нам в Азрак 11 сентября. До этого, по нашему мнению, все три способа являлись для нас одинаковыми».

Самолет, которого ожидали из Палестины, в назначенное время 11 сентября опустился в Азраке. Но вместо заболевшего Доунэя прилетел другой штабной офицер, память которого была, повидимому, настолько ослаблена воздушной болезнью, что вряд ли это могло быть хорошо для начала. Оставив в самолете свои записки, он направился за ними, чтобы принести, и забыл на этот раз упомянуть о намеченном изменении плана Алленби — расширении его обходного движения.

Возможно, что его смущение было усилено тем потрясением, которое он испытал, задав весьма профессиональным тоном вопрос относительно плана обороны передовой базы. С наружно хладнокровным видом, который таил в себе глубину, Лоуренс ответил: «У нас нет никакого плана, турки никогда не придут сюда искать нас». Штабной офицер больше не мешкал. Винтертон заметил, что «он грациозно удалился в свой самолет».

Однако от летчика Лоуренс и Джойс косвенно узнали, что ресурсы Самонда в отношении бомбардировочных самолетов окажутся недостаточными для прикрытия штурма Дераа. Поэтому альтернатива была откинута. Они решили остановиться на движении к северу от Дераа, для того чтобы обеспечить возможность перерезать магистральную линию на Дамаск. На следующий день Пик со своим египетским отрядом и горстью гуркасов был отправлен на север с целью произвести предварительный прорыв у Аммана.

На рассвете 14-го главные силы численностью около 1 200 человек вышли из Азрака и направились к большому колодцу с дождевой водой, находившемуся в 25 *км* к востоку от железнодорожной линии на Амман. К регулярным силам теперь были добавлены специально отобранные части бедуинов, Ауда с несколькими арабами абу-тауи и шейхами Зебн и Серахин. Нури Шаалан, порвав связи с турками, привел 300 всадников. Он также предложил помощь 2.000 всадников на верблюдах, но его просили держать их в резерве, чтобы не напугать крестьян Хаурама до наступления ответственнейшего момента для арабов в будущем.

Лоуренс остался позади в Азраке, устраивая дела с Нури

и Фейсалом, но на следующее утро он отправился за ними в «Роллс-Ройсе», прозванном «голубым туманом», который был его сверхмобильным главным штабом. Как обычно, Лоуренсу пришлось столкнуться с неприятными новостями. Пик вернулся обратно, не сумев выполнить своего задания. Его отряд наткнулся на большой лагерь местных бедуинов, которые получали от турок денежное вознаграждение за охрану железной дороги. Поскольку он не имел ни силы убеждения Лоуренса, ни мешков с золотом, чтобы заставить бедуинов перейти на свою сторону, он был вынужден вернуться обратно.

Эта новость чрезвычайно подействовала на Лоуренса. Если Дераа должен быть отрезан с севера и с запада, как это было предусмотрено, то для надежности, чтобы обеспечить операцию, он должен быть предварительно отрезан и с юга. Кроме того, он хотел, чтобы в течение ближайших двух дней Амман был центром операций. Однако было слишком поздно для того, чтобы отправить другой отряд из медленно передвигавшихся регулярных частей, так как нужно было спешить, для того чтобы достигнуть цели вовремя. Быстро прикинув все возможности, Лоуренс отправился выполнить эту задачу сам.

Он оказался в Умтайе впереди главных сил и еще до вечера произвел предварительную разведку железной дороги верхом на верблюде, обнаружив не только хорошую дорогу для автомобиля, но и подходящий мост для разрушений. После своего возвращения в лагерь Лоуренс рассказал остальным о своем плане и высказал предположение, что его сольное выступление, по всей вероятности, будет забавным. Как заметил Юнг, «по крайней мере для одного из его слушателей оно вовсе не казалось забавным, а казалось совершенно сумасшедшим планом. Однако именно сумасшедшие методы Лоуренса позволили взять Акаба, а на этот раз позволили перерезать железнодорожную линию Дераа—Амман».

На следующий день, в то время как главные силы продолжали продвигаться к северу от Дераа, Лоуренс отправился на запад к железной дороге у Джабира с транспортом, «набитым доотказа пироксилином и детонаторами». Джойс и Винтертон сопровождали его на второй машине, а за ними следовал конвой из двух автобронемашин. Достигнув прикрытия у последнего рубежа перед железной дорогой и захватив с собой 150 фунтов пироксилина, Лоуренс перешел в броневую машину. На машине он отпра-

вился к мосту, в то время как другая машина заняла оборонительную позицию. После непродолжительного сопротивления турки сдались, и Лоуренс принялся за работу, а Джойс поспешил к нему с другой машиной и пироксилином.

Это разрушение доставило Лоуренсу громадное удовлетворение искусством, с которым оно производилось. «В дренажных отверстиях—пять сводов; были вставлены шесть небольших зарядов зигзагообразно; взрыв их сильно расшатал арки моста, причем разрушение явилось прекрасным образцом того замечательного типа, который оставил скелет моста фактически нетронутым, но шатающимся. В результате противник, прежде чем попытаться произвести исправление, должен был уничтожить оставшуюся часть моста». Едва они успели закончить разрушение моста, как показался неприятельский патруль.

Подрывная группа отъехала всего лишь несколько десятков метров, как у машины Лоуренса лопнула рессора. Было особенно неприятно то, что первая авария их материальной части за 18 месяцев путешествия по пустыне случилась именно в этот момент. «Роллыс-Ройс» в пустыне стоил дороже рубинов, но все же, повидимому, не оставалось никакого выбора перед тем, терять ли одну машину или терять все. Однако изобретательность водителя пришла на помощь: вставив в рессоры деревянные клинья и связав их вместе, они сумели скрыться от турок и произвести более надежный ремонт.

На следующее утро, 17-го, они нагнали главные силы как раз в тот момент, когда последние начинали атаку на укрепленную позицию, охранявшую мост у Тэль-Арар. Не обратив на нее внимания, арабы племени руаля бросились к железнодорожному пути, а затем остановились посреди постоянной дороги в позе героев-победителей, пока пули внезапно не начали ложиться вокруг них. Затем одно из орудий Пизани открыло огонь, и под его прикрытием регулярные части арабов быстрым штурмом захватили позицию.

«Таким образом, — писал Лоуренс, — южные 15 *км* Дамасской железной дороги были наши... Это была единственная железная дорога к Палестине и Геджасу, и я едва мог осознать наше счастье, едва мог поверить тому, что наше обещание, данное Алленби, было выполнено так просто и так скоро.

Я хотел уничтожить всю линию в один момент, однако положение вещей, повидимому, изменилось».

Схема 6. Наступление англичан на Амман

После энергичного подбадривания процесс разрушения железной дороги продолжался, но угрожал быть прерванным появлением восьми турецких самолетов, поспешно высланных из Дераа. Хотя арабы и не были подготовлены к принятию мер защиты от воздушной атаки, их инстинкт подсказал им правильный образ действий. Они рассыпались так быстро, что после часа бомбардировки и стрельбы с воздуха оказалось лишь двое убитых. Затем единственный уцелевший самолет арабской армии — старый «В-Е-12», пилотируемый Жанором, появившись в воздухе, отвлек внимание турецких самолетов и пожертвовал собой.

Воспользовавшись отвлечением авиации, Нури собрал 350 арабов регулярных частей и отправился с ними к станции Музейриб на Палестинской ветке. За ним последовали крестьяне.

Затем выехал Лоуренс со своей охраной, в то время как Джойс остался в охранении. По дороге Лоуренс был ранен в плечо осколком бомбы с самолета, но ранение было легкое. Когда он подъехал к Музейрибу, у него создалось впечатление, что все население бежит, чтобы присоединиться к атаке, а когда гарнизон станции сдался после нескольких выстрелов орудий, крестьяне удовлетворили свою жажду грабежа. Тем временем Лоуренс и Юнг перерезали телеграфные провода, прервав этим главную связь между турецкими армиями и их базой, а затем приступили к подрыву рельсов, разрушению станций и подвижного состава.

Теперь возник вопрос о том, следует ли продолжать движение на запад и пытаться взорвать мост у Тэль-Эль-Шехаб в ущелье Ярмук или нет.

В то время как они обсуждали этот вопрос, прибыл молодой шейх из соседней деревни и заявил, что армянский офицер, который являлся начальником охраны моста, хочет перейти на их сторону вместе со своими подчиненными. Час спустя прибыл сам офицер и подтвердил свое желание. Он предложил спрятать у себя в доме несколько наиболее сильных людей, с тем чтобы, когда он начнет вызывать каждого из своих подчиненных, они неожиданно глушили их по головам. Для Лоуренса «это звучало каким-то эпизодом из книг с приключениями», и он согласился с восторгом. Юнг реагировал на это иначе и говорил, что «меня шокировало использование мелодрамы для подкрепления военных операций». Однако план был принят, и ему пришлось только согласиться с последующим решением.

По извилистой тропинке отряд спустился к деревне в тем-

ноте. Карманы Лоуренса были наполнены детонаторами. Внезапно внизу в овраге они услыхали гул мотора. После долгого ожидания шейх пришел сказать им, что его план сорвался вследствие прибытия поезда с германскими резервами, направлявшимися в Дераа. Нури предложил попытаться произвести штыковую атаку моста, но Лоуренс колебался. «Мне приходилось определять стоимость цели количеством жизней, и я, как всегда, находил эту цену слишком дорогой. Конечно, большинство того, что делается во время войны, обходится слишком дорого, но нам, следуя хорошим примерам, нужно было обходиться без этого. В глубине души я гордился планированием наших кампаний, а потому сказал Нури, что я высказываюсь против. За сегодняшний день мы дважды перерезали железную дорогу между Дамаском и Палестиной, а привод сюда гарнизона Афуле является третьим подарком Алленби. Наш союз был освящен самым блестящим образом».

Нури после минутного колебания согласился с моим доводом, и отряд отправился обратно в Музейриб, которого он достиг около 2 часов. Теперь Лоуренс начал сожалеть о своей нерешительности, чувствуя опасность для плана Алленби, если неприятельские подкрепления отправятся обратно к месту его отхода через железную дорогу, а также если двинутся на Дераа слишком рано. Для того чтобы удержать их, он отправил два небольших отряда перерезать линию в пустынных местах с дальней стороны моста. Он также послал телеграмму Джойсу, прося его присоединиться к нему здесь, для того чтобы уравновесить регулярные войска Нури, и заявив, что на следующее утро они будут двигаться обратно через южную часть Дераа, тем самым завершая круг. Он предложил, чтобы Джойс вернулся в Умтайе и ожидал их, так как в Умтайе они будут находиться в выгодном положении в отношении создания угрозы линии отступления 4-й турецкой армии, а также возобновления подрывной работы всякий раз, как противник попытается произвести исправления.

На рассвете крестьяне разошлись по своим деревням, а войска арабов стали пробираться к Насибину, причем все силы были настолько рассеяны, что турецкая авиация была совершенно изумлена как их численностью, так и направлениями их движения. Таким образом без всяких происшествий удалось вернуться обратно к линии Дераа—Амман и при приближении к ней выдвинуть вперед орудия и пулеметы для обстрела станции Насибин. В то время как гар-

низон станции готовился к отражению штурма, на севере был взорван мост, имевший серьезное значение.

Метод этой операции был весьма характерным для Лоуренса, так как не было известно, успела ли охрана моста убежать, чтобы присоединиться к гарнизону станции. Только люди Лоуренса рискнули отправиться вниз к мосту с подрывными средствами, не зная, имеется ли там охрана, но хорошо сознавая, что если хоть одна пуля попадет во взрывчатое вещество, то они будут разорваны в куски. К счастью, оказалось, что мост был покинут. Лоуренс, прежде чем подложить пироксилин под массивные устои, внимательно оглядел мост. Тем временем отряд проскользнул к востоку в пустыню, оставив орудия, для того чтобы сдержать гарнизон станции. Наконец, все было готово, и в темноте Лоуренс включил взрыватели, а сам спрыгнул в оставленный неприятелем редут, пока не прошел каменный дождь. Те, кто наблюдал за взрывом издалека, видели зловещую вспышку взрыва и арку моста, которая оказалась начисто срезанной, причем вся масса медленно соскользнула вниз в долину.

«Подготовительная» операция Лоуренса для Алленби была закончена. Перерезав с трех сторон линии сообщения противника в узловом пункте, он создал чрезвычайные затруднения для турецких армий как раз в тот момент, когда Алленби собирался на них наступать. Удар имел физический эффект временной приостановки притока припасов, а вопрос времени здесь играл главную роль. Кроме того, он имел моральный эффект в том отношении, что заставил Лиман-фон-Сандерса перебросить часть своих скудных резервов к Дераа. Еще более существенным оказалось то, что он выделил для этого германские войска, которые скрепляли его наскоро сколоченные армии. Успех усилий Лоуренса был строго соразмерен; он был слишком мал, чтобы вызвать немедленно отступление Лиман-фон-Сандерса, и слишком близок к дате атаки Алленби.

Оставалось лишь несколько часов до того момента, когда скрытая масса британской армии должна была двинуться вперед, как гигантский, все разрушающий таран. Она была идеально замаскирована. Столбы пыли, созданные санями, которые тянули мулы, днем относились на восток, в то время как колонны войск ночью шли на запад. Батальоны днем шли к долине Иордана, а ночью возвращались, чтобы повторить свой маневр «театральной армии». Кавалерия, периодически сменявшаяся во время летней жары, стояла

в долине, в то время как Лоуренс приобретал громадное количество фуража для предстоявшего ей перехода через Иордан. Под прикрытием многократных и разнообразных маскировок Алленби достиг в прибрежном секторе ошеломляющего превосходства. 15 000 парусиновых манекенов заполняли свободные пути прохождения кавалерии внутри страны.

«Когда после жаркого дня темнота скрыла громадные военные силы, сосредоточенные в долине Шарона, у штаба британской армии был лишь один всех волновавший вопрос: «Находится ли там неприятель?» Может быть, он во-время отошел. Будет ли удар нанесен по слабой защите или же он будет произведен по воздуху и найдет позади укрепления неразрушенными и оказавшимися вне досягаемости орудий?» Беспокойство это исчезло, когда от гула британских орудий за полчаса до начала рассвета взлетели в воздух тысячи турецких сигнальных ракет.

Почему противник остался, чтобы быть истертым в порошок, вместо того чтобы произвести своевременный отход? Мы знаем теперь, что Лиман-фон-Сандерс предвидел большое наступление и в начале сентября намеревался задержать его отходом на заднюю линию близ Галилейского озера. «Я отказался от этой идеи оттого, что нам пришлось бы оставить Геджасскую железную дорогу... а также и потому, что мы уже не смогли бы противодействовать развитию восстания арабов в тылу нашей армии».

Трудно было дать более ясное и поразительное свидетельство решающего значения тактики «неуловимого привидения» Лоуренса, решающего не самого по себе, но потому, что только эта тактика давала возможность решения.

Хотя Лиман-фон-Сандерс и испытывал беспокойство в отношении прибрежного сектора, он еще более боялся последствий атаки к востоку от Иордана, и поэтому даже сообщение о действительном плане, которое было сделано индийским дезертиром 17 сентября, было оставлено им без внимания благодаря наличию более достоверных данных об атаках арабов на жизненно необходимый железнодорожный путь у Дераа. Обманутый миражем Лоуренса, Лиман-фон-Сандерс рассматривал индийского дезертира как подосланного британской разведкой, а его показания — как дезинформацию для прикрытия действительных намерений Алленби. В результате он подставил свои силы под уничтожающий удар.

В 4 часа утра 19 сентября 385 орудий произвели ураганный обстрел турецких позиций. Вслед за этим бросилась вперед пехота, опрокинув, как лавина, удивленных защитников двух мелких систем окопов. Затем войска, отбрасывая турок, ринулись в глубь страны. Остатки 8-й армии бросились через дефиле к Мессудие, в то время как британская авиация сбрасывала на несчастную массу беглецов бомбы и обстреливала их пулеметным огнем.

Тем временем через проделанную брешь прорвалась на 50 *км* вглубь кавалерия, идя прямо береговым коридором. На следующее утро не только захватили Эль-Афуле, но и временно заняли Назарет, где была расположена штабквартира противника, все еще не знавшая о катастрофе, постигшей ее войска, так как агенты перервали телеграфные провода. Сам Лиман-фон-Сандерс едва избежал плена. К полудню кавалерия была в Бейзане; чтобы достичь его, 4-я кавалерийская дивизия прошла за 34 часа почти 120 *км*. Таким образом поперек линии отступления турок барьер был опущен.

Одна оставшаяся возможность отхода могла быть в восточном направлении через Иордан, но ее уничтожили воздушные силы. Утром 21 сентября британские самолеты заметили большую колонну, спускавшуюся по крутому ущелью из Наблус к Иордану. Четырехчасовая непрерывная бомбардировка с воздуха и обстрел из пулеметов чередовавшимися соединениями самолетов заставили эту процессию остановиться, превратив ее в застывшую груду орудий и транспорта. С этого момента можно было считать 7-ю и 8-ю турецкие армии несуществующими. То, что последовало за этим, было лишь загоном удиравшего «стада» кавалерией.

Только 4-я армия, которая все еще была наиболее сильной из трех, осталась восточнее Иордана. На линии ее отступления находились разрушенная железная дорога и арабы. Она испытывала быстрое истощение от непрерывных булавочных уколов со стороны арабов.

Когда катастрофа разразилась над другими армиями, 4-я армия все еще имела шансы на то, чтобы спастись бегством. На ее западном фронте, в долине Иордана, находился отряд Чайтора, состоявший из конной дивизии, подкрепленной несколькими батальонами пехоты. Активными демонстрациями отряд Чайтора создал у противника представление о возобновлении британского наступления на запад и тем самым помог замаскировать действительный

удар Алленби. Эта угроза также помогла удержать 4-ю армию от отступления, хотя задержка турок была вызвана еще в большей степени той медлительностью, с которой до них доходили новости, и их желанием подождать 2-й корпус, отходивший в данный момент от Ма'ана и постов Геджасской железной дороги, находившихся к северу от него. В результате 4-я армия до 22-го не начинала своего отступления. 2-й корпус, переход которого затруднялся бедуинами Хорнби, в то время все еще находился на расстоянии многих миль от Аммана, и отряд Чайтора двигался для того, чтобы его перехватить.

Шансы 4-й армии на осуществление ее отступления зависели от того, сумеет ли она разделаться с арабами и достигнуть Дамаска до того момента, как кавалерия Алленби подоспеет к арабам, чтобы помочь им преградить путь. Разрушенная железная дорога, заставившая турок следовать походным порядком, должна была еще более замедлить их отход, но арабам в течение нескольких дней предстояло также оказаться в тяжелом положении в качестве стратегического клина между подножием Дераа и отступающей массой.

Эта проблема являлась заботой Лоуренса в то утро, когда он отрезал железную дорогу и когда войска Алленби начинали свою атаку. «Стратегически мы должны были держаться у Умтайе, которая давала нам возможность господствовать по желанию над тремя железнодорожными линиями у Дераа. Если бы мы удержали ее еще на неделю, мы задушили бы турецкие армии, какую бы незначительную помощь ни оказал нам Алленби. И все же тактически Умтайе была опасной позицией. Более слабый отряд, составленный исключительно из регулярных войск, без завесы партизан, не смог бы ее удержать. И если бы наша беспомощность в отношении авиации оставалась постоянной, мы вскоре были бы принуждены к сдаче».

В этом заключалась уязвимая сторона арабов. Вследствие своей подвижности и текучести они подвергались незначительному риску со стороны сухопутных турецких частей, но против значительно превосходившей их подвижностью авиации защиту могло оказать лишь непосредственное прикрытие. Хотя британские воздушные силы в Палестине значительно превосходили по количеству и качеству турецкие, которые фактически были прогнаны с воздуха, в арабской зоне, несмотря на то, что стратегически это была самая важная зона, воздушного преимущества не было. Имевшиеся

в арабской армии два самолета погибли, в то время как у турок на аэродроме в Дераа находилось около девяти самолетов. Если бы силы арабов в основном состояли из автобронемашин, опасность была бы невелика, но при наличии у них громадного количества верблюдов и лошадей они представляли собой заманчивый объект для воздушной атаки, местоположение которого было особенно легко определить, потому что кавалерийские части были связаны своими стратегическими задачами и нуждались в воде. Бомбардировка авиации противника уже начала изматывать нервы иррегулярных частей арабов, и чувствовалось, что если она будет продолжаться и далее, то они могут не выдержать и уйти домой.

Спасение заключалось только в получении самолетов от Алленби. По предварительной договоренности из Палестины в Азрак должен был прилететь самолет для связи.

Тем временем Лоуренс и Жанор произвели набег двумя бронемашинами на турецкую передовую посадочную площадку, на которую, они видели, опустились три самолета. Заглушив моторы машин, они медленно сползли в долину и добрались до луга, где находились неприятельские самолеты. Открыв глушители и рванувшись вперед, они увидели, что путь их прегражден глубокой канавой с отвесными краями.

Пока они искали возможного перехода, команды самолетов бросились заводить моторы. Два самолета сумели подняться во-время, но у третьего мотор не завелся, и броневик с другой стороны рва решил его судьбу, выпустив 1 500 пуль в фюзеляж. Когда машины возвращались обратно, их преследовали два самолета, сбрасывая бомбы.

«Мы медленно ползли, беззащитные среди камней, чувствуя себя, как сардины в банке, если бомбы упадут ближе». Одна из бомб вызвала дождь битого камня, куски которого попали в прорезь машины Лоуренса и поранили ему пальцы, в то время как другая сорвала переднюю покрышку и чуть не опрокинула машину.

Тем не менее после нескольких часов сна Лоуренс снова был на ногах и в ту же ночь с машинами прикрывал новый набег на железнодорожную линию, предпринятый египтянами отряда Пика в качестве промежуточного эпизода на пути в Азрак. Лоуренс не любил сидеть без дела и всегда старался убить двух зайцев сразу. Однако в данном случае он помог набегу очень мало, так как сами машины сбились с дороги — возможно от того, что его чувство направления

ослабело после пяти ночей без сна. Неудача была возмещена тем, что он случайно встретил турецкий поезд. В темноте между поездом и бронемашиной произошел бой — зрелище, которое было особенно необычным из-за зеленого душа светившихся трассирующих пуль, которые градом осыпали пассажиров поезда.

По прибытии в Азрак Лоуренс встретил Фейсала и Нури Шаалана и, сообщив им последние новости, воспользовался случаем, чтобы поспать ночь. Когда он проснулся, его ожидали приятные вести. Рано утром из Палестины прибыл долгожданный самолет и привез им первые сведения, удивительные и бодрящие по своей полноте, о победе Алленби над 7-й и 8-й турецкими армиями. Лоуренс немедленно вылетел в Палестину, предупредив перед этим Фейсала, что победу Алленби следует рассматривать как сигнал для давно задержавшегося всеобщего восстания в Сирии. Джойс также решил возвратиться в Абу-Эль-Лиссал, чтобы усилить нажим на турок у Ма'ана.

ГЛАВА XVI

ПУТЬ К ДАМАСКУ

Вылетев всего лишь через час из Азрака, Лоуренс оказался в Палестине, перенесясь из одного мира в другой — из пустыни, где преобладала индивидуальность, к легионам, где царила организация.

Спустившись на аэродром, Лоуренс направился прямо в штаб главного командования, где Алленби ознакомил его в общих чертах с намечавшимся им дальнейшим развитием своего плана. Следующим объектом теперь был, наряду с Бэйрутом, Дамаск. В то время как одна пехотная дивизия пробиралась вперед по берегу за Хайфа к Бэйруту, кавалерия должна была выступить на Дамаск. Австралийская конная дивизия при поддержке 5-й кавалерийской дивизии должна была продвигаться на запад от Галилейского озера, а затем повернуть к юго-востоку на Дамаск по пути, проходящему через Кунетра. 4-й кавалерийской дивизии из Бейзана надлежало нанести удар к востоку на Дераа, чтобы помочь арабам отрезать путь отступления 4-й турецкой армии, а затем двинуться прямо на север, на Дамаск. Тем временем находящийся южнее отряд Чайтора намечалось направить на Амман, также имея задачей отрезать отступление турок.

Алленби просил, чтобы арабы помогли проведению этих операций, взяв на себя в качестве основного объекта 4-ю турецкую армию, и настойчиво предостерегал Лоуренса от попытки нанесения какого-либо самостоятельного удара против Дамаска до прибытия британских войск.

Задача предохранения арабов от действий авиации противника была разрешена удовлетворительно. Когда Лоуренс объяснил создавшуюся обстановку, Алленби тотчас же позвонил по телефону Сальмонду, который сразу согласился

отправить два истребителя. Однако в Умтайе не оказалось горючего. Трудность была преодолена изобретательностью Сальмонда и Бортона, которые разработали план использования нового большого бомбардировщика «Хэндли-Пэйдж» в качестве авиатранспорта.

Было решено, что летчик Росс Смис, год спустя совершивший первый перелет из Англии в Австралию, будет сопровождать на следующий день истребитель «Бристоль», чтобы убедиться в возможности использовать там посадочную площадку для больших самолетов.

Покончив с делами, Лоуренс воспользовался редким случаем провести день отдыха в сравнительно культурных условиях. С точки зрения путешественника, привыкшего к удобствам, штаб-квартира Алленби была простой и лишенной комфорта, но для Лоуренса прохладное, чисто выбеленное здание, без мух, окруженное деревьями, казалось чем-то вроде рая. Однако он не особенно восторгался этим, так как считал непозволительным с моральной точки зрения наслаждаться белыми скатертями, кофе и денщиками, в то время как люди в Умтайе лежали среди камней наподобие ящериц, питаясь плохо пропеченным хлебом и ожидая воздушной бомбардировки с самолета.

Рано утром 22-го воздушные подкрепления вылетели в Умтайе и обнаружили, что ночью силы арабов отошли на несколько километров назад, чтобы избежать постоянной бомбардировки. Турецкая авиация разыскала этот новый лагерь вскоре после прибытия британских самолетов, и завтрак дважды прерывался внезапным переходом от поглощения сосисок к воздушному бою. Два самолета противника были сбиты и упали на землю, объятые пламенем, после чего Росс Смис с неохотой отправился обратно для доставки «Хэндли-Пэйджа», в то время как Лоуренс полетел в Азрак.

Вместе с ним в зеленом «Вокс-холле» возвратились Фейсал и Нури Шаалан. Там они узнали, что «Хэндли-Пэйдж» уже прибыл и разгружал тонну горючего, масло и запасные части, а также продовольствие для британских войск. Юнг, всегда заботившийся о снабжении, уже начал было беспокоиться в отношении проблемы содержания войск, и таким образом эти воздушные доставки имели не только цену новизны, но и оказывали фактическую помощь. Тяжелый бомбардировщик был окружен удивленными арабами, которые благоговейно говорили о машине как об «аэроплане» и называли самолеты-истребители ее жеребятами. Они уже

уничтожили неприятельскую воздушную эскадрилью в Дераа, которая с тех пор перестала беспокоить арабов, появление же бомбардировщика «Хэндли-Пэйдж» имело большое моральное значение, являясь для арабского населения наглядным подтверждением могущества Англии. Громадная машина доказала также и свое военное превосходство, сбросив два дня спустя большое количество стофунтовых бомб над станцией Мафрак с таким эффектом, что товарные вагоны, стоявшие на запасных путях, горели в течение нескольких часов.

Здесь и в Дераа воздушные налеты довели до паралича железнодорожное движение и породили набеги арабов. 23-го арабы произвели новую высадку у Джабира и сожгли деревянные леса, с помощью которых турки пытались восстановить мост, разрушенный Лоуренсом. На этот раз сам Лоуренс отдыхал и предоставил другим офицерам воспользоваться вместе с Нури Саидом успехом этого последнего удара.

По мнению Лоуренса, действия против 4-й армии можно было считать законченными. Те остатки воинских частей, которым удалось ускользнуть из рук арабов, доберутся до Дераа как безоружные отставшие толпы. «Наши ближайшие усилия нужно было направить на то, чтобы добиться быстрой эвакуации Дераа и предупредить возможность формирования там турками оставшихся сил беглецов в тыловое охранение».

Факты, неизвестные ни ему, ни другим, даже тогда оправдывали предположения Лоуренса. 4-я армия уже отступала в северном направлении беспорядочным потоком. До 25-го тыловые части задерживали отряд Чайтора и, жертвуя собою, мешали выполнению возложенной на него задачи, состоявшей в том, чтобы отрезать отступление турок в северном направлении. Последние поезда вышли из Аммана за несколько часов до того, как британские войска заняли город. Однако вскоре поездам пришлось остановиться перед теми разрушениями, которые были сделаны арабами на железной дороге, и турки были вынуждены сойти с поезда. Только первые отправления воинских частей добрались до Дамаска, меняя поезда, основные же силы 4-й армии представляли собой сборище людей, едва волочивших ноги.

Хотя Лоуренс и заблуждался в своем предположении, что только безоружные солдаты достигнут Дераа, но в стратегическом смысле его предсказание в основном оказалось правильным. К тому времени, когда армия достигла Дераа,

разложение уже зашло далеко. Любая задержка отступления могла предоставить шанс для этой массы сосредоточиться вокруг нескольких твердых остатков, которые еще сохранились. Предотвратить подобную передышку являлось стратегической целью арабов и самой существенной услугой, которую они могли бы оказать делу Алленби.

24-го британский самолет пролетел над ними, чтобы сообщить им новость о дальнейших успехах в Палестине и предупредить о том, что 4-я армия в своем отступлении направляется на них. В тот же самый день силы арабов отошли обратно к Умтайе, где на следующее утро происходило весьма важное военное совещание. Для выполнения своего нового плана Лоуренс предложил, «чтобы мы завтра на рассвете пошли на север через Тэль-Арар и через железную дорогу в деревню Шейх-Саад». В 17 *км* к северу от Музейриба на дороге паломников и на фланге Дамасской железной дороги «в хорошо знакомой нам местности, где вода была в изобилии, находились прекрасный наблюдательный пункт и надежная позиция для отхода на запад, на север и даже на юго-запад в том случае, если бы на нас была произведена непосредственная атака. Это отрезало Дераа от Дамаска, а также от Музейриба». Преимущества подобного маневра легко видны, но для того, чтобы застраховать себя от связанного с ним риска, требовалось хорошее понимание обстановки, так как «отход на запад, на север или даже на юго-запад» завлек бы арабов в направлении противника. Этот факт беспокоил некоторых из спутников Лоуренса, «которые не видели, что Галилейское озеро полностью прикрывало районы, в которые мы должны были отступить. В них мы могли бы выдержать двухнедельную осаду».

Хотя, в частности, Юнг и высказывал свои опасения, вожди арабов присоединились к точке зрения Лоуренса, и отряд приготовился к выступлению. В предвидении наступления верблюды Нури Шаалана были вызваны из Азрака, что довело общую численность отряда более чем до 3 000 человек, причем три четверти этого отряда состояло из иррегулярных частей. К сожалению, самолеты-истребители типа «Бристоль» возвращались в Палестину, а автоброне-машины — в свою базу в Азрак. Объяснялось это тем, что «местность вокруг деревни Шейх-Саад была непроходима для бронемашин, у которых к тому же оставалось очень мало горючего. Авиация же захватила наш план операций для доставки его Алленби».

Наступление на север началось в тот же день, но тут же было прервано тревогой. Один из направлявшихся в Палестину самолетов вернулся обратно и сбросил сообщение, в котором говорилось, что приближаются крупные силы кавалерии противника. Это было неприятным известием, особенно теперь, когда арабы были лишены авиации и бронемашин. Лоуренс и Нури Саид срочно собрались на совещание, чтобы решить, следует им продолжать путь или оставаться. Казалось более разумным отходить. Поэтому они и поспешили отвести регулярные части, иррегулярные же на лошадях были высланы вперед, чтобы задержать приближавшихся турок. Однако турки находились в таком состоянии, что и не собирались производить атаку. Они были обнаружены автобронемашинами, направлявшимися в Азрак, и когда последние открыли огонь, возникла паника, и турки разбежались.

Тем не менее эта остановка не только задержала наступление арабов, но и угрожала ему более серьезным и длительным перерывом с британской стороны, так как вечером Юнг доказывал, что остановка явилась предупреждением против возможности беспрепятственного перехода железнодорожной линии. Кроме того, Юнг продолжал настаивать на том, что арабы уже сделали достаточно и будут оправданы в своем решении отойти на позиции к востоку от железной дороги, где собирались друзы. Здесь они смогут подождать до тех пор, пока британские войска не возьмут Дераа.

Это предложение встретило резкий отпор со стороны Лоуренса. Он возражал, потому что с моральной точки зрения оставить войска Алленби без помощи в последний момент означало жертвовать честью арабов из-за безопасности, а с политической—потому, «что это уничтожало шанс на объединение тех земель, за которые арабы воевали в течение двух лет». Лоуренс никогда не терял из виду обещания, данного им в Каире: «Арабы должны удержать то, что они захватывают». С военной же точки зрения — потому, что это угрожало испортить наилучший шанс для быстрого решения.

В то время как Лоуренс обосновывал свои планы военными преимуществами, Юнг упорствовал в своих взглядах, подчеркивая ближайший тактический риск продвижения поперек пути турецкой армии, находившейся так близко. Ему мерещилось, что несколько сот человек медленно двигающихся арабских регулярных частей будут раздавлены

10 000 турок. Столкнувшись с невозможностью убедить Лоуренса, Юнг стал на ту точку зрения, что он является кадровым военным и в настоящее время старшим. Однако это мало подействовало на Лоуренса. Он не захотел слушать дальнейших доводов Юнга, заявив, что хочет спать, так как ему придется рано вставать, чтобы перейти через железную дорогу, и что он пойдет со своей охраной и иррегулярными частями даже в том случае, если регулярные части не пойдут. Зная отношение Нури Саида, Лоуренс был уверен, что регулярные части пойдут.

Утром поход продолжался, причем численность сил арабов увеличивалась благодаря все возраставшему наплыву бедуинов и жителей деревень. В полдень перешли через железную дорогу без каких бы то ни было помех со стороны противника, оставляя после себя следы разобранных рельсов, подорванных и вырванных с таким проявлением энергии, которое вряд ли было менее эффективным, чем более совершенное, но ограниченное разрушение. После первоначального разрушения сообщение по данной главной магистрали было прервано на девять дней. Линия была исправлена как раз этим утром, для того чтобы по ней можно было пропустить отдельный воинский поезд, и теперь железнодорожный путь был снова разрушен. Начиная с этого момента, железная дорога оставалась перерезанной, а шесть поездов оказались загнанными в Дераа и впоследствии попали в руки арабов.

Отсутствие сопротивления побудило Лоуренса расширить свой план. Ночью отряд разделился на несколько частей. В то время как главные силы следовали по дороге без единого выстрела к Шейх-Сааду, Ауда свернул в сторону, к станции Газал, где захватил застрявший поезд и 200 пленных. Нури Шаалан спустился к югу по дороге в Дераа и окружил еще 400 турок, которые были расквартированы по различным селениям. Главные силы арабов, энергично подбадриваемые Юнгом, достигли Шейх-Саада на рассвете 27-го; туда же вскоре собрались и другие отряды с захваченной ночью добычей.

С вершины холма в Шейх-Сааде вожди арабов оглядывали местность и горизонт. Повсюду виднелись части войск, двигавшиеся к северу; это доказывало, что наступление на Шейх-Саад произвело соответствующий нажим. Турки, получив ночью фантастические сведения о численности сил арабов, отдали приказ о немедленной эвакуации Дераа, причем сожгли оставшиеся там шесть самолетов — свою последнюю надежду видеть, где находится противник. Некоторые

части были слишком велики или слишком далеко ушли вперед, чтобы их можно было перехватить, но несколько небольших и близко находившихся частей было захвачено. Всего за 24 часа до полудня 27-го было взято в плен 2 000 человек; еще большее число было отпущено после того, как у них отобрали животных и снаряжение. Наряду со столь опьяняющими успехами даже для британских офицеров показалось незначительным доставленное самолетом известие о том, что Болгария капитулировала.

Другой британский самолет прилетел, чтобы предупредить о том, что две большие неприятельские колонны приближаются с юга: одна численностью в 6 000 человек шла из Дераа, а другая в 2 000 человек — из Музейриба. Это означало, что в данное время поблизости находились основные массы отступавших турок. Однако все еще не имелось никаких признаков появления британской кавалерии, которая должна была подоспеть на помощь арабам.

4-я кавалерийская дивизия, находившаяся на Иордане, до утра 26-го не начинала своего похода в восточном направлении. Головная бригада получила приказ достигнуть Ирбида и, если возможно, войти в соприкосновение с арабами в ту же ночь. Приблизившись к деревне, бригада наткнулась на тыловое охранение противника и после боя была вынуждена задержаться вследствие отсутствия предварительной разведки и чрезмерной самоуверенности. Эта задержка вызвала противоположную реакцию, а именно — излишнюю осторожность, так как на следующий день, 27-го, продвижение бригады было чрезвычайно медленным, а после полудня совершенно прекратилось. Таким образом был упущен случай обхода 4-й турецкой армии, которая вышла из Дераа за день до прибытия бригады.

Неудача подвергла силы арабов кажущейся опасности. Учитывая тот факт, что последние имели всего лишь 600 человек регулярных войск, предостережение, полученное с самолета, о том, что две колонны противника движутся в их направлении, могло сильно подействовать на нервы любого командира. Однако психологический анализ, сделанный Лоуренсом в отношении турок, заставил его пренебречь опасностью создавшейся обстановки, а наряду с этим воспользоваться той возможностью, которую она предоставила.

Бросить свои силы против колонны, двигавшейся к северу от Дераа, при наличии другой колонны поперек его пути было бы безрассудным. Во всяком случае это был

слишком жирный кусок, чтобы его можно было проглотить сразу. Одна часть людей была отправлена в помощь местным арабам. Лоуренс сразу же поехал со своей охраной в Тафас, чтобы, если возможно, задержать турок до прибытия на подмогу регулярных частей арабов. Маневр оказался слишком поздним, чтобы спасти Тафас. Приближаясь к деревне, Лоуренс увидел поднимавшийся дым и встретил нескольких обезумевших от горя беженцев, которые рассказали об ужасных деяниях, происшедших час назад, когда турки заняли деревню. Резня была уже закончена, и турецкие колонны выходили из деревни, чтобы продолжать свое движение на север. С целью задержать их до прибытия пехотных частей Нури Саида, охрана Лоуренса открыла огонь. Когда артиллерия подошла и заняла позицию, заставив противника повернуть на восток, Лоуренс в сопровождении Таллала и Ауда проскользнул в деревню за спиной турок. Они наткнулись на трупы мертвых детей и тела женщин, убитых непристойным образом.

При виде этого зрелища Таллал застонал, медленно натянул свою головную повязку на лицо и затем внезапно поскакал галопом прямо на противника, чтобы быть скошенным пулями. Ауда, взяв на себя руководство боем, атаковывал неприятеля до тех пор, пока не разбил его отряда на три части. Самая малая часть, состоявшая из германских и австрийских пулеметчиков, оказывала упорное сопротивление, другие же две постепенно ослабевали и уничтожались в бою. При мстительном бешенстве арабов приказ Лоуренса о том, чтобы не брать пленных, был излишним. «В безумии, овладевшем нами в результате ужаса Тафаса, мы убивали и убивали, даже разбивая головы сраженных людей и животных, как если бы их смерть и текшая кровь могли заглушить наши страдания».

Даже после того, как бойня была закончена и арабы вернулись со своей добычей обратно в лагерь, Лоуренс не мог успокоиться, вспоминая своего убитого товарища Таллала. Он потребовал себе верблюда и с одним человеком из своей охраны выехал ночью, чтобы присоединиться к племени руаля, которое задерживало большую колонну противника. Лоуренс обнаружил ее по отдаленному звуку выстрелов и вспышкам орудий. С заходом солнца турки пытались расположиться лагерем, но арабы непрерывно беспокоили их своими набегами, заставляя находиться в движении. В результате турки шли, спотыкаясь, беспорядочными толпами, от которых отставали отдельные солдаты, слишком

переутомленные для того, чтобы воспользоваться своим единственным шансом самосохранения.

Как обычно, Лоуренс смотрел вперед. Арабские конные и верблюжьи части могли обойти еле передвигавшиеся пешие колонны противника, когда хотели, положение же в Дераа должно было быть упрочено. «В качестве прелюдии для наступления на Дамаск являлось необходимым занять Дераа». Трад отправился вечером в Дераа вместе с арабами Рувалла и сообщил, что местность была пуста. Однако не исключена была возможность встретить еще турецкие колонны, а при отсутствии кавалерии Бэрроу арабы, не получив быстро подкреплений, могли попасть под удар.

Поэтому Кхалид, собрав вокруг себя несколько сот своих людей, повернул к югу, в то время как Лоуренс отправился обратно в Шейх-Саад. Здесь он узнал и плохие, и хорошие новости. В лагере уже нависла угроза разногласий, так как успокоить вчерашнюю жажду крови было нелегко. Будучи ею опьянены, арабы вспоминали свои собственные кровные раздоры и счеты между племенами. Внутреннее спокойствие удалось сохранить с большим трудом. К счастью, создавшееся напряженное состояние было разряжено прибытием курьеров от Трада с сообщением, что Дераа взят, причем захвачено 500 пленных. Назир и Нури отправились туда со своими людьми, поехал и Лоуренс, хотя это была четвертая ночь его непрерывных разъездов. «Мой разум не позволял мне чувствовать, насколько усталым было мое тело».

Его нетерпение было настолько велико, что после сопровождения в течение некоторого времени Нури Саида он «дал свободу своему верблюду, который с каждым километром опережал моих спутников все дальше и дальше. Двигаясь с регулярностью поршня в машине, я въехал в Дераа совершенно один на рассвете 28-го». «Это была сумасшедшая поездка, — добавляет Лоуренс, — по стране убийства и ночных ужасов».

Назир находился в доме мэра, проводя подготовку распоряжений для военного губернатора и полиции. Помимо установления охраны над колодцами, навесами для машин и складами, Лоуренс предложил более серьезное мероприятие, так как его желание было видеть арабов уже установившими порядок до того, как англичане узурпируют руководство их обычным «коротким» образом. Он подоспел как раз во-время, так как головные части англичан под командой Бэрроу приближались к краю холмов, готовясь к штурму. Лоуренс вышел к ним сообщить о том, что Дераа уже

находится в руках арабов. «Взятая мною на себя задача была не из легких. Я захватил с собою только одного человека; я побрился, надел чистую одежду и обращался со всеми с шутовским безразличием, причем меня принимали сначала за туземца, затем — за шпиона, пока, наконец, я не нашел Бэрроу».

Лоуренс спокойно заявил, что теперь английские войска являются войсками арабов. «В те минуты моя голова работала полным ходом в отношении нашего совместного поведения с целью предотвратить те фатальные первые шаги, с помощью которых англичанин без воображения, но с самыми лучшими пожеланиями в мире обычно лишал податливого туземца дисциплины и ответственности и создавал положение, для исправления которого в дальнейшем требовался ряд лет агитации, последующих реформ и шумихи».

«Узнав, что он был предупрежден как в своем намерении расставить часовых, так и захватить железные дороги, Бэрроу сдался, обратившись ко мне с просьбой найти для него фураж и продовольствие. Одной из причин того, что ему было трудно примириться с неожиданным положением, оказалось его отвращение к ужасным зрелищам, которые он молчаливо наблюдал во время ночного грабежа турецких частей города. Но поскольку он сдался, он это сделал торжественно. Так, когда Лоуренс обратил его внимание на шелковое знамя Назира, которое висело снаружи правительственного здания, Бэрроу отдал ему салют таким образом, что привел арабских солдат в трепет».

Для Лоуренса это удовольствие имело солоноватый привкус. Он уже предчувствовал двойное беспокойство впереди как за самих арабов, так и за отношения между ними и их союзниками. Чувство тревоги усилилось еще больше после соприкосновения арабов с обученными войсками. «Сущностью пустыни являлся одиноко двигавшийся человек, «сын дорог», находящийся в стороне от мира, как бы в могиле. Регулярные же войска, похожие на стадо овец, не выглядели заслуживающими привилегии. Мой ум чувствовал в рядовом составе индийских войск что-то слабое и ограниченное, представление о самих себе не вполне благородное — почти намеренное подхалимство вместо резкой крепости бедуинов. Обращение британских офицеров со своими людьми привело в ужас мою личную охрану, которая до этого момента никогда не видела личного неравенства».

* * *

Чувство отвращения у Лоуренса увеличилось после того, как он был очевидцем скотской распущенности, до которой доходили строго дисциплинированные войска, когда прорывались наружу их низменные инстинкты. Он не мог не вспомнить также и поведения британских войск в Бадажоз. «Мои товарищи из автобронечастей являлись для меня определенными лицами, вследствие того что их было немного и вследствие нашей долгой совместной работы; кроме того, их однородность в течение этих месяцев... исчезла, и это превратило их в людей с индивидуальными чертами». Прибывавшие же вновь войска были обезличенной массой, огромные количества подчеркивали их стереотипное поведение.

В последующие дни, по мере того как отряды сходились к Дамаску, Лоуренс еще ближе соприкоснулся с этим непривычным для него окружением. «Меня вновь поразило, как военная форма превращает толпу в прочную, безличную и заслуживающую уважения массу, придает ей однородность и натянутость выдающегося человека. Эта ливрея смерти, которая отделяла стеной носящих ее людей от обычной жизни, являлась признаком того, что они продали свои желания и тела государству и нанялись на службу, испытывая унижение, несмотря на то, что начало этой службы было добровольным. Некоторые из них повиновались инстинкту беззаконности, некоторые были голодны, некоторые жаждали призрачной красоты военной жизни, но из всех их только те получали удовлетворение, которые стремились унизить себя, так как для мирного глаза они были ниже человеческого достоинства. Преступники имеют над собой насилие. Рабы при известном желании могут быть свободными. Но солдат, предоставивший в распоряжение своего владельца 24-часовое использование своего тела, также полностью подчиняет ему свой разум и страсти».

Если бы Лоуренс разделял участь солдат в окопах и в ударном батальоне, возможно, что он относился бы к ним иначе, так как при приближении к линии фронта мнение изменялось в пользу индивидуальности, которая во многих случаях становилась даже сильнее под действием этого опыта.

Следует иметь в виду, что Лоуренс испытал только две крайности солдатчины: выгребную яму штаба в Каире и одиночество партизанской войны в пустыне. Затем, учитывая его размышления, необходимо принять во внимание состояние его в тот момент, когда его воля заставляла двигаться непосильно уставшее тело. Лоуренс находился в угне-

тенном состоянии, так как учитывал те неприятности, которые его ожидали впереди, и остро сознавал ту двойную роль, которую ему приходилось играть, постоянно идя на сделку со своей совестью.

Но если и учесть его настроение, все же имеется глубокая истина в его размышлении о природе армий, которая может послужить уроком даже для тех, кто должен создавать армии. Она помогает найти объяснение, почему наиболее хорошо обученные армии так часто оказывались тупыми мечами и почему солдаты очень часто разлагались в процессе их подготовки. Его размышления, кроме того, помогают объяснить, почему он для своей последующей службы выбрал воздушные силы. «Проблема кадров королевских воздушных сил сводится к тому, чтобы дать механика, обладающего индивидуальной смышленостью».

* * *

Утром 29-го Бэрроу направился к северу по дороге паломников, попросив вождей арабов создать прикрытие для его правого фланга. Назир, Нури Шаалан и Ауда с 1 200 человек на лошадях и верблюдах уже опередили его, выступив на день раньше, для того чтобы перехватить главную колонну противника. Фактически весь день 29-го они уже находились с ней в соприкосновении, затрудняя ее продвижение.

Сам Лоуренс остался позади, чтобы повидаться с Фейсалом, который в этот день прибыл из Азрака, и убедиться в том, что руководство арабов заняло твердую позицию. Он надеялся проспать ночь, но, поскольку сон не приходил, он разбудил Стэрлинга и перед рассветом отправился в «голубом тумане» [1] в северном направлении к Дамаску, находившемуся в расстоянии 105 *км*. Выяснив, что продвижение было застопорено колоннами кавалерийского транспорта, они свернули в сторону и к полудню догнали хвост штаба Бэрроу, который сделал привал. Штаб сопровождала личная охрана Лоуренса. Взяв одного из верблюдов, Лоуренс поехал повидаться с Бэрроу и выяснить причину остановки. Бэрроу, который остановился для водопоя лошадей, высказал свое крайнее удивление, когда увидел Лоуренса верхом на верблюде и узнал, что он выехал из Дераа утром того же дня. Когда Бэрроу спросил, где они собираются остановиться на ночь, он получил

[1] В автомобиле. — *Ред.*

задорный ответ, который мог сделать только Лоуренс: «В Дамаске».

В полдень Лоуренс проехал мимо британского сторожевого охранения, затем через линию разведчиков и, продвигаясь вперед, оставлял записки в ряде деревень, чтобы там ожидали прибытия кавалерии. Если эта информация и была оценена, то туманный намек был едва ощутим. Однако Лоуренс получил от распространения этой информации удовлетворение и даже удовольствие. «Меня и Стэрлинга раздражала осторожность наступления Бэрроу. Разведчики производили разведку по пустым долинам, отделения взбирались на каждый покинутый холм, линия разведчиков была тщательно выставлена впереди (в дружественной стране. Это показывало разницу между нашими определенными движениями и процессами нормальной войны. Это также показывало полнейшее пренебрежение авиацией, так как британские самолеты летали над этим районом весь день».

«Голубой туман» поехал дальше по направлению к Кисве, отстоявшей в 17 *км* от Дамаска, где Бэрроу должен был соединиться с Шовелем и оставшимися частями конного корпуса. В пути Лоуренс услышал стрельбу справа близ Геджасской железной дороги. Затем он увидел турецкую колонну численностью около 2 000 человек, двигавшуюся бесформенными группами. Вокруг нее, как мухи, носились арабы. Назир, подъехав к Лоуренсу, сказал, что это было все, что оставалось от первоначальных 6 000 человек. Разгром этой колонны был целиком результатом действий иррегулярных частей, так как арабские регулярные части, так же как и британская кавалерия, передвигались слишком медленно для того, чтобы принимать участие в этом деле. Однако теперь для последних представился случай помочь разделаться с остатками.

Попросив Назира преградить дорогу и задержать колонну, по возможности хотя бы на час, Лоуренс повернул обратно и поехал за помощью англичан. Проехав 5 *км* назад, он встретился с передовым охранением. Стэрлинг рассказывает, что командовавший им пожилой полковник «был в высшей степени официален с Лоуренсом и, повидимому, отказывался понимать, как наш маленький «Роллс-Ройс» мог проехать безнаказанно несколько километров впереди его кавалерии, которая в то время двигалась к северу с бесконечными и совершенно излишними предосторожностями». Он с неохотой отправил вперед эскадрон, но когда

турецкие горные орудия открыли огонь, полковник приказал отступать. Опасаясь за тот риск, которому подвергался Назир, и вне себя от подобной бездеятельности, Лоуренс поспешно поехал обратно, чтобы возобновить свою просьбу к полковнику, но, поскольку не мог на него воздействовать, отправился на поиски командира бригады. Генерал Грегори сразу же выслал вперед конную батарею и кавалерийский полк, в то время как другой полк был направлен в сторону для обхода противника.

Но время было уже потеряно, и когда орудия подошли на дистанцию обстрела, стало уже темно. Тем не менее батарея успела предотвратить турецкую контратаку на Назира, и ее снаряды заставили турок направиться к высотам Джебель-Мания, бросив орудия и транспорт. Там ожидал их в засаде Ауда. Ночью Ауда захватил в плен 600 турок. Остальные турки, воспользовавшись темнотой, спаслись бегством и два дня спустя были окружены австралийцами. Всего арабы захватили 8 000 пленных и убили около 5 000 человек, кроме того, им досталось 150 пулеметов и около 30 орудий. Таким образом окончательный разгром 4-й армии может быть полностью приписан операциям арабов и датирован 30 сентября.

Уже в полдень северо-западный выход из Дамаска был закупорен австралийской конной дивизией, которая хорошо продвинулась по западной дороге и достигла ущелья Барада как раз в тот момент, когда по этому пути отступала часть гарнизона Дамаска. Уничтожив поток беглецов пулеметным огнем с утесов, австралийцы быстро заставили противника собраться в перепуганную массу, из которой около 4 000 человек было взято в плен.

В этот же полдень отряд шерифа в Дамаске захватил власть в свои руки и поднял над городской ратушей арабский флаг еще в тот момент, когда отступавшие турки выходили из города. Турки «проглотили» это оскорбление, даже не пытаясь сорвать флаг.

Сам Али-Риза-паша, так долго совмещавший обязанности турецкого командира и главы арабского комитета, не присутствовал, чтобы приветствовать эту перемену. Он как раз перед этим был направлен руководить последней линией обороны турок — приказание, которое он принял с большой охотой, так как оно ускоряло для него возможность присоединиться к англичанам.

Отъезд Али-Риза-паши из Дамаска, возможно, несколько задержал восстание, однако его естественный преемник

Шукри-паша был вынужден к дальнейшим действиям не только гулом британских орудий, но и неожиданной поддержкой алжирских братьев Абд-Эль-Кадером и Мохаммедом-Саидом, которые упорно до последнего часа были против турок. Они усилили свою подмогу Шукри, и Мохаммед-Саид принял на себя руководство комитетом на том основании, что был назначен губернатором отъезжавшим Джемаль-пашой.

Хотя события в Дамаске не были известны остальным вождям арабов, последние все же на рассвете послали в город конные части Рувалла, поддержали их отрядами верблюдов Руаля. Самого Назира Лоуренс разубедил входить, опасаясь несчастной случайности в темноте, а также из тех соображений, что въезд днем произведет большее впечатление.

Наконец, Лоуренс и Стэрлинг к полночи закутались в одеяла и легли на землю около «голубого тумана». Неожиданно были разбужены рядом сильных взрывов и увидели краснеющий отблеск на небе над Дамаском. Приподнявшись на локтях, Лоуренс воскликнул: «О боже! Они подожгли город». Он содрогнулся при мысли, что в момент наступления свободы эта цель их усилий может быть превращена в пепел. Однако Стэрлингу он не выдал больше никаких проявлений своего чувства, а просто сказал: «Во всяком случае, я отправил вперед арабов руаля, и мы вскоре будем иметь 4 000 человек в самом городе и вокруг него».

К счастью, опасения не оправдались: взрывы происходили со стороны складов боеприпасов, которые германские инженеры уничтожали перед уходом. На рассвете 1 октября Лоуренс поднялся на рубеж, с которого был виден весь город, и увидел его не в развалинах, но сверкающим, «как жемчуг при утреннем солнце». Когда он спустился вниз, по дороге пронесся всадник на коне и прокричал: «Хорошие новости! Дамаск приветствует вас!» Это был курьер от Шукри. Лоуренс сразу же передал эти известия Назиру, чтобы «он мог насладиться почетным входом в качестве награды за его 50 боев».

Тогда Назир и Нури Шаалан въехали в город, а Лоуренс из политических соображений остановил машину у маленького ручья, чтобы помыться и побриться. Его бритье было прервано патрулем бенгальских улан, которые поспешили забрать его в плен [1]. Даже когда Стэрлинг раскрыл свой

1 Лоуренс дал в отношении этого инцидента следующие пояснения: «В пустыне я брился регулярно. Мое красное от загара лицо,

плащ и показал английскую военную форму, он просто получил толчок копьем за свои старания. Они были освобождены только тогда, когда встретили офицера.

После этого они смогли войти в Дамаск. Народ вначале был поражен этой переменой, а затем стал все больше и больше радоваться.

Странным контрастом являлись массы турецких солдат, наблюдавших за вступлением арабов в город так же апатично, как они ожидали своего плена, — в казармах и госпиталях их было свыше 13 000 человек. «Пеллягра» — болезнь отчаяния — убивала их тысячами.

В городской ратуше Лоуренса ожидала более серьезная задача, так как, проложив себе путь через излишне демонстративную уличную толпу в вестибюль, он нашел Мохаммед-Саида, отстаивавшего свои права быть начальником города. Прежде чем Лоуренс сумел разобраться в его претензиях, внимание его было отвлечено внезапной дикой схваткой между Аудой и султаном Эль-Атраш, вождем друзов. Когда мир был, наконец, водворен и убийство устранено, алжирские вожди вместе с Назиром удалились. Тогда Лоуренс, который уже решил назначить Шукри губернатором, взял его с собой в «голубой туман» для церемониального проезда по городу и для того, чтобы показаться населению. В окрестностях Дамаска они встретили машину Шовеля. «Я описал возбуждение, царившее в городе, и невозможность для нашего нового правительства гарантировать нам административное руководство до следующего дня, когда я буду ожидать его, чтобы обсудить совместные нужды. Тем временем я сделал себя ответственным за поддержание общественного порядка, попросив его только держать своих людей за пределами города,

---

чисто выбритое и поражавшее своими голубыми глазами на фоне белого головного покрывала и одеяния, стало известно в пустыне. Кочевые арабы и крестьяне, которые раньше никогда меня не видели, сразу же узнавали меня по описанию. Таким образом моя арабская маскировка фактически была рекламой. Она предавала меня мгновенно по всей пустыне, а быть моментально узнанным означало безопасность в 99 случаях из 100.

Сотый случай всегда был случайностью, которой нужно было бояться. Когда я видел, что он наступает, я надевал военную фуражку, рубашку и трусики и уходил или накрывал мое головное покрывало поверх лица, как маску, и отделывался наглостью.

Ни один араб с Востока не принял бы меня ни на один момент за араба. Допустить это могли только бенгальские уланы и подобные им наивные иностранные военные здесь, в Дераа, в Египте и в штабе Алленби. Они стали распространять рассказы о моей маскировке, значение которой было равно нулю».

потому что вечером можно будет увидеть такой карнавал, какого в городе не происходило в течение 600 лет, а гостеприимство может разложить дисциплину его частей».

Шовелю, как казалось, не особенно нравилась перспектива откладывания его триумфального въезда, но, не имея на этот счет достаточно точных инструкций, он был вынужден сдаться, так же как Бэрроу у Дераа, превосходящему авторитету «определенности Лоуренса» — тому спокойному, но не допускавшему возражений самоуверенному виду, который хорошо знали все, с кем ему приходилось иметь дело.

Затем Лоуренс вернулся в ратушу, чтобы уладить вопрос с алжирскими захватчиками власти. Последние еще не вернулись, и когда он послал за ними, то получил краткий ответ, что они спят. Тогда он сказал их родственникам, что пошлет за ними британские войска; «это была только тактика, но не фактическое намерение». Когда человек вернулся обратно с этим извещением, Нури Шаалан спросил его спокойно, действительно ли придут англичане, на что Лоуренс ответил: «Конечно, но беда заключается в том, что впоследствии они смогут не уйти». Нури Шаалан обещал прислать ему на помощь своих арабов племени руаля. Вскоре появились алжирские братья со своими сторонниками, полные угроз, однако когда они почувствовали превосходство вооруженной силы, то выразили готовность выполнить приказание Лоуренса. Лоуренс как заместитель Фейсала объявил их правительство распущенным и назначил военным губернатором Шукри. Мохаммед-Саид, свирепо ругая Лоуренса как христианина и англичанина, пытался апеллировать к Назиру, который чувствовал себя при этом нежелательном политическом осложнении чрезвычайно неудобно. Но Лоуренс оставался непреклонным. Тогда Абд-Эль-Кадер разразился проклятиями, к которым Лоуренс отнесся настолько презрительно, что взбешенный фанатик-мусульманин выхватил свой кинжал. К счастью, Ауда увидел его движение и бросился вперед с такой звериной яростью, что Абд-Эль-Кадер поспешил отступить. Он и Мохаммед увидели теперь бесплодность дальнейших протестов и удалились. «Меня уговаривали их задержать и расстрелять, но я не мог проявить своей боязни их злобы или подать арабам пример предупредительного убийства как части политики». Счастлив тот государственный человек, который достаточно понимает историю, чтобы с ним согласиться.

Как только братья удалились, Лоуренс использовал собрание для обсуждения вопросов политики.

По его настоянию и указанию были созданы основы правительственного аппарата. Прежде всего встал вопрос об организации полиции. Были назначены офицеры, распределены районы и определены временные условия службы. Австралийский отряд, которому сдались турецкие войска, находившиеся в казармах, выставил охранение к нескольким общественным зданиям и таким образом помог поддержать порядок в городе до прибытия арабских регулярных частей. Если последние вследствие их относительной медлительности и играли весьма незначительную роль в разгроме 4-й армии, то для политического укрепления позиции они были неоценимы.

Было налажено денежное обращение путем выпуска бумажных денег и установлены новые цены. Другая проблема заключалась в том, чтобы найти фураж для конного корпуса. В этом отношении Лоуренс проявил особую настойчивость из боязни, что в противном случае Шовель может захватить и фураж, и правительство.

На следующий день бо́льшая часть намеченных мероприятий была проведена в жизнь, и достигнутые успехи оказались особенно заметны для того, кто видел тогда город в первый раз.

Перед рассветом 2-го произошла суматоха. Лоуренс был разбужен и узнал, что Абд-Эль-Кадер пытается произвести переворот при поддержке своих алжирских сторонников и части друзов, которые были раздражены отказом Лоуренса вознаградить их за запоздалую помощь и которые надеялись таким путем добиться компенсации за утраченную ими возможность грабежа.

Лоуренс и вожди арабов дождались рассвета, разумно предпочитая не лишаться преимуществ лучшего вооружения в свалках на темных улицах. При первом проблеске рассвета Нури Саид двинул вооруженные отряды в верхние предместья города и удачными действиями оттеснил повстанцев к центру. Регулярные части арабов обстреливали прибрежные площади заградительным пулеметным огнем. Заговорщики прекратили сопротивление и стали спасаться бегством по боковым аллеям. Затем Мохаммед-Саид был арестован и посажен в тюрьму; его брату удалось бежать.

Хотя спорадические грабежи и продолжались, революционная попытка была подавлена без помощи войск Шовеля. Укрепление нового режима было облегчено возвра-

щением Али-Риза, который принял от Шукри бразды правления.

После того как закончилось это восстание, Лоуренс снова мог вернуться к делу организации общественной жизни. В полдень он отправился в турецкие казармы, где увидел две роты австралийцев, охранявших покойницкую. Войдя в нее, Лоуренс нашел помещение заваленным разлагающимися трупами и в нем же больных дизентерией, умиравших в своих собственных нечистотах. Приняв энергичные меры при наличии той слабой помощи, которую мог получить, он навел некоторый порядок и приказал похоронить мертвых.

Когда на следующий день он вернулся, помещение было в таком антисанитарном состоянии, что армейский доктор, который, очевидно, принял Лоуренса за прислуживающего араба, с негодованием обрушился на него за то, что он довел помещение до столь явного нарушения правил гуманности. Лоуренс, чувствуя в этом обвинении мрачный юмор, не мог удержаться от сдержанного смеха; это привело к тому, что врач ударил его по лицу. Лоуренс принял это оскорбление без всякого протеста, чувствуя себя настолько запачканным в целой цепи событий, что еще одно пятно не делало разницы, но скорее имело символическое значение.

Каковы бы ни были те недочеты, которые в дальнейшем могли появиться в новом наспех созданном арабском государстве, они являлись скорее следствием природы материалов, чем следствием самого строительства. Последнее должно было быть выполнено быстро, и в этой быстроте заключается удивительная особенность Лоуренса. Другие диктаторы и созидатели государств имели основание, на котором они могли строить, и время, для того чтобы исправлять свои ошибки; у него же было 24 часа.

И все же 3 октября, когда в Дамаск прибыл Алленби, Лоуренс был в состоянии, по словам Стэрлинга, «передать ему город в относительном порядке, почти совершенно очищенным от следов войны, с правительственным аппаратом, функционировавшим легко и быстро». Алленби уведомил Фейсала, который вступил в город на час позже, что он готов признать арабскую администрацию на территории противника к востоку от Иордана и Ма'ана до Дамаска включительно.

Когда Фейсал уехал, Лоуренс обратился к Алленби со своей личной просьбой — первой и последней: он просил разрешения передать свои обязанности кому-либо другому.

Алленби возражал, желая, чтобы он отправился в Алеппо, но в конце концов красноречие Лоуренса победило. На следующий день Лоуренс выехал в Каир.

Дамаск оставался для него как память.

В то время как Лоуренс ехал на юг, военные действия развертывались у Алеппо. 25 октября 5-я кавалерийская дивизия достигла предместий в тот момент, когда силы арабов под командованием Назира и Нури Саида наступали на правом фланге. Совместная атака была назначена на следующий день. Однако ночью арабы ворвались в город, и турки его покинули. 29-го арабы новым скачком захватили станцию Муслимия — железнодорожный узел Багдадской и Сирийской железных дорог. Жизненно необходимая магистраль была разрушена, и турецкая армия в Месопотамии оказалась изолированной.

Два дня спустя Турция вышла из войны. Прошло еще 11 дней, и наконец 11 ноября капитулировала сама Германия. В тот же самый день Лоуренс прибыл обратно в Англию после четырехлетнего отсутствия.

В решающие недели подготовки удара Алленби и в период его нанесения почти половина турецких сил, находившихся к югу от Дамаска, была отвлечена арабскими частями; противник был пригвожден на востоке от Иордана хорошо задуманными ложными атаками и «булавочными уколами», парализовавшими нервную систему армии. Эти турецкие силы состояли из 2-го и 8-го армейских корпусов, а также гарнизонов вдоль Геджасской железной дороги, между Ма'аном и Амманом. Общая численность их доходила до 2 000 сабель и 12 000 штыков, число же состоявших на довольствии было в три раза больше, т. е. около 40 000—45 000 из общего числа в 100 000, находившихся к югу от Дамаска.

Наиболее характерным было то, что при сравнительно незначительной поддержке со стороны отряда Чайтора эти массы турок были парализованы отрядом арабов, численность которого не достигала 3 000 человек и в котором ядро боевых сил едва насчитывало 600 человек.

Это привело к тому, что Алленби был в состоянии сосредоточить 3 армейских корпуса общей численностью в 12 000 сабель и 57 000 штыков против другой половины турецких сил, а в секторе, выбранном для решительного удара, выставить 40 000 штыков и сабель против 8 000 или, другими словами, иметь соотношение более чем 5 : 1.

Во всей истории борьбы трудно было бы найти столь по-

разительный случай экономии сил для отвлечения противника. Как ни был мал тот отряд, который проявил столь огромную способность отвлечения, фактически лишь часть его была оттянута от главных британских сил: даже включая гуркасов и египтян, в нем едва насчитывалась сотня людей. Если бы они были оставлены с армией в Палестине, эта горсть людей оказалась бы просто каплей в море. Будучи отправлена в пустыню, она создала смерч, который отвлек на себя примерно половину турецкой армии — фактически более чем половину, если мы посчитаем 12 000 турок, отрезанных в Геджасе. Но даже и при этом подсчете не учитываются турецкие войска в Южной Аравии.

Что означало отсутствие этих сил для успеха удара Алленби, понять не трудно. В конечном счете арабы почти одни нанесли смертельный удар 4-й армии.

Однако, помимо арифметического фактора, согласно оригинальной классификации Лоуренса, имелся еще биологический фактор. Тактика изнурения противника, потребовавшая со стороны турецких войск физического и морального напряжения, которые довели их до точки надрыва, была использована вездесущими арабами, всегда избегавшими встречи с противником.

ГЛАВА XVII

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Война была выиграна, Турецкая империя опрокинута, создано арабское государство. Возникала возможность создания арабской конфедерации и даже новой империи. Все это было достигнуто мечом или, вернее, дальнобойной пулей и подрывными средствами. Военная задача Лоуренса была выполнена. Оставалась политическая задача, хотя он со своей стороны не имел ни малейшего желания принимать участие в ее разрешении. Он хотел лишь добиться предоставления арабам возможности делать то, что они пожелают.

Достижению его цели угрожал договор Сайкс — Пико, а также скрывавшиеся за ним экспансионистские стремления. Последние руководили теперь действиями как французов, так и англичан, но с характерными для них отличиями.

Притязания французов к Сирии основывались на фактах, имевших место еще в средние века, и исходили из того, что после крестовых походов на Левантийском побережье, как обломки после кораблекрушения, остались латинские государства. Во время мировой войны нежелание французов видеть союзника обосновавшимся на этой земле их предков, повидимому, было столь же сильным, как и стремление оградить свою собственную территорию от вторжения немцев в ущерб участию в кампании против турок на азиатском театре.

Руководители французской политики никогда не теряли из виду послевоенных намерений с того момента, как в марте 1915 г. они объявили о своих притязаниях на Сирию, услышав, что русские заявили о своем требовании на захват Константинополя. Французы готовились начать свое

наступление сразу после достижения победы и подкрепить его как военными силами, так и политикой притязаний на роль защитников христианства в восточной части Средиземного моря и ислама — в южной. К несчастью, сирийские мусульмане считали, что французы слишком сильно защищают интересы Алжира и Туниса.

Но если у французов была самая долгая память, то у англичан — самая короткая. В целом это являлось преимуществом, но все же это имело и определенные неудобства, в особенности когда дело касалось народа, который не так-то легко все забывал. Ни французы, ни арабы не собирались предать забвению несколько противоречивых заверений, полученных ими от британских представителей; победа же укрепила их память и усилила аппетиты. Таким образом Англия встретилась с дилеммой: удовлетворить одного союзника означало не только нарушить доверие, но также и вызвать неприятности для другого.

Возникновение дилеммы в значительной степени могло быть приписано отсутствию предвидения, так как, когда арабам давались заверения, что они смогут удержать за собой все ими захваченное, имелась весьма слабая надежда на то, что им удастся захватить так много.

Положение осложнилось также расхождением во взглядах, выявившихся среди членов британского правительства.

Некоторые представители последнего вдохновлялись так называемой исторической целью — распространением британского контроля над менее культурными странами.

Это было равносильно признанию того, что кое-кто из этих апостолов экспансии руководствовался не просто империалистическими стремлениями, но и обоснованной верой в пользу британской администрации как средства обеспечения народу в целом высшей степени справедливости по сравнению с той, которая обычно преобладает у азиатских народностей. Подобная точка зрения, едва ли заслуживающая поощрения, объяснялась, с одной стороны, идеализацией национализма, а с другой — твердолобым консерватизмом, который все еще смешивает обширность с величием. Другим фактором, который повлиял на защитников идеи британского контроля и в особенности в Месопотамии, являлось убеждение в практических трудностях создания эффективной арабской администрации для немедленной замены ею турецкой.

Но каковы бы ни были мотивы, решение задерживалось

не только желанием удержаться в Месопотамии, но также и плохо продуманным шагом, нашедшим свое отражение в договоре Сайкс—Пико, по которому Моссульский вилайет попадал в сферу французского влияния. В результате, для того чтобы сохранить единство Месопотамии к будущему благополучию арабов, британское правительство было вынуждено нарушить свою торжественную клятву сохранить суверенитет арабов в Сирии.

Подобная обстановка сложилась постепенно. Перспектива представлялась благоприятной, а договор Сайкс—Пико казался чем-то вроде облачка на горизонте, когда в конце октября 1918 г. Алленби установил военное руководство на занятой территории и поделил ее на три области: «Южная» — под руководством британского администратора — включала Палестину и совпадала с «красной» зоной Сайкс—Пико; «Северная» — под руководством французского администратора—являлась «голубой» зоной Сайкс—Пико на побережье Сирии; «Восточная» являлась значительно более длинным и широким поясом от Алеппо за Дамаск и вниз к Акаба. Она охватывала старые зоны «А» и «Б», поскольку они были добыты силами Алленби. Выполняя свое обещание Фейсалу, Алленби передал этот громадный пояс военной администрации арабов. Более того, чтобы удовлетворить арабские притязания, в «Восточную» область была включена небольшая часть старой «голубой» зоны.

Тогда 7 ноября французское и английское правительства выпустили совместную декларацию о том, что:

«...цель, к которой стремятся Франция и Великобритания... заключается в полной и несомненной свободе народов, так долго находившихся под гнетом турок, и в установлении национальных правительств и администраций, власть которых основывается на инициативе и свободном выборе туземного населения.

Для того чтобы выполнить эти намерения, Франция и Великобритания согласились в своем желании побудить и помочь установлению туземных правительств и административных управлений в Сирии и Месопотамии... Совершенно не желая возлагать на население этих областей подобного или подобных учреждений сверху, Франция и Великобритания озабочены лишь тем, чтобы заверить в своей поддержке и практической помощи нормальной работе правительств и учреждений, которые эти народности могут установить по своему выбору».

Каковы бы ни были сомнения в отношении мудрости

этого документа, одна лишь эта декларация является достаточной для того, чтобы оправдать часто подвергавшуюся критике линию поведения Лоуренса в отношении послевоенного упорядочения и осудить всех тех, кто во Франции и Англии стремился к другим целям. И все же какой иронией звучит эта декларация в свете последующей истории!

Отъезд Лоуренса из Дамаска, после того как была обеспечена военная победа, дал ему возможность принять участие в борьбе за честь Англии в том единственном месте, где она могла быть выиграна. Однако он не ожидал, что эта борьба наступит так быстро; он не предполагал, что падение Германии последует немедленно за разгромом Турции. Непосредственная причина переезда Лоуренса с востока на запад объясняется лучше всего его собственными словами: «Когда я направлялся в Лондон, я имел в виду начать учиться в качестве младшего офицера новому методу ведения войны во Франции. Восток был высосан до дна».

Для ускорения своего путешествия в Англию Лоуренс не только принял, но и просил о том, что могло быть названо «честью или наградой», — чина полковника. Его равнодушие к подобным отличиям было настолько общеизвестно, что эта просьба вызвала забавные комментарии. Последние возросли еще более, когда он объяснил, что хотел получить этот чин для того, чтобы быстро проехать через Италию в специальном штабном поезде из Торонто. «Спальные места предоставлялись только лицам в чине полковника и выше. Я ехал вместе с Чэтвудом в чине полковника (полученном от Алленби) и чувствовал себя великолепно. Я люблю комфорт! Для воинских поездов на переезд требуется восемь дней, а для экспресса с международными спальными вагонами только три дня».

По прибытии в Лондон Лоуренс был вызван на заседание восточной комиссии кабинета, чтобы изложить свои взгляды на будущее арабских стран. Он предложил создать три государства с шерифами — в Сирии, Верхней Месопотамии и Нижней Месопотамии — и назначить в качестве их управителей трех сыновей короля Гуссейна. Предложение было отправлено по телеграфу полковнику Вильсону, временно исполнявшему обязанности гражданского комиссара в Месопотамии, который отнесся к нему довольно «прохладно», но комментировал с большей горячностью, поскольку не соглашался ни с разделением Месопотамии, ни с удалением британской администрации.

Еще более серьезным, хотя и менее открытым, было сопротивление, подготовлявшееся во французских кругах. 6 ноября в Бейруте высадился Пико в качестве «верховного французского комиссара в Сирии и Армении». 14-го он протелеграфировал в Париж: «До тех пор пока британская армия занимает страну, в настроении населения будет существовать сомнение, благоприятное для враждебных нам элементов. Единственным выходом из положения являются отправка 20 000 солдат в Сирию и просьба к Англии передать ее нам... Если мы будем колебаться... наше положение в Сирии будет подорвано так же, как оно было подорвано в Палестине». Пико был недоволен уже потому, что лицо, стоявшее во главе администрации арабов в «Восточной» области, имело дело непосредственно с Алленби, минуя его самого.

Затем французы узнали, что по приглашению британского правительства Фейсал отправляется в Лондон; это они приписали махинациям Лоуренса. Они отправили резкую телеграмму Гуссейну, в которой говорилось, что Фейсал был бы принят во Франции с почестями, соответствующими сыну союзного правителя, и наряду с этим выражали свое удивление, что проезд не был подготовлен через их представителя. Бремону, находившемуся в то время во Франции, было приказано встретить Фейсала. Ему было указано французским министерством иностранных дел, что Фейсала надлежало рассматривать как «генерала, выдающееся лицо, но ни в коем случае не признавать в нем носителя какой-либо дипломатической миссии. С Лоуренсом же следует обходиться очень резко, показав ему тем самым, что он идет по неправильному пути». Согласно опубликованному отчету Бремона, к этой директиве было добавлено: «Если Лоуренс приедет как полковник британской армии в английской военной форме, то его надо приветствовать. Но мы не принимаем его за араба, и если он будет в арабском одеянии, то нам с ним делать нечего».

Фейсал прибыл на британском крейсере и был встречен Лоуренсом. Бремону не удалось встретиться с ним, пока они 28 ноября не прибыли в Лион. Фейсал был быстро уведомлен о точке зрения французского правительства на Лоуренса, который в связи с этим в тот же вечер решил выехать поездом в Англию. Вопреки заявлению Бремона, Лоуренс не носил одеяния арабов, так что Бремон, повидимому, либо страдал забывчивостью, либо упомянул об этом в качестве извинения, для того чтобы загладить

нарушение вежливости со стороны французского правительства.

В данном случае можно лишь добавить, что указания на то, что Лоуренс часто появлялся в одеянии араба, были сильно преувеличены. Он носил его однажды на вечере просто для забавы; он носил его, когда его рисовал Август Джон; он носил его, когда сопровождал Фейсала в Букингамский дворец в качестве переводчика. Его внешний вид шокировал некое лицо, которое с упреком сказало ему: «Считаете ли вы правильным, полковник Лоуренс, что подданный короны, а к тому же офицер, должен приходить сюда одетым в иностранную военную форму?» На это Лоуренс спокойно ответил: «Когда человек служит двум господам и вынужден разгневать одного из них, то лучше обидеть более могущественного. Я пришел сюда в качестве переводчика эмира Фейсала, у которого это одеяние является военной формой». В Париже он не надевал арабского одеяния, но несколько раз носил арабское головное покрывало с военной формой хаки и британскими знаками отличия — на заседании Совета десяти, выполняя обязанности переводчика для Фейсала и для того, чтобы сфотографироваться вместе с Фейсалом.

После поездки по старой линии фронта во Франции Фейсал и его свита 9 декабря прибыли в Булонь. Пароход подошел к пристани, и Лоуренс сошел вниз по сходням, для того чтобы их встретить. Отдав почести Фейсалу, он любезно передал Бремону приглашение сопровождать Фейсала в Англию, заверив Бремона, что он будет хорошо принят. В этом, конечно, чувствовалась определенная ирония.

После того как Фейсалу была показана Англия, Лоуренс в январе возвратился в Париж на заседание мирной конференции. На этот раз французы уже больше не могли возражать против присутствия Лоуренса, и он был назначен членом делегации министерства иностранных дел по восточным делам. Однако они возражали против Фейсала и уступили лишь после того, как Клемансо нажал на своих подчиненных благодаря вмешательству англичан и американцев. Фейсал просил лишь о том, чтобы его допустили на конференцию в качестве представителя своего отца, который был признан как король Геджаса. Но даже и этого положения было трудно добиться из-за ревнивых подозрений Гуссейна в отношении целей своего сына. Лоуренсу пришлось использовать свои различные связи, прежде чем в середине декабря была одобрена кандидатура Фейсала.

Но его участие было ограничено тем фактом, что право Гуссейна высказать свой голос в отношении будущего Сирии и Месопотамии не было признано открыто.

В действительности голос Лоуренса, сделавшегося советником в деле арабов, проникал из кулуаров версальского дворца в самые отдаленные кабинеты. Его успех был тем более замечательным, что дело, которое он представлял, порождало осложнение, которое ни один из государственных людей, уже запутавшихся в паутине международных отношений, не мог приветствовать.

Его аргументы произвели особенно сильное впечатление на Ллойд-Джорджа. Хотя Ллойд-Джордж и Лоуренс очень отличались друг от друга в отношении своих взглядов, оба они ценили друг друга. По мнению Лоуренса, Ллойд-Джордж не только возвышался над другими государственными людьми в Версале, но и отличался почти от всех их своим желанием сделать то, что являлось, по мнению Лоуренса, справедливым, вместо того чтобы только играть в пользу национального превосходства.

С другой стороны, способность Лоуренса ясно излагать свои мысли была весьма оценена Ллойд-Джорджем, который испытывал затруднения с официальными экспертами, прикрывавшими собственную скудость мысли тяжеловесными объяснениями. Лоуренс изложил Ллойд-Джорджу не только арабскую проблему в том виде, как она ему представлялась, но и то решение, которое он имел в виду. Если главной заботой его являлось желание видеть Фейсала обосновавшимся в Дамаске во главе независимого сирийского государства, оставляя северный берег французам, то организацию подобного же государства в Месопотамии он рассматривал не только в качестве необходимого приложения для избежания неприятностей, но и с точки зрения справедливости. Арабы пустыни должны были удержать свою основную независимость как в новых государствах, так и в старых.

Однако препятствием на путях приближения к подобному решению являлось желание французов добиться контроля над Сирией в такой же степени, как британское нежелание покинуть Месопотамию являлось тормозом для всех наших усилий заставить французов изменить их позицию. Имелся обманчивый проблеск надежды, когда была назначена межсоюзническая комиссия для посещения Сирии, Палестины и Месопотамии и представления доклада о желаниях самого населения в отношении его будущего прави-

тельства. Французы позаботились о том, чтобы не назначить своего представителя, и хотя американские члены комиссии все же туда отправились, доклад их не привлек никакого внимания. Их выводы показали, что французский мандат будет совершенно неприемлемым.

Хотя эти месяцы пребывания в Париже и были тяжелыми для Лоуренса, они все-таки не повлияли на его чувство юмора, так как мирная конференция, пожалуй, изобиловала слишком большими возможностями. Одной из забавных историй является рассказ о том, как Лоуренс встретился с маршалом Фошем, который, как говорят, заметил: «Я полагаю, что вскоре начнется война в Сирии между моей страной и арабами? Будете ли вы руководить их армиями?» — «Нет, до тех пор, пока вы не обещаете лично стать во главе французских армий. Тогда это доставит мне удовольствие». После этого Фош пригрозил пальцем Лоуренсу и ответил: «Мой юный друг, если вы думаете, что я собираюсь рисковать своей репутацией, которую я себе создал на Западном фронте, вступив в борьбу с вами в вашей области, то вы слишком заблуждаетесь».

К сожалению, та версия, которую я слышал от Лоуренса, более проста. Фош сказал ему в шутливом тоне: «Когда мне потребуется умиротворение Сирии, то я пошлю Вэйгана», на что Лоуренс возразил: «Нам там будет очень хорошо — до тех пор, пока не приедете вы сами». Этот тонкий оттенок лести напоминает один из классических эпизодов встречи между двумя великими полководцами пунических войн. Когда Ганнибал на вопрос Сципиона, которого он считал величайшим из всех полководцев, назвал первым Александра, вторым Пирра и себя третьим, Сципион спросил: «А что будет в том случае, если вы победите меня?», Ганнибал ответил: «Тогда я буду вынужден поставить себя на первое место».

Дав аналогичный ответ Фошу, Лоуренс из вежливости скрыл свое фактическое впечатление, так как сомневался в глубоком знании военного искусства Фошем еще с тех пор, как он обнаружил в своих углубленных проработках перед войной, что бо́льшая часть материалов в учебниках, которые создали Фошу репутацию военного мыслителя, являлась «заимствованием из трудов германского автора». Личный контакт с Фошем дополнил его разочарование. Другое замечание, которое сделал Лоуренс, когда узнал, что я занялся изучением карьеры Фоша, слишком метко для того, чтобы его не привести: «Он был довольно серой

фигурой, обладавшей, конечно, больше зубами, чем мозгами. Это было иронией судьбы, что история сделала его победоносным генералом последнего периода».

В отношении высших военных руководителей восхищение Лоуренса было оставлено за Алленби, но скорее в качестве дара его характеру, чем способностям. «Он был командующим с таким здравым суждением, что мы все работали для него без устали и почти без передышки».

Вопреки общепринятому мнению, Лоуренс не презирал профессионального военного как такового. Его презрение относилось к военному, выказывающему знания, которыми он не обладает, и не прилагающему усилий для того, чтобы их приобрести. Подобный взгляд породил другой рассказ, основанный на действительном случае, происшедшем с Лоуренсом на мирной конференции. Некий генерал, который в дальнейшем командовал на Рейне и в отношении которого можно было сказать, что лай его был хуже, чем его укус, рассерженный самоуверенной манерой Лоуренса выражать свои взгляды, разразился глупейшим упреком: «Вы не являетесь профессиональным военным». Лоуренс едко возразил: «Совершенно верно, но если у вас будет дивизия и у меня будет дивизия, то я заранее знаю, кто из нас будет захвачен в плен!»

Этот рассказ подтверждается мнением, которое было высказано Алленби, когда он был спрошен Робертом Грэйвсом о том, думает ли он, что Лоуренс сделался бы хорошим генералом регулярных частей: «Он был бы очень плохим генералом, но, несомненно, хорошим командующим. Нет такого дела, в отношении которого я сомневался бы, что он его не выполнит, если захочет, но ему необходимо давать полную свободу действий».

С мельничным жерновом (в виде Месопотамии) на шее британская государственность оказалась в безнадежном положении в своих попытках добиться видоизменения условий договора Сайкс—Пико. Французы настаивали на получении своего полного «пайка» не только потому, что они изголодались по новым колониям, но также и потому, что боялись потрясения в своих старых колониях в Африке, если они согласятся на независимость Сирии. Фейсал апеллировал к Совету десяти, но не получил удовлетворения. Когда Пишон, французский министр иностранных дел, коснулся истории крестовых походов как основания французских притязаний на Сирию, Фейсал уколол его красноречие спокойным вопросом: «Простите, мосье Пишон, но кто из

нас оказался победителем в крестовых походах?» Именно в этом случае Лоуренс, официально присутствовавший в качестве переводчика Фейсала, проделал ловкую штуку, обратившись к собранию с этим вопросом последовательно по-английски, по-французски и по-арабски.

Поскольку французы твердо стояли на своей позиции, англичане уступили. Необходимость разрешения более серьезных вопросов являлась удобным извинением для этой уступки в отношении Среднего Востока. Новое изобретение под названием «мандаты», которое арабы выговаривали как «протектораты», было использовано для придания внешней оболочки истинным намерениям.

Предоставленный, таким образом, самому себе, Фейсал отложил конец переговоров, договорившись с французами или, по крайней мере, с Клемансо. Вопреки общему мнению в Англии, «тигр» был менее жадным, чем многие из его «шакалов». В достижении этого временного соглашения Фейсал воспользовался затруднениями, возникшими у французов в Сирии. Последние были заняты скрытой войной с недемобилизовавшимися турками, которые пытались повторить свой трюк, проделанный ими во время балканской войны, а именно — взять обратно во время перемирия ту территорию, которую они потеряли во время войны.

Вследствие этого Клемансо, который вначале не желал считаться с Фейсалом, теперь сам предложил признать независимость Сирии при условии, что Фейсал будет поддерживать интересы Франции.

Убедившись, что британская поддержка оказалась весьма обманчивой, Фейсал был вынужден согласиться с предложением Клемансо к большому негодованию своего отца, который, услышав об этом, стал смотреть на него как на человека, продавшего свою душу за «чечевичную похлебку».

Частично именно от возмущения этой сделкой с неверными Гуссейн и предпринял роковой для него шаг, объявив себя верховным повелителем правоверных — акт, который немедленно восстановил против него имама Йемена и ассирийского эмира Идрисси. Это же обстоятельство вызвало взрыв негодования среди фанатичных вахабитов, которые начали добиваться окончательного низложения Гуссейна. Катастрофа уже предчувствовалась к концу мая, когда Абдулла, выступивший по настоянию своего ослепленного гордостью родителя через границы Неджд, был захвачен врасплох ночью. Из всего отряда шерифа, со-

стоявшего примерно из 4 000 человек, с Абдуллой спаслась бегством лишь горсть арабов. Остальные были убиты с жестокостью, свидетельствовавшей о дикости вахабитов и снискавшей для них уважение со стороны англичан, всегда готовых назвать таких людей «благородными дикарями». С того момента сохранение Гуссейном Мекки являлось лишь вопросом времени и поддерживалось только британской сомнительной защитой союзника, который уже не представлял никакого интереса.

Хотя Фейсал и вступил в соглашение с французами, исходя из практического понимания государственных дел, которое отсутствовало у его отца, он, возвратясь в мае в Сирию, повидимому, не питал никаких иллюзий относительно слабости своих перспектив и тех стремлений и надежд, которые втайне лелеяли французы. Он откровенно заявил их представителям: «Я приму вашу помощь, но я никогда не приму рабства».

Изгнание Фейсала являлось последней каплей горечи, переполнившей чашу Лоуренса, хотя продолжительное ожидание этого события и смягчило до некоторой степени его остроту. Это ожидание, смешанное с сознанием своей собственной бесчестности в прошлом, являлось одной из причин, которые заставили Лоуренса, когда он увидел короля, просить об освобождении его от британских военных наград.

После года беспокойств его предчувствия оправдались. В сентябре 1919 г. во время своего вторичного посещения Лондона Фейсал был уведомлен о том, что правительство вошло в соглашение с французами об удалении британских войск из Сирии в ноябре. Ему был дан совет договориться с французами непосредственно, т. е. пойти по тому пути, по которому он уже заранее пошел и который тогда предугадывал. Тем не менее теперь Фейсал сознавал лучше, чем когда бы то ни было, всю ненадежность подобной договоренности и еще раз обратился с отчаянным призывом к Англии не оставлять его без поддержки. Это произвело впечатление, но не привело к удовлетворительным результатам. Месопотамия была не только преградой на пути Англии, но и бревном в глазу лорда Керзона, империалистические стремления которого в отношении Месопотамии давно задерживались политикой его собственных помощников в министерстве иностранных дел.

Когда Лоуренс возобновил свои попытки помочь Фейсалу и предлагал, чтобы британское правительство рас-

крыло свои истинные намерения в отношении Месопотамии, Керзон воспротивился и отвлек внимание от этого вопроса, указав на «сучок в глазу» Фейсала — на визит, который был нанесен некоторыми офицерами шерифа из Дамаска племенам Месопотамии. Тамошние военные власти подозревали их в попытке создать антибританское движение. Однако какова бы ни была правда в этом обвинении, которое Нури Саид со всей горячностью отрицал, имелась правда и в жалобе офицеров шерифа, что отношение британских офицеров было совершенно отличным от того отношения, которое им было известно по пути в Дамаск.

Дела подходили к своему мрачному концу. Вопрос о будущем правительстве Месопотамии разбирался в ноябре на междуведомственном совещании, где было решено сделать «что-то» для удовлетворения чаяний арабов, и сэр Перси Кокс являлся тем человеком, который должен был взять бразды правления от существовавшего в то время военного руководства. Однако военное министерство считало, что положение должно оставаться таким же до тех пор, пока не будет улажен вопрос относительно мандата и пока не будет достигнута ратификация мира с Турцией. Со своей стороны, сэр Перси Кокс, естественно, не желал брать на себя ответственность, пока не получит полной свободы действий. В дальнейшем последовали и другие задержки.

В марте 1920 г. воркование союзнических голубей было прервано известием о том, что арабский конгресс, собравшийся в Дамаске, объявил Фейсала королем Сирии, а Абдуллу — королем Ирака. Это мероприятие, повидимому, было инспирировано слишком соблазнительной перспективой повторения успеха переворота Д'Аннунцио в Фиуме. Однако арабам вскоре пришлось понять, что они относятся к другой категории, чем великие державы. Керзон быстро ответил на призыв французов к совместному действию; была отправлена телеграмма, которая резко порицала решение конгресса и приглашала Фейсала присутствовать при франко-британских переговорах, которые должны были уладить вопрос. Предложение это имело определенно неприятный привкус.

Мандат на Сирию был передан Франции, на Палестину и Месопотамию — Англии. Французы формально отказались от своих притязаний на Мосул.

Однако между получателями имелась существенная разница, заключавшаяся в том, что британское правительство хотя и слишком медленно, но шло по пути предоставления

арабам Месопотамии фактической доли участия в правительстве Ирака, в то время как новое французское правительство, сменившее правительство Клемансо, шло быстрыми шагами к тому, чтобы отстранить сирийских арабов от контроля над Дамаском.

В Ираке англичане поплатились за свою задержку восстанием племен, расположенных у Евфрата. Возникшие повсюду вспышки восстания не удалось подавить до конца года, в связи с чем потребовалась отправка крупных подкреплений из Индии. В результате в том году и в последующем британские военные расходы в Ираке достигли 60 000 000 фунтов стерлингов. В этом отношении весьма интересным является тот факт, что умиротворение арабов в Ираке на протяжении этих двух лет обошлось, грубо говоря, в шесть раз больше той суммы, которая нам потребовалась для поддержания в течение такого же периода арабского восстания против Турции.

В Сирии Фейсал поплатился за французскую поспешность, поскольку обладатели вновь присужденного мандата воспользовались первой же возможностью, чтобы отметить договор, заключенный им с Клемансо, и обосновались в Дамаске. Даже допущение штаба французского верховного комиссара потребовало от Фейсала борьбы с воинственностью арабских экстремистов; и все же он сделался мишенью того ультиматума, который французы отправили 14 июля при появлении признаков вооруженного сопротивления. Напрасно он отправил телеграмму, в которой соглашался на требования ультиматума — факт, подтверждаемый самими французами. По приказу генерала Гуро, солдатская простота которого делала его легким орудием в руках политических руководителей, французские войска были приведены в движение. Остановить их было трудно: в силу знакомого заявления о «военной необходимости» войска Гуро продолжали свое наступление и заняли 25-го Дамаск, а Фейсал потерял свой трон. Он спасся бегством в Палестину, откуда направился в Англию, повторив еще одну бесплодную попытку добиться британской интервенции для своей поддержки. Однако французы пожалели о том, что они его свергли, так как им пришлось встретиться с рядом неприятностей, которые обошлись гораздо дороже и были более продолжительны, чем те, которые претерпели англичане в Ираке.

ГЛАВА XVIII

«СЕМЬ СТОЛПОВ МУДРОСТИ»

Хоггарт настоял на том, что обязанностью Лоуренса по отношению к истории является создание труда, который был бы достойным памятником восстания арабов. Лоуренс с неохотой взялся за это дело, но, дав свое согласие, выполнил его с той же энергией, какую проявлял и во время самой кампании.

Едва ли найдется какое-либо другое литературное произведение, которое увидело бы свет при наличии стольких затруднений. Кроме того, оно дважды чуть не погибло вообще: первый раз в Риме во время аварии самолета, а второй раз в Риддинге при пересадке с одного поезда на другой.

Едва набросав план, Лоуренс счел необходимым воспользоваться своими дневниками и другими документами, которые оставались в его вещевом мешке в Каире. Поскольку к тому времени (весной 1919 г.) дело Фейсала было заслушано и отложено в сторону, Лоуренс решил, что он может воспользоваться этим случаем, чтобы забрать свои вещи из Каира. Генерал Гровс — британский делегат от авиации — предложил ему совершить перелет с отрядом самолетов, который намеревался в то время проложить путь для будущих имперских линий, направившись на Средний Восток. К несчастью, гигантские самолеты, вследствие сильной изношенности и скверного ухода, находились в плохом состоянии. В результате на всем пути их преследовали аварии. Головная машина, в которой Лоуренс находился, упала близ Рима, причем оба летчика погибли. Лоуренс оказался счастливее их только потому, что сел позади моторов, твердо отклонив предложение сесть перед ними. Благо-

даря своему благоразумию он отделался только переломом трех ребер и позвоночника. При этом одно из ребер проткнуло легкое, которое с тех пор после сильного напряжения всегда испытывало боль.

Однако это был не единственный случай, когда он избегал гибели при воздушной катастрофе. Лоуренс рассказывал мне, что за свои 2 000 летных часов он пережил семь «смертельных» падений. Это было шестым; седьмое произошло в 1921 г. в Палестине.

После трехдневного пребывания в итальянском госпитале он позвонил своему товарищу по войне Фрэнсису Родд, находившемуся в то время в Риме, где его отец был британским послом. Фрэнсис Родд быстро договорился о том, чтобы перевезти Лоуренса в помещение посольства, однако после нескольких дней пребывания в прекрасных условиях Лоуренс настоял на том, чтобы продолжить свой перелет в Египет с остальной частью отряда. Когда он покинул Рим, он еще находился в гипсе, однако ряд последующих задержек отряда, пока они, наконец, долетели до Египта, предоставил ему достаточно времени, чтобы оправиться от падения.

Он говорил мне, что писал в течение длительных периодов, продолжавшихся иногда целые сутки с одним перерывом для еды. Во время этой работы он иногда писал по 1 000—1 500 слов в час. В промежутках между отдельными фазами работы бывали длительные перерывы, которые он использовал для просмотра написанного.

Однако, когда он к концу лета покинул Париж, его труд, состоявший из десяти «книг», был почти закончен. В июле он демобилизовался, а в ноябре был избран на 7 лет членом колледжа «Всех душ» в Оксфорде, занимавшегося исследовательской работой, где ему было предложено написать по собственному выбору какой-либо труд по истории Среднего Востока.

В конце года он захватил с собой рукопись и поехал в Оксфорд, уложив ее вместе с другими вещами в чемодан такого типа, которым обычно пользуются банковские или правительственные курьеры. Поскольку в Риддинге ему предстояла пересадка, он пошел в буфет, положил чемодан под стол и вспомнил о нем, лишь когда сел в поезд. По прибытии в Оксфорд он позвонил по телефону в Риддинг, но чемодан исчез. С тех пор так и не удалось найти его следов.

Лоуренс вынужден был заняться вновь составлением ру-

описи и благодаря своей почти фотографической памяти и дневникам быстро восстановил потерянный текст. Он снова приступил к работе, отдаваясь ей длительными порывами, как и раньше. Весной 1920 г. восемь потерянных «книг» были написаны заново, а оставшиеся две пересмотрены, и весь труд был закончен.

При проявлении столь удивительного упорства Лоуренс не руководствовался обычным стимулом подобной спешки — желанием поскорее опубликовать свое произведение. В данном случае он заботился больше о том, чтобы поскорее освободить свои мозги, чем дать пищу для ума других.

Перед войной Лоуренс написал книгу, основой для которой явились его путешествия по Ближнему и Среднему Востоку, но когда работа была закончена, он уничтожил рукопись.

«Семь столпов мудрости» были изданы в 1926 г. Некоторые экземпляры переходили из рук в руки по баснословным ценам; один из них продавался книготорговцем за 700 фунтов. Появившееся в 1927 г. «Восстание в пустыне» быстро разошлось в пяти изданиях, но, как только Лоуренс узнал от своих издателей, что превышение его кредита в банке почти покрылось, выпуск английского издания был прекращен.

Его личный взгляд на «Семь столпов мудрости» как на литературное произведение отражает ту же привычку сравнивать только с создаваемым им самим критерием. Поэтому те похвалы, которые расточали другие его великолепной прозе, описательному повествованию и силе анализа, или вовсе не удовлетворяли Лоуренса, или удовлетворяли в незначительной степени. Однако указание Герберта Уэллса на то, что книга является великим человеческим документом без всякой претензии быть произведением искусства, вызвало в нем не только удивление, но и показалось ему забавным. Услышав об этом замечании Уэллса, Лоуренс ответил, что, наоборот, книга написана с «громадными претензиями» и является не человеческим документом вроде «Анабазиса» Ксенофонта, но искусственной потугой на искусство. Он также называет ее «угнетающей» книгой без какого бы то ни было поучения.

ГЛАВА XIX

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

Почему Лоуренс решил пойти в ряды авиации? Как может человек, имеющий такие таланты, зарывать их, отдаваясь столь нудной работе? Конечно, он мог бы найти для себя лучшее призвание. Почему он, по крайней мере, не занял офицерской должности? Как может человек с его интеллектуальными запросами выдерживать скуку и неудобства казарменной жизни?

Вот вопросы, которые всегда возникали, как только где-либо упоминалось его имя. Ответить на этот вопрос со всей определенностью является невозможным, но в процессе обсуждения может быть уловлено некоторое объяснение.

Это объяснение станет понятным, если вкратце проследить карьеру Лоуренса начиная с 1920 г., после изгнания Фейсала из Дамаска.

Воспользовавшись правом своего членства, Лоуренс перебрался на жительство в колледж «Всех душ» лишь после того, как он в 1920 г. закончил вторично работу над своей книгой. Он всегда хорошо владел разговорным языком, но мог работать только в одиночестве, а этого ему недоставало в Оксфорде. Таинственный студент, который избегал компании в довоенные дни, теперь обладал магнитным притяжением легендарной фигуры для посетителей Оксфорда в еще большей степени, чем для членов университета. Лоуренс говорил, что единственно, что ему удалось написать за время пребывания в колледже, было введение к новому изданию «Доути».

Кроме того, незначительная стипендия члена Исследовательской ассоциации могла быть полезным дополнением для молодого ученого, обладавшего собственными средствами

к существованию, но она была недостаточна для тех неизбежных расходов, с которыми Лоуренсу пришлось встретиться. 200 фунтов в год не только не давали ему возможности проявлять гостеприимство, но и содержать себя в приличном виде. Впервые с момента своего юношеского возраста он встретился с тяготами, вызванными отсутствием денег. Он неоднократно говорил мне, что идеалом для одинокого человека с его привычками был бы твердый доход в 300 фунтов в год, что, по его мнению, являлось «достаточным для проживания в городе и в деревне». Но Оксфорд не был ни тем, ни другим, и даже в том случае, если бы ему удалось добывать недостающую разницу, я сомневаюсь, согласился ли бы он там остаться. Он не смог бы иметь там ни разнообразия людей, ни простоты, которые соответствовали его вкусу. Представление его о проживании в городе или в деревне сводилось к уединенной мансарде в достаточно оживленном квартале Лондона и к примитивному коттеджу в деревенской глуши Англии. Пребывание в Оксфорде перегрузило его бюджет, не обеспечив тех потребностей, которые он имел.

Выходом из положения явилась новая возможность служения прежнему делу. С материальной стороны она была временной, с духовной же стороны она была постоянной.

К концу 1920 г. события оправдали повторные предостережения Лоуренса об опасностях безответственной игры на национальных вожделениях на Среднем Востоке. В самой Англии послевоенный «бум» сменился кризисом, который в виде реакции вызвал требование снизить наши расходы и «убраться» с новых мандатных территорий.

При встрече с Ллойд-Джорджем Лоуренс обсудил создавшееся затруднительное положение и ответственность за него Керзона, считая единственным выходом из положения отстранение Керзона от ответственности. Поскольку Ллойд-Джордж дал ясно понять, что он не сможет убрать Керзона из министерства иностранных дел, альтернатива заключалась в том, чтобы убрать от него Средний Восток. Эта возможность была учтена Ллойд-Джорджем и вскоре принесла свои плоды. Министерство по делам колоний оказалось подходящим учреждением, которое смогло принять на себя контроль за Средним Востоком при условии возглавления его соответствующим лицом — человеком, который расценивался больше, чем министерство.

Министерство по делам колоний с расширением его ответственности было предложено Уинстону Черчиллю. Лоу-

ренс, который жаждал видеть его во главе министерства по делам колоний, откровенно предупредил его, что успех будет зависеть от готовности принять на себя известный риск, в частности, посадить арабского короля в Месопотамии и эвакуировать британские войска, передав оборону ее авиации как менее назойливому и более экономному типу иностранного гарнизона, чем армия. При подобных условиях Черчилль, по мнению Лоуренса, мог рассчитывать на успех, который не только облегчил бы положение Англии и обеспечил бы ей будущее, но и усилил бы перспективы Черчилля на получение им поста канцлера казначейства: цель его честолюбивых мечтаний — возможность носить одеяние его отца.

История показала, что Черчилль принял министерство и достиг обеих целей. Старое деление ответственности между министерством иностранных дел, министерством по делам Индии и военным министерством было заменено единым руководством делами Среднего Востока, которое сосредоточилось в новом управлении по делам Среднего Востока в министерстве по делам колоний. Здесь Лоуренс сплотил вокруг себя отборную группу помощников. К числу последних относились два выдающихся участника кампании Алленби — Майнертцхаген и Юнг. Лоуренс был назначен политическим советником.

Он согласился занять этот пост, понимая, что обещания, которые были сделаны арабам со стороны Англии, теперь заслужат должного внимания, поскольку это будет от нее зависеть. Он также просил, и ему были обещаны, свободный доступ к министру иностранных дел и позволение отказаться от своего поста, когда он пожелает. Когда возник вопрос о его вознаграждении, Лоуренс спросил 1 000 фунтов в год, на что Черчилль заметил, что это была самая скромная просьба, с какой к нему когда-либо обращались, и назначал 1 600 фунтов в год.

Таким образом обе стороны пришли к соглашению, и было достигнуто единство действий. Лишь однажды пронесся холодный ветерок, когда бюст Наполеона, которого очень любил Черчилль, дал повод Лоуренсу начать восхваление величия Ленина, что весьма не понравилось Черчиллю. Установившиеся между ними взаимопонимание и острота интеллекта, которая была общей у того и у другого, помогли превратить их официальные взаимоотношения в содружество. В результате немного более чем через год это содружество добилось своих целей.

Сирия была проглочена французами, но Трансиордания и — что являлось более важным — Месопотамия остались. Еще до войны Лоуренс пришел к заключению, что конечное средоточие арабской национальности и ее будущее лежат в Месопотамии, потенциально более богатой и более обширной, чем Сирия. Таким образом он гораздо легче мог приспосабливать ближайшие стоявшие перед ним задачи к своему глубокому предвидению.

Новое управление организовалось в феврале 1921 г., а в марте Черчилль, Лоуренс и Юнг отправились в Каир на конференцию, в которой приняли участие главнейшие политические и военные чиновники территории Среднего Востока наряду с выдающимися представителями военного министерства и министерства авиации. Однако все основные вопросы были подготовлены еще до начала конференции. Под мастерским руководством Черчилля конференция послужила лишь для того, чтобы подтвердить принятые решения и восполнить детали.

Фейсал, лишенный своего королевства французами, получил от англичан другое королевство — в Ираке. Он прибыл в Ирак в июне и был коронован в августе. Британским правительством заранее было установлено, что после вступления на трон Фейсала будет заключен договор, по которому суверенность Ирака будет совмещена с мандатом Англии. Этот договор, в отношении которого велись соответствующие переговоры, открыл путь для Ирака сделаться независимым государством, дружелюбно относящимся к интересам Англии и выполняющим условия цивилизованного правительства, как это было предусмотрено положениями Лиги наций. Благоразумие сэра Перси Кокса, который с самого начала поставил себя в положение советника, а не контролера, облегчило возможность постепенного перехода административного управления из рук англичан в руки арабов.

Честь Лоуренса также была восстановлена, и его чувство неудачи сменилось чувством удовлетворения. Для арабов он приобрел больше того, на что первоначально рассчитывал. Кроме того, он почти не ожидал, что англичане согласятся расстаться с Багдадом, а тем менее с Басрой. Лоуренс приобрел для арабов возможность стать на свои собственные ноги и воспользоваться этой возможностью соответственно их желаниям и талантам. Большего он сделать не мог.

Создание арабского государства в Ираке, связанного

симпатией с Англией, было главной целью Лоуренса, но не единственным его достижением. Он испытывал дополнительное удовлетворение в том, что тот же самый росчерк пера, который обеспечил арабам их возможности, предоставил также возможность использования и воздушных сил.

Другое достижение Лоуренса, а именно установление власти Абдуллы в Трансиордании, не являлось заранее подготовленным. Среди местных арабов уже нарастало беспокойство, в связи с чем создавалась угроза Палестине, как вдруг возникло дальнейшее осложнение в результате инициативы Абдуллы, который продвинулся со своими войсками к Амману для расплаты с французами за изгнание его брата. Это известие вызвало тревогу в Иерусалиме и Каире. Трудности подавления этого движения силой были очевидны, так как трансиорданские племена могли восстать и притти ему на помощь, а свободных британских войск не имелось. Однако чувствовалось, что если ему позволить добиваться своей цели и допустить вести военные действия против французов из британской зоны, то последние имели бы достаточно серьезные основания быть недовольными. Неожиданным созданием нового государства был найден выход, который опрокинул решение конференции в Каире.

Хорошо зная Абдуллу по прошлому, Лоуренс считал, что его легко можно будет убедить пойти по мирному пути, если последний будет достаточно выгодным. С одобрения Черчилля Лоуренс полетел в Амман и привез с собой обратно на машине Абдуллу в Иерусалим, куда прибыл Черчилль, чтобы повидаться с сэром Хербертом Самуэлем. После получасового разговора у Черчилля создалось настолько ясное представление о здравом смысле и политической мудрости Абдуллы, что он тотчас же принял серьезнейшее решение оставить Абдуллу в Трансиордании как главу полунезависимого арабского государства при условии, что он воздержится и в дальнейшем будет удерживать своих будущих подданных от столкновений с французами в Сирии. Этим был добавлен еще один устой к намеченной Лоуренсом основе, хотя и не в том порядке, как это предусматривалось первоначальным планом.

В то же самое лето 1921 г. Лоуренс сделал попытку удержать на месте отца Абдуллы. В июне он отправился в Джидду, чтобы предложить Гуссейну договор, который послужил бы средством для обеспечения ему Геджаса при условии, что он откажется от своего притязания стать во главе остальных земель арабов. Однако Гуссейн упорно

придерживался самолично присвоенных прерогатив и тем самым определил свою судьбу. Лоуренс оживил скуку бесконечных аргументов в летнюю жару в Джидде посылкой телеграмм, составленных с шекспировской остротой, которые шокировали чрезвычайно сильно развитое чувство дипломатического достоинства у Керзона.

Самоубийственное решение Гуссейна вмешиваться в дела других арабов являлось единственным моментом, омрачавшим Лоуренса. Если бы не этот факт, то он чувствовал бы, что все, что можно, было достигнуто и не только для арабов в целом, но и для тех арабов, которые были его соучастниками в войне. Он также был убежден, что достигнутое освободит его собственную страну от того мельничного жернова, который близорукое честолюбие повесило ей на шею. Спасая ее честь, он спас также и ее деньги, 16 000 000 фунтов, в первый же год.

Приобретя для арабов право свободно распоряжаться своим будущим, Лоуренс добился этого права также и для себя. У него оказался «выход из положения» в том смысле, что он получил возможность отойти от общественных дел и отказаться от жизни «Лоуренса».

В начале 1922 г. ему казалось, что критический период был благополучно пройден, и поэтому по окончании года службы в феврале он стал просить разрешения освободиться от дел. Однако Черчилль категорически воспротивился, и из уважения к нему Лоуренс согласился остаться до тех пор, пока это окажется необходимым, отказавшись от получения жалованья в дальнейшем. В июне, устав от ожидания обещанного согласия на увольнение, он снова напомнил о своем определенном решении оставить работу, заявив при этом Черчиллю: «Я полагаю, что серьезных неприятностей не произойдет по крайней мере в течение семи лет». Это пророчество, когда о нем узнали, было встречено презрительным смехом в различных кругах, но время его оправдало.

В августе Лоуренс поступил рядовым в британский воздушный флот под фамилией Росса, которая была случайно предложена одним из офицеров министерства авиации, пользовавшимся его доверием.

Могло бы показаться странным, что после того, как он проявил такую решимость освободить себя от государственной службы, он быстро снова к ней вернулся. Однако факт этот легче понять, если мы вспомним, что он отказался от должности, возлагавшей громадную ответственность, чтобы вернуться к состоянию безответственности.

Это не было внезапным решением, но было его намерением, начиная с последнего года войны. Он задержался с его осуществлением из-за трехлетней отсрочки, вызванной необходимостью регулировать арабские дела. Еще в 1919 г. он заявил сэру Джофрею Сальмонду о своем желании поступить в авиацию, причем Сальмонд предложил ему сделаться его помощником в Египте. Но Лоуренс категорически заявил: «Я имею в виду поступить рядовым».

Лоуренс считал, что использование воздушной стихии является еще одной большой проблемой, оставшейся для нашего поколения. Таким образом «каждый должен либо сам поступить в авиацию, либо помогать ее развитию».

С первого взгляда подобное отношение не так-то легко примирить с его постоянным отказом согласиться на какое-либо продвижение по службе. В связи с этим наиболее частым вопросом, который возникал у всех, являлся вопрос: «Почему он не принимает на себя звание офицера?» Ответ, который однажды дал мне Лоуренс, заключался в следующем: он ничего не имеет против того, чтобы повиноваться глупым приказаниям, но возражает против того, чтобы передавать их другим, а это он вынужден был бы делать, если бы взял на себя должность офицера или унтер-офицера. Замечание, несмотря на его дерзость, имело серьезное основание. На войне подобные приказания зачастую приводят к бесполезным потерям человеческих жизней; в мирное время они часто способствуют притуплению человеческого мышления. Кроме того, они неизбежно делают человека, который передает приказание, соучастником преступления, хотя и помимо его желания. К счастью, лишь немногие из тех, кто передает подобные приказания, обладают тем пониманием, которое позволило бы им почувствовать свою ответственность. Однако Лоуренс им обладал. Таким образом для него оставалось лишь два пригодных поста — самый верхний или самый нижний. Из этих двух он предпочел последний вследствие своего сильного нежелания нарушать свободу других. Впрочем, было еще одно место, а именно — незримого советника. И занять эту должность, как я полагаю, вполне соответствовало желанию Лоуренса, в особенности после того, как он оправился от тех переживаний, которые испытывал в момент своего зачисления. Однако степень использования его в этой должности зависела бы от тех людей, в руках которых находится власть, так как он никогда не навязывал бы им сам своих советов.

Лоуренс имел случай занять один из самых важных постов в Британской империи. Он отказался от него не открыто, но предложил условия, которые делали его назначение невозможным: освободить его от необходимости жить в официальном здании. Он оставлял бы свою официальную резиденцию, наняв где-либо спокойную комнату, ездил бы туда и назад на мотоцикле, вращаясь среди людей как можно больше. По его мнению, значение внешнего блеска в нашей имперской системе весьма переоценивается.

Лоуренс прошел свой начальный кратковременный период службы в авиации на сборном пункте в Эксбридже. В течение ряда месяцев он успешно скрывал свою подлинную биографию с присущим ему умом и остроумием, когда нужно было сбить с толку и провести тех, которые его опрашивали, без особого нарушения истины. Так, на первом же инспекторском смотру командир спросил Лоуренса, чем он занимался до поступления в ряды авиации; он ответил, что работал в бюро архитектора. Фактически он работал на Бартон-стрит. Тогда ему задали наиболее щекотливый вопрос, а именно — почему он поступил в авиацию. На это он ответил: «Я думаю, что у меня было умственное расстройство, сэр». Этот ответ оказался не столь удачным, и ему пришлось довольно долго убеждать оскорбленного начальника, что он не имел в виду того, что поступление в авиацию было актом и поступком ненормального состояния. Но как объяснение ответ содержал глубокую правду, хотя и не всю.

Испытание по образованию было другой преградой, и в данном случае он до известной степени посвятил инструктора в свою тайну. Лоуренс был не первым человеком с университетским образованием, которого обстоятельства заставили в дальнейшем сделаться рядовым.

Джонатан Кэйп несколько лет спустя узнал о существовании рукописного дневника, который Лоуренс как произведение ставит выше, чем «Семь столпов мудрости». Он стал уговаривать Лоуренса выполнить условие, имевшееся в договоре, на «Восстание в пустыне», которым издательству предоставлялось право опубликования следующей книги. Автор немедленно согласился и представил свои записки на отзыв, указав, что он готов передать издательству права на их опубликование на следующих условиях: миллион фунтов в качестве аванса и 75% отчислений в дальнейшем. Мистер Кэйп, конечно, не был в состоянии

достать миллион до того, когда упомянутое выше условие договора потеряло силу.

Несмотря на существовавшие в те дни тяжелые условия в Эксбридже, Лоуренсу удалось предохранить себя от каких бы то ни было неприятностей и заслужить хороший отзыв своим беспрекословным повиновением, дисциплиной, готовностью выполнять любую поручавшуюся ему работу, как бы она ни была неприятна. Однако это все же не сохранило его инкогнито, так как спустя полгода офицер, который знал Лоуренса во время войны, сообщил о нем в прессе. Говорят, что за эту информацию офицер получил 30 фунтов — сумма слишком большая, чтобы быть правдоподобной.

Однако последствия оказались весьма серьезными, так как оглашение факта пребывания Лоуренса в рядах авиации вызвало беспокойство и неудовольствие министерства авиации, которое было настолько увлечено своей борьбой за существование, что весьма болезненно реагировало на все то, что могло вызвать критику. В результате, несмотря на свои категорические протесты, Лоуренс в феврале 1923 г. был уволен из авиации. Конечно, его протесты подействовали бы, если бы решение было предоставлено начальнику штаба авиации Тренчарду, который в отношении к Лоуренсу сделался вторым Алленби. С ним Лоуренс обсудил положение и получил намек, который он рассматривал как обещание, что его вторичное поступление в авиацию сможет быть устроено, если он получит хороший отзыв после пребывания в армии.

С помощью своих друзей в военном министерстве он подготовил почву для поступления в танковый корпус. На этот раз Лоуренс выбрал для себя имя Шоу. Вопреки слухам этот выбор не был вызван ни его дружбой, ни восхищением перед Бернардом Шоу; он выбрал его наудачу из указателя справочника личного состава, ожидая своей очереди в военном министерстве.

В марте он присоединился к сборному пункту танкового корпуса в лагере Бовингтон в Дорсете. По окончании первоначальной подготовки, проводимой с новобранцами, и соответствующей учебы он был назначен на склад, где его работа заключалась в пригонке обмундирования. В целом это являлось легкой и хорошо оплачиваемой работой и давало преимущество уединения, которое позволяло ему проводить по вечерам работу по окончательному пересмотру «Семи столпов мудрости». Он выполнял свои обя-

занности настолько пунктуально и точно, что его редко беспокоили представители власти, хотя в одном случае он был наказан пребыванием в казармах в течение трех дней за то, что оставил на постели свое рабочее платье. В другой раз он наказал чванного капрала за несправедливое обращение с другим рядовым, выкинув чемодан капрала в мусорный ящик.

Танковый корпус оказался для него в известной степени разочарованием. За некоторыми исключениями, старшие офицеры и лица младшего начальствующего состава, с которыми ему пришлось встретиться на пункте, казались ему пропитанными духом военщины и слишком мало знакомыми с техникой, чтобы быть пригодными для подготовки технического корпуса. Самой совершенной формой механического инструмента, доступной их понятию, были приспособления для чистки пуговиц. И он унес с собой после двухлетнего пребывания глубокое убеждение в неправильном использовании людей и сожаление о зря потраченном времени. Будет справедливым, однако, добавить, что с тех пор в танковом корпусе произошла заметная перемена к лучшему.

Хотя условия во время службы Лоуренса и были тяжелыми, но для своего действительно военного чувства он находил компенсацию в других местах.

Единственной слабостью Лоуренса являлась езда на мотоцикле, и в этом отношении у него был всегда вкус к роскоши, вследствие его любви к скорости, а не к комфорту. Человек, который ездит со скоростью 50 *км* в час, двигается слишком быстро для того, чтобы оценить детали, но все же слишком медленно, чтобы получить впечатление от целого, как это бывает с человеком, едущим со скоростью 100 *км* в час. Ездить еще быстрее, делать по 140—160 *км* — значит не просто ездить вверх и вниз по долине, а проноситься через холмы и через долины, получая впечатление, что они вырастают по вашему желанию. Для Лоуренса это ощущение максимальной скорости вызывало особую радость, потому что оно как бы освобождало дух от оков человеческой слабости, а также, я думаю, потому, что создавало впечатление о силе для преодоления тех преград, которые природа устанавливает на пути всех достижений.

Скорость, подобная той, которую желал Лоуренс, — возможность делать 150 или 160 *км* в час по любому открытому пространству, — стоит денег. Он уменьшил свой

расход благодаря любезности Джорджа Бро — владельца завода мотоциклов.

«Для того чтобы объяснить соблазн скорости, вам пришлось бы объяснить человеческую природу, однако понять ее легче, чем объяснить. Все люди во всех веках приходили в восторг от быстрых лошадей или верблюдов, кораблей или автомобилей, велосипедов или самолетов; все люди стремились бегать, ходить или плавать как можно быстрее. Скорость является второй страстью в нашем характере, и наше поколение является достаточно счастливым, чтобы отдаваться ей более дешево и более массово, чем наши предки. Каждый человек культивирует ту скорость, которая ему больше всего нравится. Я, например, имею доход, позволяющий содержать мотоцикл».

Однако он посмеивается над теми из своих друзей, кто увлекается скоростью езды за рулем автомобиля, являющегося нечувствительной повозкой по сравнению с мотоциклом, который, по его мнению, превосходит только моторная лодка. Однако он соглашается с преимуществами автомобиля в сырую погоду, когда человек стареет, и говорит, что если он будет достаточно богатым, то он отправится путешествовать с двумя машинами: пользуясь автомобилем, когда идет дождь, и заставляя шофера доставлять ему мотоцикл.

Авиационная форма с обмотками на икрах и легко расстегивающимся высоким воротником казалась ему идеальной одеждой для езды на мотоцикле в нормальных условиях, и по этой причине он чаще путешествовал в форме, чем в штатском.

Однако последнее нередко создавало затруднения. Я слышал из различных источников забавную историю, касавшуюся того времени, когда несколько лет назад Фейсал проживал в Лондоне. К нему зашел Лоуренс, но не был допущен, а затем его вытолкал по лестнице лакей, который был возмущен настойчивостью этого простого «Томми». На шум вышел Фейсал, в свою очередь расправившийся с лакеем и обнявший Лоуренса. Когда я спросил Лоуренса об этом эпизоде, он сказал, что не помнит о нем, но что он часто был вынужден ожидать у дверей своих друзей, пока недоверчивый слуга вел переговоры внутри со своим хозяином. Голубая форма авиации порождала недоразумения другого сорта. Помню, как несколько лет назад приехал Лоуренс, совершивший на моей машине поездку по северному побережью Корнуола, и нам при-

шлось долго убеждать хозяев гостиницы, что он не был шофером.

После того как он прослужил в течение года в армии без каких бы то ни было замечаний в своем послужном списке, он косвенным путем сообщил об этом Тренчарду, в надежде, что его снова возьмут в авиацию. Однако никакого извещения не приходило, и Лоуренс, не желая нажимать на этом вопросе, вообразил, что возражение имеется у самого Тренчарда. Затем он получил от лорда Томсона — министра авиации в новом лейбористском правительстве — предложение закончить начатую ранее историю авиации.

Это предложение не вызвало у Лоуренса большого восторга. Он с трудом воображал себя составителем официальной истории. Тем не менее полученное предложение он хотел рассматривать как шаг, обеспечивающий ему достижение своей цели, и в связи с этим согласился принять его и даже выполнить без всякого вознаграждения, если начальство разрешит ему вернуться в авиацию, после того как книга будет закончена, на что по его подсчетам потребовалось бы два года. Однако министерство авиации не согласилось с этим, и его предложение отпало.

Быстрое возвращение консервативного правительства позволило добиться преждевременного и неожиданного поворота к лучшему в его личных делах, так как в результате ходатайства Джона Бючена на Даунин-стрит политические возражения против его вторичного зачисления в авиацию были устранены, и в августе 1925 г. он был переведен из танкового корпуса в авиацию на весь остальной срок его службы — семь лет действительной и пять лет в резерве, считая с марта 1923 г. Подобное решение удовлетворило его желание, так как он возвратился в авиацию гораздо быстрее, чем это имело бы место в том случае, если бы его предложение было принято,— и без необходимости составлять историю.

Лоуренс был отправлен в Индию. Он очень хотел избежать той известности, которая, конечно, должна была последовать после организации «Восстания в пустыне». Он ехал туда на военном транспорте «Девоншир» и по прибытии явился в распределительный пункт воздушных сил в Карачи. Здесь он находился большую часть своего пребывания в Индии и, судя по некоторым из его писем, нашел жизнь менее привлекательной, чем в Крэнвелле. Если бы его пребывание стало известно правительству Индии, то вследствие тех диких слухов, которые могли в силу

этого возникнуть, он оказался бы в затруднительном положении, а поскольку официальные круги Индии смотрели на него как на ловкого нарушителя политики, проводившейся ими во время войны, он считал более разумным избежать повода для возникновения жалоб. В связи с этим он добровольно «приговорил себя к отбыванию наказания» в казармах в течение всего времени пребывания в Индии. Поэтому, когда после 18 месяцев пребывания в Карачи, где жизнь была чрезвычайно скучной, он был переведен на границу, это было большим облегчением. В Пешаваре он провел лишь несколько дней, а затем отправился в свой отряд, находившийся в форту Мирапша, представлявшем собою изолированный пограничный пост, который обычному человеку показался бы более похожим на место для отбывания наказания. У меня создалось впечатление, что этот двухгодичный период пребывания Лоуренса в Индии, за время которого он ни разу не покидал лагеря, кроме тех случаев, когда ему приходилось летать, скорее замедлял, чем ускорял его поправку от умственного напряжения прошлого. Он ни разу не болел и не чувствовал жары. Пребывание в Индии было засчитано ему за пять лет действительной службы в резерве.

Однако, несмотря на все принимавшиеся им меры предосторожности, его служба в Индии была прервана совершенно неожиданным обстоятельством. Сведения о пребывании на границе «рядового авиационной части Шоу» просочились в американские газеты и породили обвинения в русских газет, что «полковник Лоуренс» ведет таинственную работу в Афганистане как агент британского империализма в осуществлении большого заговора против Советского Союза. Говорят, что в связи с этим афганское правительство опубликовало сообщение, что в случае обнаружения он должен быть немедленно арестован, и другое, в котором говорилось, что в случае его обнаружения он будет расстрелян. В то время отношения между Афганистаном и правительством Индии были настолько щекотливыми, что в связи с повторными обращениями британского посла в Кабуле сэра Фрэнсиса Хемфи в начале 1929 г. Лоуренс был отправлен обратно в Англию.

Он был доставлен на самолете до побережья, где сел на пароход «Раджпутана». Его незаметное возвращение в Англию в феврале как раз совпало с моментом выступления против него друзей Советского Союза. Члены лейбористской партии только что сделали ряд запросов в пар-

ламенте в отношении предполагаемых активных действий Лоуренса в Афганистане. В демонстрации, организованной коммунистами, во время которой в Тауэр Хилле было сожжено изображение Лоуренса, особую активность проявил Саклатвала. Все эти инциденты закончились неожиданной «новостью» о том, что Лоуренс был принят Мэкстоном в ряды лейбористской партии. Возможно, причиной этого удивительного сообщения послужил тот факт, что после своего возвращения Лоуренс отправился в парламент и представился Третлу и Мэкстону. Если его очевидное пребывание в Лондоне и убедило их в том, что он не занимается шпионской деятельностью в Афганистане, оно все же оставило их в недоумении, почему человек, имеющий полную свободу выбора себе профессии, решил остаться служить в рядах армии.

Находясь в Лондоне, Лоуренс виделся с Тренчардом, который спросил его, куда он хотел бы направиться, и со своей стороны предложил Шотландию, как удаленную от центра. Однако это было не особенно желательным для Лоуренса, и вместо Шотландии он был назначен в Кэттуотер у Плимут-Саунд, где имелась станция морской авиации. Хотя последняя и находилась далеко от Лондона, а следовательно, и от его друзей, он нашел такие условия, которые в значительной мере компенсировали эти недостатки. Когда он имел несколько свободных часов, которые мог провести за пределами станции, он всегда встречал в доме лэди Астор самое разнообразное общество.

К несчастью, с приходом нового министра авиации или, вернее, с возвращением старого — лорда Томсона — на горизонте появилось новое облако. Несмотря на таланты Томсона и доказанную им готовность пожертвовать своей военной карьерой из-за политических убеждений, он был одним из многих лиц, которые не могли понять Лоуренса. В разговоре, который произошел вскоре после возвращения Томсона в министерство, он выказал заметное предубеждение против оставления Лоуренса в рядах авиации. Это было им сделано не по личным мотивам, но все же было ясно, что досада, вызванная отказом Лоуренса написать историю авиации, сделала Томсона более восприимчивым к враждебным выступлениям в отношении Лоуренса со стороны некоторых офицеров.

Тренчард сознавал моральное значение присутствия Лоуренса в рядах новой службы, для создания и поддержания которой он приложил столько стараний. Это мнение

разделяли и его лучшие помощники. Однако людям меньшего кругозора, которые всегда болезненно относились к тому, чего они не понимали, не нравился факт нахождения в их рядах критически настроенного человека, каким был Лоуренс.

Подобные люди, не уверенные в самих себе, испытывали острое беспокойство перед лицом подчиненного, который заставлял их чувствовать себя ниже его. Они инстинктивно искали выхода, обвиняя Лоуренса в недисциплинированности или... если это было невозможно, в том, что его присутствие «скверно отражается на дисциплине».

Дотошная корректность Лоуренса производила поразительное впечатление. Я никогда не забуду, как однажды, когда Лоуренс в военной форме был со мной в деревенском отеле, к нам подошел в несколько «приподнятом» настроении офицер, недавно назначенный к нему на станцию. Узнав Лоуренса, офицер попытался проявить по отношению к нему покровительственную фамильярность. Лоуренс вытянулся во фронт и на все попытки офицера заговорить с ним отвечал с холодным уважением, которое трудно было долго выдержать. Для постороннего наблюдателя инцидент был в высшей степени забавным и поучительным.

30 сентября Лоуренс виделся с Тренчардом, который заявил ему, что впредь он должен будет выполнять обязанности обыкновенного рядового авиационной части. Ему запрещалось летать и куда-либо выезжать из Англии, даже в Ирландию. Он не должен был посещать или разговаривать с кем-либо из «больших людей». Когда Лоуренс просил для примера указать последних, то ему были названы имена Уинстона Черчилля, Остина Чемберлена, лорда Биркенхеда, сэра Филиппа Сассун и леди Астор, т. е. виднейших членов политической партии, находившейся в то время в оппозиции.

Лоуренс решил лучше согласиться на эти тяжелые условия, чем покинуть любимую им службу.

Вынужденное воздержание от умственной работы дало ему возможность продолжать урывками перевод в прозе «Одиссеи», который был поручен ему американским издателем за гонорар, значительно превышавший тот, который он когда-либо получал за оригинальный труд.

Вначале он рассчитывал сдать перевод к концу 1929 г., но вынужден был отложить свою работу, о чем решил не особенно сожалеть. «Говоря по правде, мне было гораздо приятнее выполнять что-либо для авиации, чем заниматься

своей личной работой; поэтому я охотно освобождался от всего, когда на меня нажимали». Хотя на святках он и «сидел в прохладной штабной канцелярии и корпел над Гомером», к новому году работа не была готова и наполовину. В конце года он снова отметил у себя в дневнике: «Я работаю над «Одиссеей», как тигр, в надежде закончить ее следующей весной; она отнимает у меня все вечера, а иногда и дни, и я решил не отдыхать, пока не закончу этой работы. Учитывая перерывы, она должна быть готова в апреле, а когда наступит целое лето для отдыха, я буду с кучей денег в кармане и без всяких стесняющих меня обязательств». Если Лоуренс и надрывался над работой, то он, во всяком случае, убедился, что столь тщательное чтение греческих классиков было очень полезным занятием.

Вскоре после этого работа была, наконец, закончена. Последний период был прерван требованием выполнить задание для авиации и флота. На протяжении двух лет Лоуренс пытался различными способами убедить министерство авиации в необходимости и возможности постройки новых типов катеров, пригодных для обслуживания гидросамолетов, — катеров, которые могли бы быстро приходить к ним на помощь в случае аварии, спасать экипаж и не дать самолетам утонуть. В этом деле ему помогли вновь появившийся энтузиазм и его знание техники, которые, наконец, в 1931 г. принесли свои плоды. Поставщики изготовили опытные катеры, и Лоуренсу было поручено произвести испытание катера конструкции Скотт-Пэйна. В процессе испытания Лоуренс хорошо изучил побережье Англии. В результате проведенных опытов была заказана большая партия. Катеры могли итти со скоростью 45 *км* в час, что вдвое превышало быстроходность старых катеров; они обладали прекрасной мореходностью, обслуживались двумя человеками и имели застекленную каюту для медицинского персонала. Корма была сконструирована таким образом, чтобы иметь возможность подойти между поплавками и удержать тонущий самолет на воде. Удобство, простота и доступность внутренних частей были продуманы и рассчитаны поразительно или, вернее, были бы поразительны для тех, кто не знал, что частично это было делом Лоуренса.

Уже давно чувствовалось, что единственный способ, который позволил бы Лоуренсу примирить его возродившееся стремление к конкретной работе с постоянным отказом от присвоения ему какого-либо чина, заключался в том, чтобы

использовать его на независимой работе, где отсутствовали бы старшие начальники.

То обстоятельство, что быстроходные катеры были в некотором отношении чуждыми для авиации, облегчило возможность применения правил службы, не связанных с чином. Достижение этого удачного разрешения вопроса об использовании Лоуренса обязано главным образом сэру Джоффри Сальмонду, который в арабскую кампанию был всегда готов притти ему на помощь.

Работа заставила Лоуренса перебраться в Саутгемптон, откуда он совершил свои длительные морские переходы к восточному побережью и в Шотландию, доставляя катеры по мере их приемки на соответствующие станции морской авиации. Однако осенью 1932 г., когда одна из воскресных газет опубликовала сведения о новой деятельности Лоуренса, опять произошел перерыв в его работе. Статья настолько повлияла на министерство авиации, что оно временно отстранило Лоуренса. Оно боялось гласности, которая им воспринималась болезненно, в отношении же «рядового авиационной части Шоу» министерство авиации было особенно чувствительно. Министерство мало считалось с ценностью службы в авиации «полковника Лоуренса», оно больше беспокоилось о возможности ответа на запрос любого члена парламента, выступающего с критикой деятельности министерства, что ни одной отрасли военного дела не удалось столько сэкономить на зарплате, как авиации, которая имеет технического специалиста по ставке рядового авиационной части.

К счастью, здравый смысл Джоффри Сальмонда заставил его вскоре вернуть Лоуренса к исполнению его прежней работы. Одним из последних мероприятий Сальмонда перед его преждевременной кончиной было обещание предоставить Лоуренсу средства для производства дальнейших опытов. Хотя непосредственной целью этих опытов являлось обеспечение еще более быстрой помощи морским самолетам, но результаты, несомненно, смогли оказать косвенное влияние на достижение безопасности и в будущей подводной войне.

Несколько лет тому назад единственным желанием Лоуренса было продлить до конца жизни свою службу в авиации, срок которой истекал в 1935 г. Но он сомневался в возможности этой пожизненной службы, говоря, что чувствует себя старым, а жизнь становится все более трудной.

Совсем недавно, когда умер Фейсал, Лоуренс был пред-

упрежден по телефону о том, что к нему за интервью выехало несколько репортеров из Лондона. Для того чтобы избежать встречи с ними, он моментально сел на поезд, который шел в Лондон, и разъехался с репортерами. Для того чтобы усилить пыл погони за ним, он направил репортеров по ложному следу, и им пришлось совершить, правда, непродолжительное, но не бесцельное путешествие на остров Уайт.

По окончании срока службы Лоуренс собирался обосноваться в своем коттедже в Уессексе — жилище отшельника, откуда он смог бы при желании поехать навестить своих друзей, посещать концерты, театры или просто повидать Лондон. Что касается работы, то он склонен был заняться переводами и ничем больше.

ЭПИЛОГ

Пытаясь охарактеризовать Лоуренса как человека, мне остается мало что добавить к тому, что я рассказал на страницах этой книги. Представление, которое у меня сложилось о его характере, неизбежно оказалось не больше того, что я смог сам увидеть и размышляя о тех сторонах, какие он проявлял по отношению к другим людям. Контакт со многими людьми, которых мир характеризует как великих людей, приводит к разочарованию или, во всяком случае, к сознанию ограниченности их сил.

Последнее справедливо также и при ближайшем изучении их карьеры. В противоположность этому знакомство с Лоуренсом и более близкое изучение его карьеры повысило мою оценку его успехов как личных, так и общественных.

Такое впечатление производит Лоуренс (или Шоу) при ближайшем знакомстве с ним. Однако всегда имеется другой Лоуренс (и Шоу), который остается неуловимым. Его действия порой настолько сбивают с толку, а его позы настолько изменчивы, что вызывают раздражение даже у друзей, знающих его приемы,— насколько же раздражающими они должны казаться людям, относящимся к Лоуренсу с предубеждением! Но когда кто-либо пытается обвинить его в безрассудстве, ответом на это является его собственная характеристика арабов: «Их умы работают так же, как и наши, но в других направлениях. В арабах нет ничего безрассудного, непонятного, непостижимого». Лоуренс не мог бы так хорошо разыгрывать из себя араба, не восприняв их мышления, и араб остался в нем, хотя и в менее сильной степени, чем прежде.

Он обладал самоуверенностью, которая иногда приобретает оттенок высокомерия, но мне еще не удалось обнару-

жить тех случаев, когда Лоуренс проявлял ее неподобающим образом. В нем была склонность к романтике, но признаки ее были едва уловимы. Сознание бесплодности своих усилий приостановило активность Лоуренса, которая, повидимому, была очень большой.

Ни один человек не сумел достигнуть подобного соответствия между мышлением и действием, как Лоуренс. Без той полноты понимания, которая была у Лоуренса, достигнутые им успехи могли бы сделать его общественно опасным человеком типа Наполеона. С другой стороны, возникает вопрос, смогли ли его достижения оказаться столь великими без этого понимания, так как ресурсы, которыми он располагал, были значительно меньше, а обстановка значительно труднее, чем у большинства тех людей, которые создавали историю мечом. Легенда, которая создалась вокруг личности Лоуренса, скорее затемнила, чем усилила значение его военных успехов. Значение арабской кампании для мировой войны я уже выявил.

Между арабской кампанией в том виде, как ею руководил Лоуренс, и обычной иррегулярной войной прошлого имеется существенная разница. Она велась против неприятеля, который хотя и являлся отсталым, но, так же как и любое государство в Европе, целиком зависел от железнодорожного сообщения и был вынужден применять механические средства современной войны, а в случае исчерпания своих материальных ресурсов утратил способность к сопротивлению. Против подобного неприятеля арабская кампания велась на основе теории, которая настолько опрокинула условную военную доктрину, что превратила слабость арабов в их силу, а силу турок в слабость.

На первый взгляд самая полнота подобной метаморфозы заставляет предполагать, что она еще более углубляет разрыв, существующий между регулярной и иррегулярной войнами. Однако при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что успех ее зависел от новых материальных условий, которые при современных военных действиях заметны еще более. Ни одна страна не может долго продержаться без железных дорог или вести войну без снарядов. То, что вчера делали арабы, завтра сможет таким же образом, но гораздо быстрее сделать авиация. Ее успех смогут разделить моторизованные сухопутные силы, например танки и бронемашины.

Кроме того, это новое использование изменившихся «биологических» условий может быть соединено с более точ-

ным использованием «психологических» условий, в отношении которых Лоуренсом также был показан путь. Разоружить — значит проявить большее могущество, чем убивать. И именно в этом процессе материального и морального разоружения старый принцип сосредоточения сил, повидимому, и окажется замененным неуловимым, вездесущим распределением сил, нажимающих повсюду и все же нигде не наступающих.

В этом заключается основное значение кампании Лоуренса. Величайшее достижение его военного предвидения характеризуется тем, что, разрабатывая свою теорию иррегулярных военных действий, он понимал возможность ее применения для всех войн, хотя делать подобный вывод он и оставлял для тех, кто мог читать между строк.

Этот факт в связи со всей войной придает новое значение его подвигам в Аравии и Сирии. Военная история не может рассматривать Лоуренса лишь как удачного вождя иррегулярных частей. Он является чем-то бо́льшим. Он выявляется скорее в качестве гениального стратега, предугадавшего партизанский характер войн, вытекающий из все возрастающей зависимости народов от промышленных ресурсов.

С точки зрения ортодоксальной стратегии, которая ищет скорее решения, чем парализующего удара, из изучения арабской кампании, особенно ее последней фазы, может быть извлечен весьма ценный опыт, поскольку возможность решения зависит от успеха предварительного отвлечения сил. Военными историками эта основная военная истина недостаточно подчеркивалась и значение ее весьма недооценивалось, за что их странам приходилось расплачиваться. Отвлечение — гораздо больше, чем «наполовину выигранное сражение». Нигде в военной истории я не встречал столь тонко задуманного и умело рассчитанного отвлечения противника, как разработанное Лоуренсом в помощь арабам и Алленби. Представляя пример для изучения военным специалистам, оно наряду с этим является доказательством тех знаний, которые Лоуренс приобрел у мастеров XVIII столетия, — последних, которые отдавали должное внимание этому весьма важному вопросу.

Сила личности Лоуренса общепризнана, но ее влияние затуманило более глубокую силу, которую дало ему его знание. Однако именно в этом заключается главная суть того, что́ военный успех Лоуренса дал миру и в особенности военным.

Истина заключается в том, что Лоуренс был более подкован знанием войны, чем любой из генералов последней войны. На первый взгляд подобное заявление может показаться весьма странным, но это фактически так и было. Многие из генералов последней войны, конечно, знали больше о работе военной машины, чем Лоуренс, но во всем остальном преимущество было на стороне последнего. Его молодость в этом отношении ему помогла. Они потратили столько лет на продвижение в чинах, что, естественно, не могли надеяться приобрести себе свой собственный опыт в использовании оружия, на котором основана тактика. Будучи молодыми офицерами, некоторые из них, возможно, и были специалистами в вопросе винтовок и артиллерии, но их опыт, несомненно, потерял большую часть своей ценности вследствие развития техники оружия и методов его применения. Пулемет, который господствовал на полях сражений в 1914—1918 гг., был новым изобретением, появившимся после их молодости, а легкая автоматическая винтовка, имевшая едва ли меньшее значение, была введена лишь с началом войны. Все это он освоил, проявив при этом способности, редко встречающиеся даже у молодых восприимчивых юношей, и добавил кое-что свое в вопросе тактического использования новых видов вооружения. Авиация была другим новшеством, которое он изучал, приобретая такой летный опыт, каким не воспользовался ни один командир сухопутных войск. Он также преодолел те препятствия, которые в былые дни ставились пехоте или кавалерии в отношении освоения ими саперного или артиллерийского дела, и тем самым добавил к своим знаниям искусство подрывного дела и необходимое для военных действий представление об артиллерии.

Это первоклассное знание боевых средств если и не являлось основным, то во всяком случае было неоценимым. В свете истории мы можем понять, что если бы другие высшие командиры 1914—1918 гг. обладали подобными знаниями, они избежали бы самых роковых ошибок и показали бы также, каким образом использовать полную мощность новых боевых средств. Великие полководцы прошлого, когда средства вооружения были простыми и медленно изменявшимися, строили свои стратегические планы на личном знании оборонительных сооружений. К несчастью, их современные преемники заменили это слишком хорошим знанием штабной службы. Возросшая специализация военных действий в значительной степени

ответственна за бесплодность военного искусства. По мере того как военные действия будут вестись на более научной основе, военное искусство еще больше упадет. Лишь от немногих мы можем ожидать той поразительной способности и к тому и к другому, которую обнаружил Лоуренс, в чем ему помогло его удивительное чувство меры и еще более удивительная способность уединяться от общественности.

Он в молодые годы приобрел свое знание истории и высшей теории войны, и я никогда не встречал ни одного генерала, который был бы так начитан, как Лоуренс. Особенную пользу он получил от изучения тех мыслителей XVIII столетия, которые проложили дорогу революции в стратегии, начавшейся накануне французской революции, учеником которых был Наполеон. Это глубокое знание исторического опыта, обогащенное общим знанием целого ряда предметов, имевших косвенное отношение к военному искусству, оказалось таким интеллектуальным вооружением, каким в его время не обладал ни один командир. Будучи проверено на личном опыте, оно дало Лоуренсу такое теоретическое понимание войны, которое также было единственным в своем роде. Действительная сущность изумительной военной карьеры Лоуренса лучше всего характеризуется его собственными словами:

«Я не был солдатом, действовавшим под влиянием инстинкта, автоматом с интуицией и удачными идеями. Когда я принимал решение или выбирал альтернативу, я это делал лишь после того, как изучал все относящиеся, а также и многие не относящиеся к делу факторы. В моем распоряжении была география, структура племен, общественные обычаи, язык, принятые стандарты — все. Противника я знал почти так же, как и свои собственные силы, и неоднократно сражался вместе с ним, подвергая себя риску, чтобы «научиться».

То же самое и в отношении тактики. Если я хорошо пользовался оружием, то это потому, что я умел с ним обращаться. В отношении винтовок дело обстояло просто. Я прошел курс обучения под руководством инструкторов по обращению с пулеметами Льюиса, Виккерса и Гочкиса. Я ознакомился со взрывчатыми веществами у моих учителей из инженерных войск.

Для того чтобы уметь использовать бронемашины, я научился ими управлять и выводить их в бой. Я по необхо-

димости сделался артиллеристом, а также мог лечить и разбираться в верблюдах.

Я не мог найти на войне учителей для той стратегии, которая мне была нужна, но у меня были знания, приобретенные чтением военных книг в течение нескольких лет, и даже в том небольшом труде, который я написал об этом, вы сможете проследить намеки и цитаты, представляющие собой сознательную аналогию.

Поймите, что военное искусство, по крайней мере мною, было достигнуто не благодаря инстинкту, без всяких усилий, но пониманием, упорным изучением и напряжением ума. Если бы оно далось мне легко, я не достиг бы подобных результатов».

Поставленного им самим для себя идеала он не достиг, поскольку считал, что «совершенный полководец должен знать все на небе и на земле». Однако судить о нем следует по образцам, оставленным историей. Возможно, что Лоуренс был прав, когда, сожалея об «отсутствии любознательности», сказал: «Имея за собой боевой опыт на протяжении 2 000 лет, мы не имеем никаких оправданий тому факту, что, сражаясь, мы сражаемся недостаточно хорошо». То обстоятельство, что он эту любознательность проявил, позволяет не только отнести его к мастерам военного искусства, но благодаря ясности понимания им своего дела поставить его выше их.

Тем не менее если и считать доказанным его право быть отнесенным к этой группе полководцев, то все же Лоуренс от них отличается, потому что в духовном отношении он их превосходит.

Мне говорят, что молодые люди рассказывают, а молодые поэты пишут о нем как о каком-то «мессии», как о человеке, который смог бы, если бы захотел, быть светочем, который вывел бы спотыкающееся человечество из его затруднений. Я не собираюсь предаваться пророчествам о том, смогла ли его внутренняя сила повести куда-либо далее,— в этой книге я рассматриваю лишь факты, а не будущее. К тому же трудно найти тот совместимый с его философией путь, идя по которому, он смог бы сыграть подобную роль. Безразличие Лоуренса к политическим вопросам столь же известно, как и его отвращение к искусству подмосток. Но во всяком случае я могу сказать, поскольку я знаю Лоуренса, что он, мне кажется, подошел ближе, чем кто бы то ни было другой, к обладанию подобной силой. Лишенный мелочности, свободный от часто-

любия и неизмеримый в понимании, его индивидуализм исходит из мудрости веков — той мудрости, которая показывает, что жизнь может быть выносима, и человечество может развиваться только в атмосфере свободы [1].

---

[1] Раздел этот, показавшийся мне весьма затрагивающим личность Лоуренса, был мною ему зачитан; в связи с этим Лоуренс заметил, что, пожалуй, он больше похож на ловкого пешехода, который увертывается от автомобилей, движущихся по главной улице. — *Л. Гарт.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
издательства	3
предисловия автора	13
Глава I. «Крестоносец»	15
Глава II. Восстание арабов	28
Глава III. Разногласия	49
Глава IV. Клин	64
Глава V. Восстание разрастается	85
Глава VI. Воинственные размышления	94
Глава VII. Распространение «заразы»	103
Глава VIII. Осуществленная стратегия	117
Глава IX. Новые перспективы	126
Глава X. Борьба за базу	135
Глава XI. Нажим на Палестину	148
Глава XII. «Регулярная» кампания	167
Глава XIII. Кампания становится все более «регулярной»	180
Глава XIV. Подготовка к конечному удару	201
Глава XV. Нанесение конечного удара	217
Глава XVI. Путь к Дамаску	232
Глава XVII. Конец войны	253
Глава XVIII. «Семь столпов мудрости»	266
Глава XIX. Осуществление	269
Эпилог	287

Редактор батальонный комиссар *Мурашев*
Технический редактор *Стрельникова*
Корректора *Косоурова, Цветков*

Сдано в производство 15.VI—39
Подписано к печати 27.X.39
Формат бумаги 84×108/32
Объем 18½ печ. л., 1⁰,6 уч. авт. л.
Уполн. Главлита № Г—3541
Издат. № 332
Зак. № 1822

Отпечатано
во второй типографии
Гос. воен. изд-ва НКО СССР
им. К. Ворошилова
Ленинград, ул. Герцена, 1

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ